

U S GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

ВЕШНИЕ ВСХОДЫ.

СТИХИ, ЭСКИЗЫ, НАБРОСКИ

и

ПЪСНИ

П. МАРТЬЯНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Хава, Графскій переулокъ, № 5.

1872.

Mart'yanov, Petr Kuz'mich

ВЕШНИЕ ВХОДЫ.

СТИХИ, ЭСКИЗЫ, НАБРОСКИ

И

ПЪСНИ

П. МАРТЬЯНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Хана, Графскій переулочъ, № 5.

1872.

PG 3467
M35 V4

17-0066-54 3/8

МОЛИТВА СЛАВЯНИНА.

Податель Всякихъ Благъ, прошло тысячелѣтье
Съ тѣхъ поръ, какъ намъ Кирилъ Селунскій завѣщалъ
Законъ и писмена—великое наслѣдье,
И, вдохновленный откровеньемъ, общалъ
      Всему славянскому народу
      Объединенье и свободу.

Но Ты хотѣлъ, чтобъ мы подверглись испытанью,
И Твой народъ терпѣлъ въ теченье столькихъ лѣтъ
Погромы, плѣнь и плеть, позоръ и поруганье,
Страдалъ, томился, ждалъ и вѣровалъ въ завѣтъ,
      Тобой дарованный народу—
      Въ объединенье и свободу.

И вотъ на сѣверѣ, незнаемомъ, далеко, въ
Тебѣ угодно было, Господи, избрать
Единый родъ, гдѣ Ты, въ всевѣденье глубоко, въ
Опредѣлилъ завѣтъ Твой людямъ ниспослать,
      Даруя избранному роду
      И возрожденье, и свободу.

И царство тамъ, Теорець, Твоею благодатью
 Возстало, вознеслось, окрѣпло и растеть,
 Создавъ права и судъ, храня ихъ мудрой властью
 И развивая мысль, науку—нашъ оплотъ,
 Готовить Твоему народу
 Объединенье и свободу.

Хвала Тебѣ за то, нашъ Царь и Вседержитель,
 Хвала изъ рода въ родъ, хвала изъ вѣка въ вѣкъ,
 Пока есть на землѣ хотя единый житель,
 Единый славянинъ, единый человекъ
 Изъ предъизлюбленнаго рода,
 Гдѣ возрождается свобода.

Но милостивый Богъ, Судья нашъ справедливый,
 Возри съ такой же благодатью на роды тѣхъ славянъ,
 Которые, томясь подъ властію кичливой,
 Въ неволѣ тягостной, подъ игомъ мусульманъ,
 Такъ жадно ждуть изъ года въ годы
 Объединенья и свободы.

Услышь, о Всемогущій, скорбь ихъ, стонъ, рыданья,
 Вѣка страдающихъ, „прижатыхъ“ пожалѣй,
 Отъ рабства и оковъ, насилья, поруганья,
 Отъ грабежа и мукъ спаси Твоихъ людей
 И даждь славянскому народу
 Объединенье и свободу.

Ущедри, Господи, славянъ, всея племена,
 Пошли имъ миръ, союзъ, развитие и побѣду:

И жизнь разумную безъ страха и пятна,
Сплоти въ одну семью, въ единую бесѣду,
И завѣщай во вѣкъ народу
Единство, силу и свободу.

И если мы забывъ предвѣчныя велѣнья,
Сойдемъ на ложный путь, — о, Боже, и тогда,
Ты помани вѣка неволи, униженья,
Дни скорби, горести, безсилья и стыда,
И сохрани, Благій, народу
Единство, силу и свободу.

14 Февраля 1869 г.
день тысячелѣтія кончины Св.
Вѣрыла, просвѣтителя славянъ.

ОБАЯНІЯ.

На рубежѣ двухъ дней, въ часъ нѣги и томленья,
Когда кругомъ все спитъ могильнымъ, крѣпкимъ сномъ,
Люблю я повѣрять живыя впечатлѣнья
Прожитаго и видѣннаго днемъ.

И нынче, какъ всегда, сижу я... Ночь нѣмая;
Задумчиво въ окно глядитъ луна съ небесъ,
Сребристо-матовымъ сіяньемъ обливая
Рѣку и мостъ и дальній синій лѣсъ.

Въ прозрачной полумглѣ ложится тѣнь отъ башни,
Отъ монастырскихъ главъ и каменной стѣны,
И силуэтъ домовъ растетъ на льдистой пашиѣ,
Ниспавъ съ зарѣчной, горной стороны.

Правѣ—рядъ холмовъ, обрывъ съ крестомъ чугуннымъ,
Въ снѣгахъ закутавшись, легла за нимъ гора,
Сверкая и горя подъ яркимъ блескомъ луннымъ
Громаднымъ самородкомъ серебра.

Сижу я полночь думъ,—и чудныя видѣнья
 Встають передо мной, какъ призраки во тьмѣ,
 Мечты, вопросы дня и утра впечатлѣнья
 Образыѣ рисуются въ умѣ.

То тѣни вижу я, извѣстныя все тѣни,
 То вдругъ событій рядъ минувшихъ промелькнетъ,
 То группа цѣлая роскошнѣйшихъ видѣній —
 Какъ свѣтлое, грядущее встаетъ.

Вотъ дѣва грустная, съ короной Вячеслава
 Въ раздумьѣ опершись на рухнувшій гранитъ —
 Остатокъ прошлаго величія и славы,
 Обманута, поругана стоитъ....

Вотъ скорбная вдова предъ свѣжею могилой,
 Безвременно врагомъ сраженнаго вождя;
 Опоры ищетъ взоръ въ толпѣ друзей уныло,
 Но вся опора ей—ея дитя....

Вотъ гордая жена, властительница моря,
 Соперницѣ счастливой въ жертву предана,
 Съ поднятою рукой, съ рѣшимостью во взорѣ
 Стоитъ негодованія полна....

Вотъ образъ женщины, породистой, вельможной,
 Развѣнчанной судьбой, въ гаремѣ старика,
 Въ слезахъ и траурѣ прелестной и роскошной,
 Грозитъ на мѣръ перстомъ издалека....

Вотъ сонмы личностей, отдавшихъ жизнь за дѣло,
 За слово и за мысль, за нравственный союзъ,
 И выше всѣхъ стоитъ, въ борьбѣ погибшій смѣло
 За православіе — великій Гусь.

А вотъ событія.... рядъ битвъ.... Косово поле....
 Вотъ Калка.... пиръ на трупахъ.... Бѣлая гора....
 И годы гибели.... и долгая неволя....
 Топоръ и колъ, и пламя отъ костра....

И думается мнѣ: въ долгу мы за погромы,
 Хоть кровь, пролитая на Калкѣ, отмщена,
 Долгъ платежемъ красенъ — и бросить мщенья громы
 Часъ настаетъ, родныя племена....

Исторія и культъ, удѣлъ славянъ грядущій,
 Какъ грандіозно вы рисуетея мнѣ,
 Повитые мечтой, въ глубь вѣчности бѣгущей
 Въ торжественной глубокой тишинѣ.

Вотъ Подебрадь, нашъ Петръ, Георгій Чорный,
 Вотъ Даніиль, Асань, Коцель и Казиміръ,
 Вотъ Владухъ, Зринскій — всѣ, чей геній благотворный
 Прославилъ и вознесъ славянскій міръ.

Вотъ Пушкинь, Хомяковъ, Венелинь и Нагловичъ,
 Мицкевичъ, Ганка, Рещъ, Караджичъ и Шопень,
 Шафарикъ, Гоголь, Штуръ, Шевченко и Башковичъ, —
 Весь цвѣтъ славянъ двѣнадцати колѣнь.

Вотъ современные намъ новые саперы
 Въ великомъ подвигѣ сліянiя славянъ,
 За тихой сапой ихъ слѣдятъ Европы взоры,
 И взрыва ждуть Карпаты и Балканъ.

И близокъ, мнится, часъ когда славянъ всѣ роды,
 Забывъ религiй рознь, усобицу свою,
 Сольются наконецъ, подъ сѣнію свободы,
 Въ одну великую и дружную семью.

Отъ Адриатики, до Кяхты и Саяна,
 Съ Кавказа и Балканъ до водъ Сахалина,
 Отъ тундръ Архангельска до стѣнъ Авганистана
 Семья славянъ осядется одна.

И процвѣтутъ въ усильяхъ общихъ: путь прогресса,
 Образованіе, развитіе личныхъ правъ,
 Свобода совѣсти, наука, мысль и пресса,
 И станемъ мы въ челѣ другихъ державъ...

Но гаснетъ ночь, и за горою, надъ обрывомъ,
 Стѣной отвѣсною повисшимъ надъ рѣкой,
 Среди дѣвственныхъ снѣговъ, въ эскизѣ прихотливомъ,
 Блеснулъ какъ будто отблескъ огневой.

То брезжится заря, сквозь облако густое
 Трехцвѣтнымъ знаменемъ встаетъ красаецъ день,
 И гонитъ на покой подъ утро золотое
 Роскошную видѣній чудныхъ тѣнь.

Пусть такъ, я ухожу... но скоро ль ты, заря,
Взойдешь предвѣстницей желаннаго слянья,
Имперіи славянъ зачатъе озаря
    Такимъ же блескомъ чуднаго сіянья?...

25 Марта 1869 г.

ОБЩЕЕ ДѢЛО.

Есть у каждаго дѣло текущаго дня,
Спеціальное, личное, частное,
Дѣло избраннымъ цѣлямъ причастное,
Дѣло собственныхъ выгодъ, семьи, бытія,
Дѣло хлѣба и крова всевластное.

И есть общее дѣло — наслѣдье вѣковъ,
Дѣло земское, дѣло народное,
Дѣло лицамъ и массамъ угодное,
Дѣло мысли и думы великихъ умовъ,
Дѣло воли разумной свободное.

Какъ недавно такимъ общимъ дѣломъ у насъ
Было славное дѣло крестьянское,
Жертвъ и доблести дѣло гражданское,
Такъ и нынѣ, въ эпоху общенія расъ,
Стало общимъ всѣмъ дѣло славянское.

Всѣ мы видимъ въ союзѣ славянскихъ племень,
Въ политическомъ ихъ обновленіи,
Въ социальномъ-единомъ строеніи:

Благодеяніе, силу, реформы, законъ,
И вліянье на міръ и значеніе....

Всѣ мы знаемъ, что съ братскимъ сліяньемъ славянъ,
Встанеть гордо свобода желанная,
Полноправная, исто-гуманная,
И предъ стягомъ народнымъ славянскихъ всѣхъ странъ
Рухнетъ вражья хоругвь чужестранная....

Пусть же каждый изъ насъ, кто съ целью патріотъ,
Кто сочувствуетъ дѣлу сліянія,
На строеніе великаго зданія,
Безраздѣльно посильную лепту внесеть —
Лепту знаній, ума, состоянія....

20 апрѣля 1869 года.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Когда въ груди моей заснетъ тоска и злость
И лягутъ взбаломученныя страсти,
Когда слетитъ на душу миръ — мой рѣдкій гость,
Забвеніе несчастья и напасти, ---

Я вспоминаю васъ, друзья весны моей,
Средь дѣтскихъ игръ, безпечныхъ, своевольныхъ,
И въ школѣ съ книгами, и въ свѣтѣ межъ людей —
Съ надеждами, счастливыхъ и довольныхъ....

Гдѣ вы теперь? Все тѣ-же-ли какъ прежде?
Иль измѣнили васъ невзгоды, бремя лѣтъ?
Сбылись-ли грезы юности, надежды?
Иль обманулись вы, узнавши жизнь и свѣтъ?

Быть можетъ, многихъ нѣтъ, лежать въ землѣ сырой,
Пройдя безплодный, скользкій путь сомнѣній....
Быть можетъ, многіе равняются со мной,
Неся такой же крестъ труда, лишены....

Миръ вамъ, уснувшіе товарищи — друзья!
Привѣтъ живымъ! Привѣтствіе вамъ снова....
Къ вамъ снова прежняя, живая рѣчь мои
И съ пей воспоминанія былова....

3 марта 1863 года.

НА НЪМАНЪ.

Чась покоя и сна, мнѣ не спится,
Голова какъ свинець тяжела,
На душѣ непроглядная мгла,
И въ той мглѣ, какъ змѣя шевелится
Злоба немощи противу зла.
Думы душать, томятъ... не могу
Дома болѣе я оставаться,
Надѣваю пальто и бѣгу
Городъ спящій смотрѣть, любоваться....
Ночь морозная, зимняя ночь,
Небо блещетъ златыми звѣздами,
Словно бранное поле костями,
И луна ночи темная дочь
Мириадами звѣздъ окруженная,
Какъ царица, врагами плѣненная,
Безъ значенья и власти, одной —
Свѣтомъ блѣднымъ — своей красотой
Все чаруя, надъ міромъ склоняется

И улыбкой—сребристымъ лучомъ
 Все подвластное взору кругомъ
 Еще разъ подаривши, прощается.
 Стонеть Нѣманъ свободный и гордый,
 Подъ оковами тяжкими льда
 Протестуя разумно и твердо
 Противъ плѣва, цѣпей и стыда.
 Стону внемлять безопасно громады
 Горь тюремщицѣвъ сѣвшихъ кругомъ,
 Взоръ туманятъ ихъ стройныя ряды
 Бѣлоснѣжныхъ одеждъ серебромъ.
 Въ волнахъ трепетныхъ луннаго свѣта
 Тонуть башни, костелы, дома
 И пріюты ума и совѣта—
 Богадѣльня, больница, тюрьма....
 Что мнѣ дѣлать?... все въ городѣ спить,
 Окна заперты, замкнуты двери,
 Даже въ области миленькой Мэри
 Типина гробовая царить.
 И не слышно ни пѣсни, ни рѣчи,
 Въ длинныхъ улицахъ нѣтъ ни души,
 Только сторожъ старикъ узкоплечій
 Въ доску бьетъ монотонно въ типи;
 Далеко покаталися звуки
 Безпощадной его стукотни,
 И безъ отелика робко на югъ
 Словно жалобы смолели они.
 Въ княземъ домѣ лампада мерцаетъ
 И въ безмолвіи стройномъ ночномъ,
 Синеватымъ своимъ огонькомъ

Любопытный мой взоръ привлекаетъ.
 Масса черная барскихъ палатъ
 Тишиной непробудной объята,
 Гдѣ теперь вашъ властитель — магнатъ,
 Цѣлый край увлекавшій когда-то
 Рядомъ праздниковъ, тостовъ, спичей
 И другихъ современныхъ затѣй?...
 Старый домъ его, мракомъ одѣтый,
 Непріязненно какъ-то глядитъ,
 И лишь въ нижнемъ этажѣ лучъ свѣта
 Пробиваясь сквозь окна блеститъ.
 Обстановка — смотрю я — каплицы,
 Изваяній угодниковъ рядъ,
 Вдохновенно-суровыя лица
 Ихъ какъ-будто съ укоромъ глядятъ.
 На подножіи въ нишѣ глубокой
 Межъ шандаловъ, курильницъ и книгъ,
 На крестѣ возносяся высоко,
 Искупитель главою поникъ.
 И со скорбью нѣмою во взорѣ,
 Предъ распятіемъ склонившись челомъ,
 Пала чудная женщина.... горе
 Бѣя розлито, видно, во всемъ....
 Патріотка, красавица, что ли,
 Иль дѣтей потерявшая мать,
 Или жертва любви и неволи —
 Къ сожалѣнью, немогъ я узнать.
 Видѣлъ только я тяжкую долю
 Видѣлъ слезы страданія тамъ,
 Гдѣ бы полное счастье и волю

Завѣщать можно было вѣкамъ...
Жаль, не въ силахъ помочь я несчастью,
О несчастьи скорбѣть лишь могу,
И отдавшись слезамъ и участью
Все жъ помочь я ему не могу.

1 Марта 1863 г.

Мечта игривая осенній первый балъ
Во всей его красѣ рисуетъ предо мною,
И снова вижу я ряды парадныхъ залъ,
Наполненныхъ гостей блестящею толпою.
Я вижу блескъ камней, изящество нарядовъ,
Шикарность, свѣтскость, лоскъ, сіянье красоты,
И вижу роскошь формъ, и томность жгучихъ взглядовъ,
И граціозную задумчивость мечты.
Свѣтло и весело, повсюду разговоры,
Живой и звонкій смѣхъ, улыбки, острота,
Забыли видно счетъ свой люди, злобу, споры,
Сословную вражду, утраты и лѣта.
Но вотъ гремитъ оркестръ, несутся въ вальсѣ пары,
Воздушны и легки какъ утренніе сны,
Воеторгъ у нихъ въ очахъ, его могучи чары —
Всѣ улыбаются и всѣ оживлены.
И лишь одна изъ всѣхъ красавицъ своевольно,
Веселья общаго чуждаяся, груститъ,
Томится умъ ея, бездѣйствуя невольно,
Душа разбитая болѣетъ и скорбитъ...
Давно-ль она была счастливою невѣстой,
Любила, вѣрила, надѣялась — и вдругъ
Исчезло все какъ сонъ, подъ бременемъ ареста

На дальнемъ сѣверѣ погибъ несчастный другъ...
Я помню, долго съ ней на балѣ говорилъ
О дняхъ, исполненныхъ надеждъ и увлеченья,
О женскомъ мужествѣ—источникѣ всѣхъ силъ,
О жертвахъ и борьбѣ—коснулся ихъ значенья,
Коснулся также я и жгучихъ сердца ранъ,
Излилъ сочувствіе немногими словами,
И ледъ зажегъ на мигъ, и не былъ то обманъ —
Подъ утро съ нею мы разсталися друзьями...
И вотъ теперь опять, когда картины бала
Предъ мной проносятся, смѣняясь чередой,
Смотрю я на нее, опять она предстала
Съ нѣмою скорбію и грустью предо мной.
Мольбы исполненъ взоръ, упрека—гордый ликъ,
Улыбка—долгаго и тяжкаго страданья...
О! если бы зажглась въ ней жизнь на краткій мигъ,
Отверзлися уста и вспыхнулъ огонь желанья...

30 Сентября 1864 года.

ВЪ ДОРОГЪ.

Заболѣлъ я, лежалъ двѣ недѣли,
Чуть поправился, хочется въ путь,
Часто думалъ я лежа въ постели:
„Не удастся на свѣтъ мнѣ взглянуть.“
И теперь вотъ, когда понемногу,
Какъ дитя, я чуть началъ ходить,
Меня тянетъ больного въ дорогу,
И капризъ мой не могутъ сломить.
Я рѣшился уѣхать и рвуся,
Уложилъ чемоданъ поутру,
Скоро-ль выѣду—жду не дожжуся,
Дай-то Господи, хоть ввечеру...

Наконецъ-то дождался отъѣзда!
Тройка сѣрыхъ стоитъ у крыльца,
Провожаютъ друзья до подъѣзда,
На мнѣ нѣтъ—такъ я блѣденъ—лица.
Не безъ грусти сажуся въ телѣгу,
Руки жму всѣмъ, звучить поцалуй:

— Полно, другъ мой, не плачь, не тоскуй,
 Доберусь какъ нибудь до ночлегу...
 А умру?... Не рѣшилъ я вопроса,
 Тройка тронулась, звякнулъ звонокъ,
 Застучали по камнямъ колеса,
 И встряхнуло мнѣ весь позвонокъ...
 Допотопныя наши телѣги!
 Мостовыя — прикусишь языкъ!
 Не поклонникъ я барства и нѣги,
 Но къ такому пути не привыкъ.

Бѣду, вечеръ; смеркать начинается,
 Небо жмурится, дождикъ кропить,
 Черный пологъ свой ночь выпускаетъ,
 Мой деньщикъ завернулся и спитъ.
 Грязно, мглисто, дорога дурная,
 Еле тащатся кони шагкомъ,
 Тряска сильная, боль презирая,
 Стиснувъ зубы лежу я ничкомъ.
 Вотъ и звѣздочка вспыхнула въ небѣ,
 У корчемъ зажжены фонари,
 Вотъ деревня, гдѣ только о хлѣбѣ
 Помышляютъ съ зари до зари,
 Небольшая на видъ деревушка,
 Ея бѣдность не скроешь — видна:
 Безъ пристроекъ мелькнула избушка,
 Вотъ еще и еще, не одна—
 Много ихъ... но Богъ съ ними... дорога,
 Приодѣвшись песчаной парчой,
 Стала лучше какъ будто немного,

И пошла моя тройка рысцей.
 Путь-дорога идетъ все полями,
 Окаймленная рядомъ деревь,
 Свѣтъ подь горкой лежитъ полосами,
 Въ родѣ мраморныхъ бѣлыхъ столбовъ.
 Вѣтви голыя плачущей ивы
 Опустились къ землѣ, и во рву
 При дорогѣ пьютъ воду, снѣсиво
 Рядомъ держитъ березка главу.
 Безъ настилки, почти что согнившій
 Мостъ надъ рѣчкой бурливой виситъ,
 Можно ногу сломать, а подившій—
 Словно птица, ямщикъ нашъ летитъ...

Но вотъ станція—Господу слава,
 Отдохнулъ и поѣхалъ опять,
 Пѣньемъ птицъ огласилась дубрава,
 Встала зорька и стало свѣтать.
 Утро сѣрое вышло, туманомъ
 Облеклися поля и лѣса,
 Парь надъ полемъ повисъ, за курганомъ
 Рядъ строснїй чуть видятъ глаза.
 Потянулася дорога горами,
 Пни, кустарникъ, запашки квадратъ,
 И на этомъ квадратѣ мѣстами
 Двѣ-три еучки навоза лежатъ.
 Начался трудъ тяжелый, крестьянскїй,
 Манитъ взоры невольно къ нему,
 Трудъ не то, что пустой шарлатанскїй,—
 Пожелаемъ успѣха ему!

Вотъ и съ горки спустились въ долину,
 На базаръ потянулся народъ,
 Мальчишекъ гонить на бойню скотину,
 Но что это, мой Боже, за скотъ!...
 Исхудалый, измученный, зиму
 На плохихъ видно былъ онъ кормахъ,
 У крестьянъ—это тѣмъ объяснимо—
 Нѣтъ ни хлѣба, ни корму въ домахъ.
 Длится путь мой до ночи до самой,
 Растрясло меня—сѣсть не могу:
 Рухъ телѣги, пригорки да ямы
 Отзываются прямо въ мозгу...
 И предъ взоромъ отраднато мало—
 Нищета, нищета, нищета!
 Мать природа совсѣмъ отошала
 Гдѣ-жъ, природа, твоя красота?
 Пашни черныя, пажити голы,
 Воды лентой обвили ихъ сѣать,
 Лишь кресты—разныхъ бѣдствій символы ¹⁾.
 Словно стражи повсюду стоятъ.
 Нѣтъ ни всходовъ на вспаханыхъ нивахъ,
 Ни травы на безбрежныхъ лугахъ,
 Ни листка на деревьяхъ сонливыхъ,
 Ни снопа, ни зерна въ закромахъ....
 Съ ящичкомъ я вступилъ въ разговоры,
 Говорить: „справедливости нѣтъ,

¹⁾ Въ этой мѣстности существуетъ обычай ставить въ поляхъ кресты въ память окончанія падежа скота, болѣзней и т. п.

Притѣсненія, обиды, поборы,
 Да объ этомъ калякать не слѣдь "...
 А начальство, я молвилъ, на что же?..
 „Далеконько, не видимъ его,
 Да и лѣзть то въ нему намъ не гоже,
 Не можешь себѣ ничего!“...

Бду дальше, мнѣ лучше, покойнѣй,
 Взоръ блуждаетъ, туманная даль,
 Разстилается шире, привольнѣй,
 Съ ней слилась какъ бы неба эмаль.
 Въ сердцѣ вспыхнули снова желанья,
 Улыбнулся я, тихо вздохнулъ,
 И припомнилъ мечты, ожиданья,
 Всѣ надежды — и злобно зѣвнулъ...
 Задремалось, смѣжилися очи,
 На подушку склонилъ я главу
 И какъ будто средь темныя ночи,
 Вижу сладкіе сны на яву.
 Слышу я монотонное пѣнье,
 Нашу русскую грустную пѣснь,
 То вотъ смолкла какъ бы на мгновенье,
 То опять раздалася... „болѣзнь“
 Я подумалъ и шубой накрылся,
 Но пѣснь громче вдругъ слышу, привсталъ,
 Осмотрѣлся вокругъ и смутился, —
 Погребальный кортежъ увидалъ.
 На клячонкѣ невзрачной и тощей
 Гробъ, окрытый халатомъ, везли
 И въ печали немолчной, всеобщей,

За нимъ родичи съ пѣніемъ шли...

— На кладбищѣ?... „Такъ точно, родимый.“

— Отчего же священника нѣтъ?

„Люди бѣдные мы, такъ вѣстимо,

Не пошелъ, мнѣ крестьяне въ отвѣтъ.

Ночь смѣжила усталыя вѣжды,

Но ужь ѣхать я дальше не могъ—

Этой ночью я вновь занемогъ,

И лежу безо всякой надежды.

Силы львинныя мнѣ измѣнили,

Не пойду я желанной стезей...

Ахъ, зачѣмъ вы надежды манили,

И смѣялися лишь надо мной...

Мартъ 1865 года.

ВЪ САДУ.

Чудный вечеръ. Въ садъ тѣнистый
Пить всей грудью воздухъ чистый
Собрались двѣ -- три семьи;
Дамы -- розы, двѣ старушки,
Дѣти -- милая рѣзвуха,
Всѣ сошлись у скамьи.
Разсуждали, говорили,
И смѣялись, и шутили, —
Вдругъ въ лохмотьяхъ, босъ и нагъ,
Близъ красавицъ горделивыхъ,
Беззаботныхъ и счастливыхъ,
На скамью присѣлъ бѣднякъ.
Рѣчью желчною и злою,
Перемѣшанной съ слезою,
Обратилъ вниманье дамъ,
И улыбки сожалѣнья
Худо скрытаго презрѣнья,
Замелькали по устамъ.
— Кто ты? чей? — „Недужный нищій...

Цѣлый день провелъ безъ пищи
 Никто не далъ бѣдняку.“
 — Чтожь ты хочешь?— „Ломтикъ хлѣба,
 Ломтикъ только, ради неба,
 Дайте, баре, старику...“
 И вотъ снова разговоры,
 Смѣхъ и шутки, только взоры
 У красавицы одной
 Блещутъ чувствомъ тѣмъ высокимъ,
 Что дается лишь немногимъ,
 Что зовется добротой.
 Предаваясь увлеченью,
 Безотчетному влеченью —
 Не казаться доброй — быть,
 Дѣва ницаго больнова
 Повела къ себѣ безъ слова —
 Напоить и накормить.
 Вотъ проходитъ, рдѣютъ щеки,
 Грудь волной бурлитъ высокой,
 Взоръ опущенъ — хороша!...
 Мой привѣтъ тебѣ, дѣвица,
 Поглядишь вокругъ — все лица,
 Лишь въ тебѣ одной душа.

9 іюня 1864 г.

ПРАЗДНИКЪ ПАСХИ.

Праздникъ Пасхи. Мундиры и фраки съ утра,
Какъ безумные рыщутъ съ визитами,
И къ швейцарамъ являются лѣвы для смотра —
Расфранченными, гладко обритыми.

Поздравленья знакомыхъ, служащихъ и слугъ,
И въ домахъ и при встрѣчахъ лобзанія;
Умилительно видѣть, какъ недруги вдругъ
Совершаютъ процессъ цалованія.

За то съ дамами — дѣло иное совсѣмъ,
Поцалуй обмѣнить не рѣшаются,
И любитель до нихъ остается ни съ чѣмъ —
Ручки только ему протягаются.

На столахъ всюду груды съѣстнаго лежать,
Разговоры, приѣмъ церемонные,
Рѣчи нѣту живой, только фразы звучать,
Съ юныхъ лѣтъ наизусть затверженные.

Всюду яйца — подарки... пасхальный рычагь...
 Много дивнаго имъ совершается,
 Дружбу, ласку, награды и множество благъ
 Движеть этотъ рычагь, замѣчается.

Секретарь у начальника принять, какъ сынъ,
 Его любятъ папаша и дѣточки,
 Вотъ онъ дѣтямъ везеть чуть не весь магазинъ —
 И получить... обрывочекъ ленточки.

Влюбленъ страстно папаша въ красотку одну,
 Да красотка-то очень капризная;
 Но колье, да браслетъ умиляютъ — и ну...
 Завязалась интрижка акцизная.

Недоступна актриса, и вотъ рысаковъ,
 Да карету со сбруей англійскою
 Шлетъ въ подарокъ банкиръ, и затѣмъ ужъ безъ словъ
 Наслаждается дружбою близкою.

Офицеръ молодой, человекъ безъ связей,
 Безъ ума, но пріятной наружности,
 Дебютируетъ смѣло въ салонѣ князей —
 И затѣмъ по гостинымъ въ окружности.

Писарь любить три года священника дочь
 Безнадежно, лишь въ церкви съ ней видится,
 Поглядить и поидеть; но въ великую ночь
 Поздравляетъ — и кой-что предвидится.

Съ утра ранняго пьеть и гуляетъ народъ,
На плацу самоваты съ качелями,
Погулять и кормилица нынче идетъ,
И собачки съ своими лакеями.

Веселится классъ низшій безопасно весь день,
Пѣсни, пляска, игра по распивочнымъ,
И столбнутся родные.—кулакъ какъ кистень,
Ненарочно, манеромъ ошибочнымъ.

Сцены въ родѣ такихъ: „Ванька любишь меня?“
Хмѣльный къ хмѣльному вдругъ обращается,
„Знамо дѣло, люблю“...—„Бей же въ рожу, родня!“
Ванька бьетъ—тотъ какъ пласть растягается.

— Лихо, братъ, приурочилъ, люблю молодца,
Говорить мужичокъ, приподнявшись,
Щоку третъ и зоветъ на полштофъ удалца,
И пошли вотъ друзья, приобнявшись.

Апрѣль 1865.

АРТИСТКЪ.

Съ первымъ солнечнымъ, теплымъ алмазнымъ лучомъ,
Съ первой травкой, зеленой шелковою,
Съ первымъ вешнимъ, томительно-сладостнымъ днемъ,
Съ первой зорькой златисто пунцовою,—
Тамъ, въ деревнѣ, въ спокойной и тихой глуши,
Подъ крестьянскою кровлей, убогою,
Встрѣтятъ васъ безмятежная радость души,
Жизнь простая съ свободой широкою.
Тамъ окрѣпнуть въ васъ силы, возвысится духъ,
Вспыхнетъ творчества искра великая,
И надежды, лаская и пѣжа вашъ слухъ,
Обовьются веругъ васъ павиликою.
Роскошь, пѣга весны, ея грезы и сны,
Фантастичный миражъ наслажденія
Очаруютъ васъ вновь, въ грудь заронятъ любовь,
Пламя въ сердцѣ зажгутъ вдохновенія.
И напѣвы любви слушать станете вы
Подъ вечернюю трель соловьиною,

Юный дѣвственный міръ, свѣтлый празднуя пиръ,
Долю счастья вамъ выдѣлитъ львиную.
А подь осень, когда часъ настанетъ труда —
Возвратитесь вы къ намъ чаровницею,
И на свой пьедесталь, что талантъ вамъ стяжалъ, —
Гордо станете міра царицею.

25 марта 1870 года

Е. С. 3 — ВОЙ.

Вокругъ васъ жизни цвѣтъ роскошный,
Благоуханье, пламень, свѣтъ,
Любви и ревности тревожной
Порывъ и ропотъ непреложный,
И грезъ о счастья яркій слѣдъ.

Вокругъ васъ бой, кипитъ отвага,
И бьетъ, и брызжетъ какъ фонтанъ,
И увлекаетъ словно сага,
Иль рѣчь таинственная мага
Въ очарованье и обманъ.

Но вамъ все чуждо.... пылъ сердечный
И сладость нѣги и побѣдъ —
Все брака Молоху безпечно,
На жертву вы безчеловѣчно
Несете въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ.

А. К. Т—НЪ.

Не плачь дитя, жемчужинъ слезъ
Не трать, не мучь себя напрасно:
Что слезы женскія? -- вопросъ
И щекотливый, и опасный....

Мнѣ жаль, что шуткой неумѣстной
Я былъ причиной этихъ слезъ,
Что грусть и скорбь моей прелестной
Я вмѣсто счастья принесъ.

Но улыбнись и отпусти
Мнѣ грѣхъ мой первый и невольный:
Деспотка ты въ своей любви,
Въ страстяхъ своихъ я — рабъ крамольный.

Ноябрь 1868 г.

ЕЙ ЖЕ.

(Въ день рожденія.)

Дождь идетъ — мужикъ крестится,
 Дождь весною — благодать:
 Травка выдетъ, хлѣбъ родится,
 Онъ не будетъ голодать.
 Будетъ счастливъ.... Чтожь?... и вы
 Въ день рожденія дождливый,
 Осѣняясь крестомъ любви,
 Ждите — будетъ годъ счастливый....

Я увѣренъ, утро мрачное,
 Непогода дождь и грязь,
 Эта мгла полупрозрачная,
 Словно греза неудачная, —
 Счастья добрый знакъ для васъ.
 Въ немъ зародышъ возрожденія,
 Онъ сулитъ вамъ — какъ весна:
 Жизни мертвой обновленіе,
 И любви и наслажденія
 Востокъ озимаго зерна.

Февраль 1869 г.

П. П. Л—ВУ.

И такъ сегодня въ маскарадѣ,
За колесомъ, среди толпы,
Съ перуномъ молніи во взглядѣ,
Она явилась на эстрадѣ
Капризной жрицею судьбы.

Я любовался долго ею,
Смотрѣлъ какъ въ блескѣ красоты,
Она магнату и плебею,
Съ улыбкой ласковой своею,
Дѣлила счастья цвѣты.

Блаженны тѣ, кому судьбою
Дѣлится дары ея дано,
Кому улыбкою одною,
Возставъ внезапно надъ толпою
Счастливить смертныхъ суждено.

Но тѣ блаженнѣе, кто счастье
Не разсѣваетъ наугадъ,
Кто чуждъ случайности пристрастья,
Въ дарахъ судьбы беретъ участие
И дѣлитъ ихъ какъ добрый братъ.

„О еслибъ — полною увлеченя
Я думалъ въ этотъ чудный мигъ: —
Она — вся счастье и волненье —
Постигла тайну Провидѣнья —
Какъ выборъ важень и великъ...“

29 Ноября 1871 г.

И. П. В—ВУ.

Люблю тебя, товарищъ старый мой,
Люблю --за что и самъ не знаю, право,—
За твой ли нравъ, подвижный и живой,
Или за доблесть рыцарскую права....

Но все равно, за чтобы не любить,
Мнѣ было бѣ, другъ мой добрый, очень лестно,
Когда бы ты на память сохранилъ—
Какъ дружбы знакъ— мой автографъ безвѣстный.

14 Января 1872 г.

С. Е. С—МУ.

Въ водоворотѣ жизни шумномъ,
Вертись какъ бѣлка въ колесѣ—
Съ утра въ приказѣ нашемъ думномъ,
А ночью въ свѣтѣ остроумномъ,—
Неволью сходимся мы всѣ.

Меня плѣняетъ ваша смѣлость,
Въ дѣлахъ служебныхъ быстрота,
Ума начитанность и зрѣлость,
Суровой мысли строй и цѣлость,
И чувствъ сердечныхъ теплота.

Но что люблю въ васъ особливо
Я какъ сектантъ и изувѣръ,
То—это неба даръ счастливый,
Премудрость жизни—такъ стыдливый
И мягкость женскую манерь.

20 Января 1872 г.

Е. П. К — Ой.

И такъ еще одно прощанье
Намъ съ вами нынче предстоитъ,
И какъ ни грустно разставанье, —
Надежда скорое свиданье
Намъ въ утѣшеніе сулитъ.

Пусть Днѣпръ широкій похищаетъ
Васъ у красавицы Невы,
Любовь и злато предлагаетъ,
И рѣчи сладкія вѣщаетъ
Вамъ какъ старикъ влюбленный, — вы

Не разставайтесь сердцемъ съ нами,
Не забывайте той страны,
Гдѣ были добрыми друзьями,
Какъ солнце яркими лучами,
Вы столько лѣтъ окружены.

Гдѣ васъ любили, гдѣ и нынѣ
Васъ любить, тѣшать какъ дитя,
И гдѣ въ соперницы княгинѣ,
На зло властительной гордынѣ,
Друзья васъ прочать не шутя.

Пусть шумный Днѣпръ бѣжитъ быстрѣ,—
Невѣ онъ вами предпочтенъ,—
Пусть васъ привѣтствуетъ дружнѣ
И провожаетъ веселѣ,—
Насъ не тревожить слишкомъ онъ.

Вы возвратитесь — и царицей
Нева сдумѣетъ васъ принять,
И путь предъ вашей колесницей
Цвѣтами, пышной багрянницей
И яркимъ пурпуромъ устлатъ.

12 Августа 1871 г.

А. П. С—Ой.

Между сестеръ ты—лучшая сестра,
Между дѣвицъ ты—лучшая дѣвица,
И между женъ—когда придетъ пора—
Жена ты будешь, не тигрица.

25 Декабря 1871 г.

Е. П. С—ОЙ.

О не забудь, что ты была
Поэта свѣтлою мечтою,
Въ его душѣ одна жила,
И вдохновляла и вела
Его повсюду за собою.

О не забудь, что онъ въ тебѣ
Свой создалъ храмъ и видѣлъ Бога,
И что на зло самой судьбѣ,
Съ людьми и жизнію въ борьбѣ,
Тебя любилъ онъ слишкомъ много.

17 Января 1872 г.

П. П. Л — ВУ.

Вся жизнь твоя, жуирь, не жизнь, а праздникъ.
Долговъ не дѣлая, въ долгу ты вѣкъ:
Между людей солидныхъ — ты проказникъ,
Между проказниковъ — солидный человекъ.
Проказы всѣ твои, положимъ, милы,
Красавицы царятъ въ нихъ да *крушонъ*,
Но все жъ въ любви найдешь ты *Өермонила*,
Крушонолъ будешь сокрушонъ.

17 Января 1872 г.

ИНОСТРАНКЪ.

(Акrostихъ).

Вы — гостя здѣсь безспорно дорогая
И для родныхъ и для знакомыхъ вамъ,
Рѣчь лишь о васъ идетъ у насъ живая,
Глаза бѣгутъ за вами по слѣдамъ,
И мысли всѣ съ завѣтными мечтами
На васъ одну теперь устремлены,
И больше всѣхъ — не скрою передъ вами —
Я въ васъ влюбленъ, звѣзда иной страны.

14 Февраля 1865 г.

НАЧИНАЮЩЕЙ АРТИСТКѢ.

Сдѣшу я вамъ руку какъ другу пожать,
    Пожатіемъ полнымъ участья,
Развѣтъ таланта и средствъ пожелать,
    Успѣха на сценѣ и счастья.
А главное—славы, чтобъ слава о васъ,
    Вниманье столицъ возбуждая;
Какъ громкое эхо въ тиши пронеслась
    Съ Невы до границы Китая.
Чтобъ имя артистки за вами во вѣкъ
    Друзья и враги признавали,
Чтобъ критикъ, знатокъ и простой человѣкъ
    Талантъ въ васъ всегда уважали.

Февраль 1867 г.

Ты хороша как грѣхъ невольный увлеченья,
Ты обольстительна какъ зиждущая власть,
Свободна и рѣзва какъ вѣтра дуновенье,
Ты — вся восторгъ, вся жизнь, вся — пѣга упоенья,
Повитая тоской мучительною страсть.

Безумно о тебѣ я день и ночь мечтаю,
Ищу тебя, зову — никакъ не дозовусь,
Усну — твой легкой стань я въ грезѣ обнимаю,
Не зная я тебя, воснѣ какъ будто знаю,
Проснусь и вновѣ рошщу, тоскую и томлюсь.

Но въ страсти, какъ во всемъ, преслѣдуя идею,
Боготворя самимъ же созданный кумиръ,
Я о любви своей сказать тебѣ не смѣю, —
Ты не поймешь любви возвышенной къ плебею,
Хотя бь онъ даль тебѣ блаженства цѣлый мѣръ.

22 Юля 1869 г.

П. И. К—МУ.

Напрасно ты себя считаешь
 Разочарованнымъ, мой другъ,
 Ты лучше всѣхъ насъ понимаешь,
 Что очарованнымъ вступаешь,
 Любви въ волшебный тѣсный кругъ.

Къ чему же тутъ декорумъ, сцены,
 Рядъ позъ à la Napoleon....
 Иль счастья въ будущемъ измѣны,
 Иль смерть на островѣ Елены
 Твоей тревожатъ жизни сонъ?..

Хандра — болѣзнь, ищи лекарства,
 А полюбилъ — ищи любви,
 И ей пожертвуй безъ коварства,
 Какъ за коня Ричардъ полцарства,
 И жизнью полною живи.

31 Января, 1872 г.

НОВОБРАЧНЫМЪ

Н. В. И. А. П. Т — ИМЪ.

Позвольте мнѣ, супруги молодые,
Привѣтствовать сердечный вашъ союзъ
И передать желанья вамъ благія
На языкѣ капризномъ музъ.

Хотѣлось бы мнѣ высказаться смѣло,
На прошлое, недавнее взглянуть,
И доброе, сочувственное дѣло
Достойнымъ словомъ помянуть.

Хотѣлось бы, чтобъ въ этотъ мигъ счастливый
Мой стихъ журчалъ какъ свѣтлый горный ключъ,
Чтобъ онъ надъ пышной будущаго нивой
Блеснулъ какъ вешній солнца лучъ.

Но не всегда возможно — что возможно,
Что кажется возможнымъ въ сферѣ думъ,
Молчить порой предъ чувствами тревожно
Надъ всеѣмъ царящій гордый умъ.

Взволнованъ я, и трепетная лира
 Моя всего не можетъ передать,
 Что я при видѣ свадебнаго пира,
 Сегодня бѣ долженъ былъ сказать.

По моему бракъ—сила силы вѣка,
 Основа царствъ и обществъ и семьи,
 Спокойствіе и счастье человѣка,
 Свобода полная любви.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ бракъ крѣпокъ лишь борьбою
 Съ случайностью житейскою и зломъ:
 Дай Богъ, чтобъ каждый новый вызовъ къ бою
 Встрѣчали съ яснымъ вы челомъ.

Дай Богъ, чтобъ путь, лежащій передъ вами,
 Васъ къ цѣли предначертанной привелъ,
 Чтобъ эта цѣль составила съ лѣтами
 Блестящій жизни ореолъ.

Чтобъ сами вы не измѣнились вѣчно,
 Любезны были, милы и добры,
 И чтобъ меня любили вы сердечно
 И приглашали на пиры.

И если я съ годами постарѣю,
 И буду затрудняться къ вамъ придти,
 То чтобъ порой вы молвили лакею:
 „Послать карету—привезти“.

9 Января 1872 г.

В. И. К—МУ.

Всѣ мы — рабы своихъ страстей,
Всѣ увлеченію подвластны,
И какъ бы въ прихоти своей
Ни становились сладострастны, —
Мы въ самомъ счастіи несчастны.

Насъ все манить, хотя мы знаемъ,
Что все старо какъ Божій міръ,
Узнать, извѣдать все желаемъ
И все, извѣдавъ, проклинаемъ, —
Вчерашній топчемъ въ грязь кумиръ.

Когда жъ и гдѣ конецъ желаньямъ,
Грань необузданнымъ страстямъ,
Предѣлъ причудливымъ исканьямъ?...
Иль мигъ летящій взявъ призваньемъ,
Остановиться трудно намъ...

Сынъ вѣка, этою стезею
Зашоль ты слишкѣмъ далеко,
Успѣхъ бурливою рѣкою
Пронесся быстро предъ тобою
И вдалъ увлекъ тебя легко...

И чтожъ изъ скачки той пожарной
Въ концѣ концовъ выносишь ты?
Что ласка женщины шикарной
И прихотливо и коварно
Куетъ насъ въ цѣпи красоты...

Зачѣмъ же вновь забывъ уроки
И мудрый опытъ прошлыхъ лѣтъ,
Несешь ты сердца даръ высокой
Въ даръ балеринѣ свѣтлоокой?
Балетъ — плюсъ — минусъ — полусвѣтъ...

4 Февраля 1872 г.

П. Ф. З—ВОЙ.

Среди обычнаго волненья,
Заботъ житейскихъ и тревогъ,
Спѣшу въ день вашего рожденья
Вамъ посвятить десятокъ строкъ.

Хотѣлъ бы больше... но простите—
Въ себѣ не властенъ—время нѣтъ,
И потому прошу примите
Одинъ лишь дружескій привѣтъ.

Минуты дороги... желаній
Не въ силахъ всѣхъ я передать,
Но жизни, полной обаяній,
Вамъ не могу не пожелать.

Той жизни, что страстямъ мятежнымъ
И непокорна, и чужда,
И что привязанностямъ нѣжнымъ
Вся отдается навсегда.

Той жизни, что слезы не знает,
Течетъ какъ свѣтлая волна,
И все въ самой себѣ вмѣщаетъ,
Любви и счастья полна.

На этомъ точка... я кончаю,
Бѣгу предаться весь дѣламъ,
А встрѣчусь съ вами — пожелаю
Еще чего нибудь я вамъ...

5 Октября 1871 г.

Е. И. Д.

Если ты еще все та же,
 Не сеньора бельэтажа,
     Не „дюшесса della Spada“,
 Но „сосѣдка Леопора“, —
 То, конечно, con amore
     Встрѣтишь вечеръ маскарада?

Помнишь лѣто, наши встрѣчи?
 Нескончаемая рѣчи?
     Непрерывный сонъ любви?
 Помнишь вечеръ, садъ, аллею?
 Помнишь жертвы Гимевею?...
     Помнишь клятвы ты свои?

Если помнишь, не забыла
 То что такъ недавно было, —
     То поймешь какъ страстно жду я,
 Жду награды, жду я дара —
 Огневаго, mia сага,
     Отъ тебя жду поцѣлуя...

Пріѣзжай же... мигъ свиданья,
Полный чаръ и обаянья,
    Полный радости и мукъ,
Полный пѣги. полный ласки,
Подъ охраной полумаски.
    Подари мнѣ, милый другъ.

18 Октября 1870 г.

Е. Ф. М—ВОЙ.

Вы имениница.... я радъ —
Обычай-деспотъ—васъ поздравить.
Но съ чѣмъ?... традиціи обрядъ
Васъ можетъ только позабавить.
Поздравить съ ангеломъ?... Но это,
Во первыхъ, вовсе не остро,
Избито, пошло и старо,
Какъ наша старая планета.
А во вторыхъ, какая связь
У насъ быть можетъ съ небесами?
Нашъ культъ иной; вы -- ангель сами
И божество само для насъ....
Поздравить васъ съ днемъ именинъ?...
Но воля ваша это слово
На языкѣ у всѣхъ готово,
Его вамъ скажетъ не одинъ,
Я не хочу нагнать вамъ спливъ....
Во храмѣ грацій и наядъ
Отъ старовѣра до атея

Всѣ красоту боготворятъ, —
А вы, вы — дивная Психея.
Вамъ нужны гимны и мольбы,
Восторговъ сладостныхъ порывы.
Безумный жаръ любви ревнивой
И жертвы сердца безъ борьбы.
И вотъ хвалебный гимнь — пѣвецъ
И жаръ мольбы — поэтъ проказникъ
Несетъ, избранница сердець,
На вашъ алтарь, въ вашъ свѣтлый праздникъ.

24 Ноября 1870 г.

РАСЦВѢТАЮЩЕЙ КРАСАВИЦѢ.

Молчалива, робка, безотвѣтна,
Ты скучаешь въ семействѣ своемъ,
И какъ звѣздочка блѣдная днемъ
Передъ солнечнымъ яркимъ лучемъ, —
Межъ красавицъ сестеръ не замѣтна.

Жизнь дана намъ не съ тѣмъ, чтобъ грустить,
Существомъ огазавшись незрѣлымъ,
Но работать, развиться за дѣломъ,
И потому ужъ—владѣть Богъ смѣлымъ --
Покорять себѣ все и царить.

Трудъ и знанье—увидишь сама—
Миръ откроютъ иной предъ тобою,
Расцвѣтешь ты какъ роза весною,
И сестеръ ты затмишь красотою,
И друзей ихъ сведешь ты съ ума.

НЕСЧАСТНОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Несчастлива ты въ замужствѣ съ нимъ, дитя,
Угасла страсть болѣзненно слѣпая,
И жизнь съ деспотомъ свѣтская, пустая,
И роскошь вкругъ безумно разлитая,
Тебя тревожатъ не шутя....

Оставь его—какъ прежде для него
Ты оставляла отчій домъ и друга,
Бѣги изъ этого зачумленнаго круга,
Гдѣ женщина въ часъ дѣла и досуга --
Игрушка прихотей его.

Жизнь не пустая шутка, но борьба,
Борьба за каждый мигъ существованья,
У женщины-жъ окромѣ есть призванье:
Она—титанъ, не слабое созданье,
Царица міра—не раба.

Ей мѣсто здѣсь, средь насъ, не въ сторонѣ,
 За дѣломъ, въ биржевой—не въ бальной залѣ,
 Въ судѣ—не въ кухнѣ, въ думѣ—не въ сералѣ,
 Не billet-doux писать—чертить скрижали
 И трибуномъ служить странѣ.

Но въ сущности посмотришь,—что она?...
 Безплотный духъ, кумиръ златой, вакханка,
 Сфинксъ, львица, еукла, содержанка,
 Мать-самка, звѣрь—все, только не гражданка,
 Не человѣкъ и не жена.

Сама ли жизнь сложилась странно такъ,
 Ошибка ль общая—нашъ грѣхъ невольный,
 Иль другъ и братъ—мужчина произвольно
 Сталъ Каиномъ, избравши сердобольно
 Орудіемъ убійства бракъ,--

Зло совершилося: семь тысячъ лѣтъ
 Развили въ васъ тупое подчиненье,
 Вокругъ—застой, инерція, гнѣенье,
 Міръ старый дряхлетъ, нужно обновленье
 И силы новыя—ихъ нѣтъ....

А между тѣмъ, источникъ новыхъ силъ
 Вблизи отъ насъ, какъ рѣсынь золотая,
 Количествомъ богатствъ своихъ пугая,
 Ждетъ заступна--безпечно озлащая
 Пески наносные да илъ.

Та розсыпь — женщина.... Вся злоба дна —
Найди въ ней скрытыя отъ міра силы,
Какъ Лазаря воззвать ихъ отъ могилы
И дать труду и знанью тѣ свѣтила,
Въ комъ нѣтъ заемнаго огня.

И такъ, дитя, вотъ вѣка въ чемъ завѣтъ:
Ты — мощь сама, сама себѣ спаситель,
Иди-жь на трудъ — наука твой хранитель....
„Не первый годъ родился Искунитель,
Ужели жь искупленья нѣтъ....“

Сентябрь 1869 г.

СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ.

„Не цѣлуй меня такъ крѣпко,
Я тебя не стою,
Вяну, сохну словно щенка
Со своей бѣдою.

Любь ты мнѣ, мой соколъ лениый,
Всебъ тебя ласкала,
Цѣловала повсечасно,
Прочь не отпускала...

„Но ты день деньской за дѣломъ,
Я одна скучаю,
Кровь ключомъ бьетъ въ тѣлѣ бѣломъ,
Рвусь я и серчаю.

А тутъ парень за стѣною,
Слышу пѣсню тянетъ,
Отворю дверь—онъ предъ мною
Словно бѣсъ предстанеть.

И начнетъ томить рѣчами,
Сладкими такими,
Пресить ласки со слезами
И влянетъ святыми...

Я стою, молчу, краснѣю
И съ собой борюся...
Поцѣлуетъ онъ — сомлѣю
Вспыхну, разгорюся,

И склонюсь къ нему нѣжнѣе,
Потерявъ все силы,
И тебя, въ немъ — лиходѣе,
Приголублю, милый...

Виновата!.. стыдъ и грѣхъ мой
Тяжки мнѣ, не скрою...
Чтожъ?... гони вонъ, что ли“...

— Эхма!...

Ну да Богъ съ тобою...

15 Сентября 1867 г.

ОТВѢТЪ.

Глубоки и свѣтлы, какъ свѣтлы небеса,
Твои чудныя, ясныя очи,
Словно нива пышна и златиста коса,
Грудь роскошна какъ волны средь ночи.
И томна, и страстна, словно ночь ты сама,
И капризна какъ бурное море,
И любить ты могла бѣ, и любить безъ ума, —
Да боишься несчастья и горя....

Словно солнечный лучъ изъ-за сумрачныхъ тучъ,
Изъ подъ гнѣвно-нахмуренной брови
Взглядъ твой блещетъ умомъ, рѣчь повита огнемъ
И исполнена въ дѣлу любви.
Не илоткой нѣмой, хочешь быть ты женой,
Полноправной гражданкой свободной,
И могла бѣ ты ей быть, для свободы лишь жить, —
Да боишься борьбы безъисходной...

Если жъ взглянешь трезвѣй ты на жизнь и людей,
 То не станешь бояться несчастья:
 Не въ любви наша казнь, язва жизни — боязнь,
 Самодурство въ семьѣ, самовластье...
 Съ ними нужно вестъ бой, беспощадный, живой,
 Жить и мыслить побѣдой одною, —
 Отживающій мѣръ — старъ, безпомощенъ, сиръ,
 Онъ падеть подъ ударомъ пращю.

Такъ не бойся-жъ любви, беззавѣтно зови
 Чаръ могучихъ ея обаянья,
 Страсти пышной въ огнѣ расчастливясь вполнѣ,
 Вылей душу въ восторгахъ лобзанья.
 Наслаждаясь, любя, посвати ты себя
 Дѣлу женской свободы — всецѣло,
 И въ борьбу за права съ мощью юнаго льва,
 Ринься, полная счастья, смѣло.

Новыхъ свѣтлыхъ идей, снопь алмазныхъ лучей
 Мысль твою озаритъ неизмѣнно,
 Смѣлость, мужество, трудъ — плодъ желанный дадутъ,
 Ты достигнешь до цѣли священной...
 Если жъ пасть суждено — ты падешь, но зерно
 Будетъ брошено въ ниву свободы,
 И взойдетъ... никогда вѣдь безъ жертвъ и труда
 Съ ногъ цѣпей не сбивали народы.

27 Ноября 1869 г.

МОНАСТЫРКА.

Окна настезь, прочь завѣсы,
Я хочу на свѣтъ взглянуть,
Солнце всходитъ изъ-за лѣса,
Свѣта лучь упаль на грудь.

Больше воздуху и свѣта!
Задыхаюсь я въ тюрьмѣ,
Монастырь—въ такія лѣта,
И безъ цѣли жизнь во тьмѣ....

Жадно воздухъ ароматный
Пью я—грудь моя горить,
Стань ласкаетъ вѣтеръ страстно
И, лобзая, вдаль манить.

Шепчетъ мнѣ онъ: „мiръ прекрасенъ,
Мiръ свободы и любви,
Жизни путь въ немъ чистъ и ясенъ,
Счастье всюду на земли“

Люди, волю мнѣ отдайте,
Я сильна и молода,
Жить хочу я—не мѣшайте
Жить для счастья и труда.

Иль взять волю нужно съ бою?...
Цѣлый адъ въ груди моей,—
Слышу хохоть надъ собою,
Я тюремщиковъ людей....

Нѣтъ, проклятье вамъ!... запоры
Не удержать —я бѣгу:
Жить, какъ всѣ вы, на просторѣ
И хочу я, и могу.

5 Марта 1870 г.

ГАДАНЬЕ.

Посвящается А—ру П—виъ Ор—ой, .

Какъ съ невѣсты покрывало
Ниспадаетъ въ брачный день,
Ночь осенняя ниспала
Легкой дымкой, словно тѣнь.
Тьмою кутаясь лѣнливо,
Ночка виснеть надъ селомъ
И рукою шаловливой
Сыплеть дѣвственнымъ снѣжкомъ.
Рѣзвымъ роємъ вѣшнихъ мушекъ
Снѣгъ и вѣется, и скользитъ,
Въ саванъ бѣлый рядъ избушекъ,
Одѣвая, вдаль летить.
Но вотъ съ запада и съ юга
Вдругъ какъ будто замело,
И мятелица, и вьюга
Разомъ ринулись въ село.
Словно духи тьмы и злобы,
Прахъ взвивая къ небесамъ,
Вихри встали и сугробы

Наметають къ воротамъ.
 Бурно, бѣшено мнутся
 Хлопья снѣжныя кругомъ,
 Въ поле яростно несутся
 Бѣлымъ облачнымъ столбомъ.
 Свалка, стукъ въ дѣсу и грохоть,
 Силь стихійныхъ ярый бой,
 Надъ болотомъ -- свистъ и хохоть,
 На кладбищѣ -- стонъ глухой.
 Вѣтеръ съ гикомъ ломить въ двери
 И, бѣснуясь, надъ избой
 Плачетъ словно надъ потерей
 И хохочетъ за трубой.
 Ставни хлопаютъ, срываясь
 Съ петель ржавыхъ, и бадья
 Надъ колодцомъ у плетня,
 Словно висѣльникъ качаясь,
 Въ стѣну грохаетъ хрипя.

Беззаботно, беззавѣтно,
 Крѣпкимъ сномъ селенье спитъ,
 Только съ краю въ хаткѣ бѣдной
 Огонекъ въ окнѣ блеститъ.
 За столомъ сидитъ старушка,
 Карты мечетъ, передъ ней,
 Полулежа на подушкѣ,
 Съ плечъ спустивши тѣлогрѣй,
 Словно лебедь молодица,
 Горделива и стройна,
 Очи блещутъ какъ зарница,

Думы тайныя полна,
За гаданьемъ ворожейки
Нервно, трепетно слѣдить
И что скажетъ чародѣйка —
Вся вниманье — сторожить.
Безотчетное волненье
Грудь ей давить и гнететь,
И колечко въ нетерпѣньи
Ручка судорожно жметъ.
— Что жъ выходить? молодица
Вдругъ рѣшается спросить.
„ Подожди моя царица,
Нужно вѣдь сообразить....
Что выходить!... Слишкомъ много
Трудно все и рассказать....
Слушай!... долею высокой
Будешь ты располагать.
Жизнь сулить тебѣ раздолье,
Въ дѣлѣ всякомъ — складъ и ладъ,
И удачу, и приволье,
Роскошь барскую палатъ.
Сердцемъ, разумомъ, красою,
Суждено тебѣ блистать,
И всевластною рукою
Повелѣнья раздавать.
Счастье, радость, наслажденье —
Все сольется вкругъ тебя,
Перломъ станешь ты творенья,
Сердцемъ ближнихъ возлюбя.
Окруженная заботой,

Лаской, дружбою святой,
 Ты прославишься щедротой,
 Вознесешься добротой.
 Дѣлу женскому, печали
 Посвятишь ты весь свой вѣкъ,
 И въ тебѣ — такъ карты пали —
 Встанетъ новый человѣкъ.
 Возвышаясь надъ толпою
 Положеньемъ и умомъ,
 Ты царицей, не рабою,
 Станешь словно волшебствомъ.
 И мушкетъ ихъ вождь прелестный
 Всюду смѣло поведетъ,
 И стяжаетъ повсемѣстно
 Уваженъе и почоть...“

— Какъ же это все случится?

Я не вѣрю ничему. —

„Другъ твой милый возвратится,
 Съ нимъ научишься всему....“

— Что жъ ты, бабушка, ни слова

Не сказала про него?

Будетъ онъ любить?... Готова

Слушать я во всемъ его. —

„И.... какъ будетъ!... больше жизни,

Больше братьевъ и друзей,

Больше матери — отчины,

Злата, славы и честей.“

Ночь; ненастье. Вьюга злится,

Вѣтеръ до неба вьсть снѣгъ,

Дикій звѣрь въ лѣсу таится,
Ищетъ сычъ въ дуплѣ ночлеги.
Звучно, мирно, заунывно
Сельскій колоколь звонитъ,
Къ дому путниковъ призывно
Заблудившихся манитъ.
И слыша звонъ въ селеньи,
Коченѣющій въ пути
Пѣшходъ въ изнеможеньи,
Силы вновь собравъ, идти
Порывается, и снова,
Заметенный вьюгой злой,
Гибнетъ близъ села большаго,
Подъ волной снѣговъ сѣдой.
Съ непокрытой головою,
Распахнувши тѣлогрѣй,
Отъ гадалыщицы стрѣлю,
По задворкамъ какъ злодѣй
Пробираясь, молодица
Къ дому мужнему бѣжитъ,
И лишь сердце: „ты царицей
Будешь міра“ ей твердитъ.

Апрѣль, 1871 г.

СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНѢ.

Посвящается Е—нѣ А—внѣ Мен—вой.

Встрѣчаю васъ съ тревогой и тоскою,
 Съ предчувствіемъ какимъ то роковымъ,
 И вамъ дивясь, за васъ скорблю душою,
 Посланные неба серафимъ.

Пусть для другихъ вы—женщина загадка,
 Я вижу въ васъ, напротивъ, — „солъ земли“,
 Несете вы великіе зачатки
 Труда, свободы и любви.

Подъ знаменемъ идеи возрожденья,
 Блестя красой, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
 Вамъ суждено: живя для наслажденья,
 Исполнить истины завѣтъ.

Вамъ суждено быть вѣстникомъ спасенья,
 Попрать вѣками созданное зло,
 И я предъ вами, полонъ удивленья,
 Склоняю гордое чело.

Но путь суровъ апостола и труденъ,
 Преданьямъ ветхимъ слѣдуетъ народъ,
 А старцевъ мѣръ трусливъ и мыслью скуденъ,
 Пророка камнями побьеть.

И кто за васъ?... вотъ женщина-рабыня,
 Суровая невольница-жена,
 Свобода ей—какъ дикая пустыня
 Антипатична и страшна.

Она—раба, раба по воспитанью,
 Духъ рабства ей съ младенчества привить,
 И дочерей своихъ, вѣрна преданью,
 Она рабынями-жъ растить.

И вотъ другая... первенство и волю
 За чечевичную похлебку отдала,
 Влачить она, продавъ себя въ неволю,
 Ярмо съ покорностью вола.

Ей дѣла нѣтъ: идетъ ли мѣръ къ прогрессу
 Иль сѣрая стучается въ немъ мгла,—
 Она усердно ѣздитъ слушать мессу,
 Шлетъ на востокъ колокола.

Вотъ третья... сердца даръ неся святынь,
 Въ жрецѣ златой содѣлала кумиръ,
 И видитъ счастье жизни лишь въ мужчинѣ,
 Въ цѣняхъ—свободы дивный мѣръ.

Мужчина ей — судья непогрѣшимый,
 Слова его — велѣнія небесъ,
 И отъ него лишь, страстію палима,
 Она ждетъ истинъ и чудесъ.

Четвертая... сочувственно и дѣльно
 О новой жизни съ вами говорить,
 И на алтарь свободы безраздѣльно
 Принести всю жизнь свою сулить.

Но въ ней все ложь, и рѣчь ея фальшива,
 И мысль и чувства взяты на прокатъ;
 И съ вами, какъ съ другими, прихотливо,
 Хитритъ она какъ дипломатъ.

За нею рядъ безличныхъ жертвъ примѣра,
 Изнѣженныхъ и робкихъ масса женъ,
 Имъ „Домострой“ — законъ, преданье — вѣра,
 И имя имъ же легионъ.

Сотрудницъ пѣть... со зломъ и вѣчной тьмою
 Одной вести придется вамъ борьбу,
 Любви и дѣла силой всеблагою
 Сковать косматую судьбу...

Вотъ почему, когда я васъ встрѣчаю,
 Въ сіяніи надеждъ и красоты,
 И полонъ думъ, главу свою склоняю
 Предъ духомъ горней высоты,—

Я трепещу за васъ... Стезю страданья—
Предчувствуя какъ бы провидитъ мрачно умъ,
И вникнуть въ сердцѣ дерзкія желанья,
И нѣтъ о счастьѣ гордыхъ думъ.

Мнѣ вѣжется: желанныя свободы
Любви и дѣла близится пора,
Сочувственно относятся народы
Къ принципу мира и добра;

Но прежде чѣмъ, подъ силою идеи,
Міръ дастъ права любви и красотѣ,
Враги всего живаго—фарисей
Распнуть пророка на крестѣ.

25 Марта, 1872 г.

Шемизетка растегнулась,
И шалунья какъ ни вчомъ,
Наклонясь ко мнѣ плечомъ,
Перси яблокомъ коснулась
И шепнула: „ Что-жь? пойдёмъ...

Въ теремъ мой пойдёмъ высокой,
Въ мой укромный уголокъ,
Гамъ, учитель свѣтлоюкой,
Жизни мудрости глубокой
Нынче я возьму урокъ "...

2 Февраля 1872 г.

Перестань же сердиться—цѣлуй
 И вокругъ стана змѣей обвивайся...
 Я люблю тебя... Чтожь?.. торжествуй,
 И ласкай, и томи, и чаруй...
 Но не мучь ты меня, не ревнуй,
 Права женскаго ты не касайся...

—Но....

„Ни слова, безумецъ, жена
 Не рабыня мужчины, подруга,
 Я свободной на свѣтъ рождена,
 Вся изъ страсти слѣпой соткана,
 И въ желаньяхъ, и въ чувствахъ вольна,
 Но грань знаю завѣтнаго круга...

„Жизнь, надежды, мечты и любовь
 Отдала я тебѣ безъ сознанья,
 И люблю... но расходится кровь
 Въ сердцѣ снова горячая—вновь
 Полюблю я... пожалуйста бровь
 Ты не хмурь; мѣра счастью—желанье“ .

12 августа 1870 г.

ВЕСНОЮ.

Почка тлѣетъ свѣтозарная,
Почка вешняя янтарная,
Блещетъ въ небѣ рогъ луны,

И въ саду, надъ рощей сонною,
Въ волны свѣта погруженною
Сыщлетъ трель пѣвецъ весны.

Душно въ спальнѣ... въ садъ украдкою —
Мужъ заснулъ — съ надеждой сладкою
На свиданье я иду,

И служанку чернобровую,
На кровать свою тесовую,
Подъ покровомъ тьмы кладу.

Я иду къ пруду зеркальному,
Безмятежному, кристальному,
Тамъ, на лонѣ спящихъ водъ,

Въ челнокѣ худомъ качаяся,
Нѣгой ночи ушиваяся,
Другъ меня безцѣнный ждетъ.

И вотъ встрѣтятся съ страстью знойною
Сѣли мы подѣ липой стройною, —
И слились въ одно душой,

Полны страсти и желанія,
И истомы, и страданія,
Грудь на грудь, рука съ рукой.

Между тѣмъ, и спальня темная
Не чужда восторгамъ... томная
Конфидентка въ ней лежитъ,

И ее со страстью нѣжною,
Какъ жену свою мятежную,
Мужъ обниметъ — и заспитъ.

6 сентября 1870 г.

Е. Н. Ш — СКОЙ.

Входя подъ вашъ гостепріимный кровъ,
Я становлюсь развязнѣй и живѣе,
Спадаетъ бремя тяжкое оковъ
Житейскихъ нуждъ, заботы и трудовъ,
И я дышу свободнѣй и вольнѣе.

Радужны вы, хозяйка молодая,
Добры и ласковы какъ старый другъ,
Любезность ваша—арфа золотая,
А звукъ рѣчей—какъ пѣснь ея живая—
Души больной чаруетъ злой недугъ.

Вотъ почему хожу я къ вамъ порою
Въ украденный у дѣла поздній часъ,
Желательно—предъ вами я не скрою—
Имѣть хоть мигъ забвенья и покою,
И этотъ мигъ я нахожу у васъ.

Вполнѣ цѣня души успокоенье,
Что мнѣ даетъ вашъ искренній пріемъ,
На память этого высокаго мгновенья,
Хозяйка милая, прошу я позволенья
Вамъ написать строфъ нѣсколько въ альбомъ.

29 Марта 1872 г.

Душа болить, душа скорбить,
Тоской глубокою объята,
Предъ мной проносится, скользить,
Твой образъ, чудная Травьята.

И пѣснь твоя въ ухахъ звучить,
Какъ пѣсня сладостная рая,
И вдаль зоветъ, и вдаль манить,
Любви блаженство обѣщая.

И весь взволнованъ и смущонъ,
Какъ бы прикованный на мѣстѣ:
„Приди скорѣй—молю сквозь сонъ:—
Умремъ, чахоточные, вмѣстѣ.“

21 сентября 1871 г.

Портьера за нами упала,
Я съ нею остался вдвоемъ,
Уборная тьмою блистала,
И только изъ спальни вбѣгала
Тѣнь свѣта, пробравшись тайкомъ.

Мы сѣли и молча, безъ словъ,
Предчувствіемъ тяжкимъ томимы,
Какъ въ дальнемъ пути пилигримы,
При видѣ святяни любимой, —
Вздохнули взглянувъ на альбовъ.

И близко такъ счастье было,
Но я какъ библейскій пророкъ
Изъ рабства ее лишь извлекъ,
И палъ на распутьи дорогъ —
Пустыня мнѣ стала могилой.

Закона я несъ ей скрижали,
Весь въ облако думъ погружонъ,

Но въ ней только страсти играли,
Тельца золотаго вѣнчали,
И я растопталъ свой законъ.

7 февраля 1872 г.

Е. А. М — ВОЙ.

Альбомъ — настольный мавзолей,
Портреты — пепельныя урны,
Хранится память въ нихъ друзей,
Талантъ и слава, геній бурный,
Любовь и счастье прежнихъ дней.

И въ этотъ гордый склепъ порою
Вашъ проникаетъ ясный взоръ,
И съ урной близкой, дорогою,
Надъ ней склоняся главою,
Ведете свой вы разговоръ.

Не безъ волненій и тревогъ
Вашъ взоръ въ прошедшее заглянетъ,
Вновь сердце чуткое обманетъ,
И вылетитъ изъ груди вздохъ,
И слезка скатится и канетъ.

О! еслибъ могъ вашъ гордый склепъ
Для моего открыться праха, —
Не безъ борьбы съ собой и страха,
Съ живымъ участіемъ монаха
Я бъ гласу вашихъ вялѣ судебъ.

И былъ бы я счастливъ вполне,
Когда бы сердца страстный трепеть,
Иль устъ невнятный робкій лепеть,
Надъ урной близкой, въ тишинѣ,
Пришлось порой услышать мнѣ.

Съ какою бъ жадностью внималъ
Я нити вашего разсказа,
И тайны сердца постигалъ,
И брызги слезокъ — пыль алмаза
И собиралъ и сохранялъ.

31 марта 1872 г.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Вотъ и деревня, я радъ отдохнуть,
 Сбросивъ служебныя цѣпи,
 Полною грудью на волѣ вздохнуть
 И понавѣдаться въ степи.
 — Нѣтъ ли здѣсь, дядя, свободной избы,
 На двѣ иль на три недѣли?—
 „Было то лѣто, сдавали попы,
 Да по веснѣ погорѣли“....
 — Какъ же мнѣ быть? — „Да пристань у меня,
 Только, слышь, горница вмѣстѣ“....
 — Нечего дѣлать.... пристрой лишь коня,
 Ёхаль не даромъ верстѣ двѣсти.—
 И принагнувшись подъ низкую дверь,
 Бокомъ пролѣзь я въ избушку,
 Дѣти на лавкѣ, сминая кудерь,
 Прячутся дружка за дружку,
 Баба-старуха прядетъ подъ окномъ,
 Парень щенаетъ лучину,
 Свѣтитъ свѣтецъ синеватымъ огнемъ,

Дѣвочка стелеть перину.
 — Здравствуй, хозяинъ, хозяйки въ дому
 Что то невидно, аль нѣту?...
 „Нѣту, родимый, три года тому,
 Какъ схоронили по лѣту....
 И разболѣлась-то такъ ни счего,
 Вѣрно продуло на сходеѣ,
 Бабы-лекарки давали всего,
 Да не подняли молодки.“
 — Взять бы ты фельдшера. — „Гдѣ?... на селѣ?...“
 Нѣтъ его, другъ, въ заведеньи,
 Можетъ не быть бы бабенѣ въ землѣ,
 Если бѣ былъ фельдшеръ въ селеннѣ“....
 — Жалко, чай, дядя? — „Вѣстимо, дѣтей
 Куча осталась, смотрико....
 Впрочемъ, подать не прикажешь ли шей,
 Иль молочка съ земляникой?....“
 — Земство-то что же? — „Да земство пока
 Денежки только собираетъ,
 Выбрали мы отъ себя старика,
 Мало и то помогаетъ,
 Тоисъ, старикъ ничего бы, хорошъ,
 Умный, исправный и честный,
 Да обучался въ деревнѣ на грошъ,
 Ну и не баринъ — извѣстно....“
 — Что жъ у васъ новаго? — „Что?... Развелись,
 Слышно, опять копокрады,
 Долго шалили, да, знать, зарвались,
 Спьяна полѣзли въ засады,

Тутъ и забрали всѣхъ въ лапы дружковъ,
 Знамо, какъ слѣдъ поучили,
 Будутъ вѣкъ помнитъ друцкихъ мужичковъ.—
 Въ стапъ полумертвыхъ стащили....

„Нѣмецъ пожаловаль—блады искать,
 Сталь уже дѣлать развѣдки,
 Только не можетъ никакъ отыскать
 Меленькой даже монетки....
 Сгонитъ народу, копаются самъ,
 Съ утра до вечера бьется,—
 Съ тѣмъ и уходитъ.... Смѣшно мужикамъ —
 Нѣмцу нашъ кладъ недается....

„Къ теткѣ Анисѣ пропащій сынокъ
 Рекрутъ — пришелъ офицеромъ,
 Въ полныхъ палетахъ, мундиръ на щипокъ,
 Баринъ — какъ надоть, примѣромъ....
 Мать-то сперва не познала, что сынъ,
 Перстни на немъ, да цѣпочки,
 Думала, важный какой господинъ,
 Да втолковали ужъ дочки.

„Ваше величество!... сынъ мой родной!...“
 Баба какъ вскрикнетъ — и пала,
 Оземъ удариласть звать головой,
 Долго болѣла, но встала....
 Реву-то было.... теперь по гостямъ
 Ъздитъ съ нимъ, баню топила,
 Близкихъ сосѣдей сзывала къ блинамъ,
 Доньяна всѣхъ упоила.

Онъ-то смиренникъ такой же, какъ былъ,
 Слышно въ отставку выходить,
 Только въ деревнѣ, гдѣ смолоду жилъ,
 Дѣла себѣ не находить,
 Пашню пахать, говорить, устарѣлъ,
 Барамъ служить — наслужился,
 Не былъ сродясь у коммерческихъ дѣлъ,
 А ремеслу — не учился.
 Школу задумалъ въ деревнѣ открыть —
 Былъ у него оногдась я, —
 Да на открытѣе не могъ получить
 Власти помѣстной согласья....

„Въ полѣ подъ стогомъ ребенка нашли,
 Птицы все тѣльцо склевали,
 Бабы съ работы изъ Кіева шли,
 И, говорятъ, потеряли.
 Слѣдствіе, розыскъ, — а стогъ-отъ сожгли
 Сами владѣльцы крестьяне, —
 Вишь непригоднымъ то сѣно сочли
 Строгіе наши миряне....

„Справили въ зиму рекрутскій наборъ
 Чудо-молодчика сдали,
 Первый въ деревнѣ.... такого на споръ
 Въ гвардію вы не видали.
 Братья съ достаткомъ, хотѣли нанять,
 Съ мѣсяцъ гулять и охотникъ,
 Да негодился, а правду сказать —
 Парень попался колодникъ.

Вотъ и пришлось идти самому,
 Дома реветъ молодлица....
 Баба-то вышла теперь ни къ чему:
 Вѣдь ни вдова, ни дѣвица,
 И ни жена.... сиротою весь вѣкъ
 Нужно изжить ей, не шутка....
 Тоже—размыслить—живой человѣкъ,
 Можетъ случиться и жутко....
 Вонъ хоть въ сосѣдствѣ солдатка у насъ—
 Года въ четыре свернулась,
 Къ мужу собиралась идти на Кавказъ,
 Да непришлось—рехнулась.
 Въ хатѣ подъ вечеръ огни разведеть,
 Сядеть къ окну и всю ночеу
 Палить лучину, да пѣсни поеть,—
 Ждетъ муженька къ огонечку....
 Вотъ оно что!... Да ты самъ то жены,
 Баринъ, не бросилъ ли дома?...
 Впрочемъ, не хочешь ли спать?.. у стѣны
 Бабы постлали соломы....“

31 Іюля, 1871 г.

ВСТРѢЧА.

Встали мы рано, пошлись, прогулялися,
Съ милыми сердцу въ саду повстрѣчались,
Сѣли подъ дубъ и бесѣду пріятную,
Стали вести про весну ароматную,
И подчиняясь ея обаянію,
Мы отдалися душой мірозданію.
Рѣчи лились каеъ потоки стремительно,
Барыни были такъ всѣ восхитительны,
Искры метали ихъ глазки чудесныя
И улыбались губки прелестныя...
Вдругъ передъ нами предсталъ привидѣніемъ,
Дряхлый старикъ съ своимъ жалобнымъ пѣніемъ.
— Сядь-ко вотъ здѣсь—говоримъ—на скамеечкѣ,
Есть-ли что въ сборѣ?— „Четыре копѣечки“...
Дали ему мы бумажку рублевую,
И рассказали онъ намъ приказку новую.

„Быль я дворовымъ лѣтъ сорокъ, на старости
 Бары забрали въ солдаты безъ жалости,
 Строгость царила тогда, обученіе
 Было не то что теперь, снисхожденія
 Люди не знали, ходили „училися“,
 Палки да розги возами возилися,
 Въ кашѣ крупинка и та за крупинкою,
 Словно шальная, гонялась съ дубинкою,
 Жутко солдату тогда приходилося,
 Люди бѣжали, стрѣлялись, топились...
 Я отъ рожденья былъ виду неважнаго,
 Духа въ себѣ не питаль я отважнаго,
 Ногу не могъ я какъ струнку вытягивать,
 Гусемъ ступать да прикладомъ отбрякивать,—
 Ну такъ и дули что-день нерадиваго—
 Рекрута-старца, сѣдаго служиваго...
 Знамо, что служба въ такой коловратности,—
 Грѣхъ да бѣда, да однѣ непріятности...

„Строили въ швальнѣ шинели съ мундирами,
 Въ швальню назначень былъ я командирами,
 Нечего дѣлать—сизжу, убиваюся,
 Гнуся—начальству потрафить стараюся,
 Гнулся да гнулся—и кончель больницую,
 Въ роту вернулся съ больной поясницею.

„Быль деньщикомъ я потомъ небогатаго,
 Съ кучей дѣтей офицера женатаго,
 Началь служить по присягѣ съ охотою,

Съ утра и до ночи былъ за работою,
 Вѣчно какъ маятникъ былъ я въ движеніи,
 Барынь дѣлалъ во всемъ угоденіе:
 Платья шилъ, стряпалъ, гулялъ съ собаченками,
 Барченка нянчилъ, возился съ пеленками,
 Часу невидѣлъ свободного, льготнаго,
 И почитался не лучше животнаго.
 Барыня злая такая попалася,
 Все не по ней и за все доставалось,
 Много тутъ вынесъ я всякія всячины,
 Много здоровья и силы потрачено...

„Службу кончалъ инвалидомъ-служителемъ,
 Дряхлый старикъ ужъ не могъ быть воителемъ,
 Чѣмъ-то смотрителю я не понравился,—
 Приняли мѣры, чтобъ старый исправился,
 Трудъ непосильный, терпѣнье желѣзное
 Долго боролись, но въ годы болѣзные
 Силъ нехватило—свалился, и въ чистую
 Вотъ я уволенъ на родину мглистую.

— Что-жь? по немногу собираешься-ль съ силою?.. —

„Гдѣ ужъ собраться!.. стою надъ могилою“ ...

— Съ Богомъ!...—Пошолъ онъ—въ чемъ жизнь-то мотается,
 Вѣтромъ чуть дунеть, бѣдняга шатается,
 Сгорбленный, согнутый, словно подковушка,
 Руки трясутся, трясется головушка,
 Грудь—колесомъ какъ бы вдавлена, впалая,
 Мертвенно-блѣдно лицо исхудалое,

Губы ввалились, глаза — устрашится,
Кости да кожа — насквозь хоть глядитесь,
Словно живое идетъ привидѣніе...
Странныя въ жизни бывають явленія...

13 мая 1865 г.

МАРИИ ПР—ЦКОЙ.

Туда, на югъ, гдѣ море вѣчно,
Въ избыткѣ силъ своихъ безопасно
Бушуетъ, ропщетъ и шумить,
У скалъ прибрежныхъ пѣнить плесы,
И волнъ утесы на утесы,
Вздымая хляби, громоздить.
Туда, гдѣ гряды синихъ горъ
Одѣты вѣчными снѣгами,
И Эльборусъ горячій споръ
Ведетъ издревле съ облаками.
Гдѣ Терекъ яростно и шумно
Борясь съ нависшею скалой,
Въ Дарьялѣ мечется безумно
И все, что встрѣтитъ предъ собой,
Ниспровергаетъ вольнодумно.
Гдѣ пресловутыя Тамары
Руина-замокъ на скалѣ,
Гнѣздомъ орлицы въ черной мглѣ,
Виситъ надъ пропастью, и чары

Напоминает намъ любви,
 Незнавшей равной на земли.
 Туда, гдѣ полная свобода
 Съ традиціонной простотой,
 Какъ свѣточъ истины святой,
 Была завѣтною мечтой
 Войнолюбиваго народа.
 Гдѣ брань кровавая пелѣвка,
 До нашихъ дней, велась какъ встарь,
 И за свободу человѣка
 Вставаль и ратоваль дикарь.
 Туда — мечтою своевольной,
 Несушь я жизнью недовольный
 Тамъ все: народъ — питомецъ брани,
 Природа, климатъ, общій строй
 Туземцевъ жизни бытовой,
 Наслѣдье дикое преланій —
 О многомъ чувству говорятъ,
 И умъ и мысли шевелятъ.
 Покорный бурному желанью,
 Влеченью давнему, мечтамъ,
 И ѣду, слѣдуя призванью, —
 И поселюсь, быть можетъ, тамъ....
 Въ странѣ классической, у моря,
 Смотри на грозный черный валь,
 Иль на гребнѣ гранитныхъ скалъ,
 Съ природой дикой дерзко споря,
 У горца въ саклѣ, или въ руинѣ
 Горы отвѣсной на вершинѣ,
 Средь вѣчныхъ дѣвственныхъ снѣговъ,

Въ семьѣ бѣгущихъ облаковъ,
Или въ стѣнахъ забытыхъ келій,
Въ тѣни развѣсистыхъ чиваръ,
Въ глуши тайственныхъ ущелій,
Между грузинъ или татаръ, —
Гдѣ бѣ ни былъ я, о васъ мечтать
Я буду, полонъ грустной думы,
Забытый всѣми и угрюмый,
О встрѣчахъ съ вами вспоминать.
И если вѣсть о васъ порою
Ко мнѣ неожиданно долетитъ, —
Я буду радъ — она съ тоскою
Меня на время примиритъ,
И свѣточъ счастья предо мною,
Померкшій — снова заблеститъ...

15 Марта, 1865 г.

КАВКАЗЪ.

Годы измѣнились,
    Кончилась война,
Горцы покорились,
    Всюду тишина,
Скалы и ущелья,
    Снѣжныхъ горъ хребты,
Башни, подземелья,
    Русскими взяты.
Много горцевъ пало,
    Посдавалось въ плѣнъ,
Въ Турцію бѣжало,
    Свой покинувъ ленъ.
Въ край чужой и дальный,
    Взявши бѣдный скарбъ,
Шолъ народъ печальный
    Тысячами 'арбъ,
Шолъ нагой, голодный,
    Жонъ, дѣтей бросалъ,
Путь свой безъисходный

Трупами устлалъ...
И Кавказъ, сгубившій
Столько вражьиxъ силъ,
Славу переживши,
Мирно опочилъ.
Саяли опустѣли,
По отрогамъ горъ
Русскіе посѣли,
Завѣнѣлъ топоръ.
И все стало тихо,
Только звѣрь реветъ,
Да плотины лихо
Бурный Терекъ рветъ,
Падаютъ обвалы,
Стонъ идетъ въ горахъ,
Свирѣпѣютъ шевалы,
Вопли на моряхъ,
Тилитлинецъ старый,
Взятый въ плѣнъ мюридъ,
Въ разговорахъ яро
Противъ насъ гремитъ,
Горцевъ призываетъ
Грянуть вновь грозой,
И вести желаетъ
Правовѣрныхъ въ бой,
Именемъ пророка
Рядъ побѣдъ сулитъ...
Между тѣмъ — съ востока
Мѣсяць серебрить:

Снѣжныхъ горъ вершины,
Дремлющій аулъ,
Спящія руины
И нашъ карауль.

12 августа 1870 г.

ПОЭТУ.

Божественный избранникъ высшаго призванья,
Учитель и пророкъ,
Ты торжище извергъ изъ храма музъ и знанья,
И обличалъ порокъ.
Ты истину вѣщаль сурово и безстрастно,
И громъ твоихъ словесъ,—
Развратъ и подлость, ложь бичуя ежечасно,—
Разилъ какъ громъ небесъ.
Ты исправленья ждалъ отъ міра со слезами,
Но міръ тебѣ не внялъ,
На крестъ тебя вознесъ кровавыми руками
И терніемъ вѣнчалъ...
И ты простишь ему—безслѣдно произвола
Погибнетъ человѣкъ,
Твои-жъ неживые, громовые глаголы
Прейдуть изъ вѣка въ вѣкъ...

16 Марта 1870 г.

Ты не знаешь, мой милый, какъ страстно тебя
Я люблю пробужденной душою, —
И люблю, и страдаю, и мучусь любя,
И живу, и дышу, лишь тобою.

Всякій разъ, какъ я только съ тобою сойдуся,
Вспыхну вся—и горю и блѣднѣю,
И смотрю на тебя, и смотря загляжусь,
И подъ взоромъ твоимъ занѣмлю.

Но когда рѣчь твоя, словно трель соловья,
Слухъ лаская, звучить—я внимаю,
И таинственный смыслъ въ ней ловя и слѣдя,
Невпопадъ я тебѣ отвѣчаю.

Говорить не могу, замираютъ слова,
Сердце чуткое робко трепещеть,
Грудь порывисто дышетъ, въ огаѣ голова,
Кровь, какъ море, бѣшетъ и плещетъ.

Нѣтъ тебя—ожидаю весь день у окна,
Льются шопотомъ страстныя рѣчи,

Что сказала-бъ тебѣ, что сказать я должна,
Ни на что не взирая при встрѣчѣ.

Но ты холодно вѣжливъ со мной и суровъ,
Я кажуся тебѣ мелочною, —
Не сказать видно мнѣ никогда этихъ словъ —
Ты ихъ встрѣтишь насмѣшкою злою.

И задумаюсь я, противъ воли слеза,
На рѣсеницѣ повиснетъ и канетъ,
Скучно, грустно, туманъ застилаетъ глаза, —
И въ слезахъ меня утро застанетъ.

Запою-ли въ раздумѣ — тоска и любовь
Выливаются въ скорбные звуки;
Въ этихъ звукахъ дрожать и бунтуютъ мнѣ кровь
Сердца жгучія, сладкія муки.

Лягу-ль спать — мнѣ не спится, я жажду любви,
Я подушку къ груди прижимаю,
И твой образъ, мой милый, въ объятія свои
Я въ мечтѣ огневой заключаю.

Бездыханно замлѣю... засну и во снѣ
Все тебя же зову къ изголовью,
Вижу сладкія грезы.... тебя.... и воплнѣ
Обладаю твоею любовью.

5 августа 1864 г.

Ты уѣхалъ, мой милый,—быть можетъ, во вѣкъ
Не увижусь я больше съ тобою,
Не забыть никогда мнѣ минувшій четверкъ,—
Ты увезъ мое счастье съ собою.

Не легко было сердцу въ себѣ подавить
Чувства нѣжности, грусти, страданья,
Что тѣснили мнѣ грудь, что хотѣлось излить
Въ этотъ скорбный моментъ разставанья.

Мы сидѣли съ тобою въ гостиной одни,
У воротъ горячилась тройка,
А ты холодно, гордо, какъ въ прежніе дни,
Говорилъ мнѣ о долгѣ, и только...

Говорилъ, что тебя призываютъ дѣла.
Что разстаться намъ больше чѣмъ нужно —
Въ этомъ долгъ нашъ и польза; а я... я ждала...
Нѣтъ ни словъ я ждала простодушно.

Но ты всталъ, поклонился, мнѣ руку пожалъ,
И пошолъ—замерла я, тоскуя,

Вотъ ужъ ты у дверей, вотъ оставилъ ты залъ, —
А я все еще жду поцалуя.

Вдаль смотрю и не вижу, невольно уста
Занѣмѣли въ истомѣ страданья,
Все дрожу, цѣпенѣю, въ глазахъ темнота,
Въ сердцѣ трепеть, боязнь и желанье...

Но когда колокольчика жалобный звонъ
Вдалекѣ гдѣ то стихъ, затерялся,
Сердце сжалось, заняло, болѣзненный стонъ,
За подавленнымъ вздохомъ прорвался.

Слезы ринулись градомъ, я вдругъ поняла,
Что въ тебѣ я на вѣкъ потеряла,
И навзрыцъ я рыдала всю ночь у стола,
И въ отчаянны руки ломала....

Ахъ! зачѣмъ я тебѣ не сказала въ глаза,
Что люблю я тебя всей душою:
Не рыдала бъ теперь, не рвала бъ волоса —
Ты остался бъ, мой милый, со мною...

14 Августа 1864 г.

НА ПОХОРОНАХЪ.

Писарь хоронитъ дворянку жену,
Дай на минуту зайду, помяну
Вѣдную женщину, зналъ я ее,
Зналъ небогатое счастьемъ житье
Юной покойницы, — мало жила,
Много страдала она — и сошла
Рано въ могилу какъ сотни людей,
Все принеся для гуманныхъ идей,
И по себѣ не оставя слѣда,
Будто и жизнь не жила никогда.
Въ этой же церкви, годъ только назадъ,
Быль совершенъ надъ ней брачный обрядъ.
Радостью тихой, я помню, цвѣло
Гордой невѣсты младое чело,
Взоръ ея свѣтлой надеждой горѣлъ,
Въ кроткой улыбкѣ слѣдъ счастья блестялъ,
Смѣло смотрѣла она на народъ,
И порывалася мыслью впередъ....
Таже, гляжу я, и въ гробѣ она,

Только румянца въ лицѣ нѣтъ—блѣдна,
 Только рука на груди холодна,
 Только въ улыбкѣ нѣтъ счастья слѣда,
 Только нѣтъ жизни—сгубила вражда...
 Вѣдная! сколько мученій и зла,
 Нравственныхъ пытокъ ты въ жизни снесла...
 Важный родитель твой, грубый деспотъ,
 Велъ отъ Гирѣевъ старинный свой родъ,
 Былъ своенравенъ, заносчивъ, богатъ,
 Былъ честолюбиемъ громаднымъ объять,
 Дочь свою видѣть за княземъ хотѣлъ,
 Стать подъ вѣнецъ тебѣ съ старцемъ велѣлъ.
 Ты убѣжала... подъ бремя вѣнца
 Стала съ любимцемъ безъ воли отца,—
 Проклялъ тебя онъ... Пошла ты подъ кровъ
 Общей казармы семейныхъ писцовъ...
 Въ скромномъ жилищѣ, гордясь нищетой,
 Ты ознакомилась съ новой средой,
 Ты принялася за трудъ—и въ любви
 Дни потекли безмятежно твои.
 Только порою—печальный вопросъ!—
 Тяжесть проклятыя щепила до слезъ
 Грудь молодую, безсильную грудь,
 И не могла ты свободно вздохнуть...
 Дочь родилася—больная, въ слезахъ,
 Въ полузабытьи, съ малюткой въ рукахъ,
 Ты о прощеньи молила отца,—
 Лично тебя проведилъ онъ съ крыльца...
 Этого только ты снести не могла —
 Въ гробъ тебя злая обида свела.

Что же? спи мирно... покояся съ землею,
Ты завершила свой подвигъ святой.
Видишь ли, сотни веѣхъ званій людей
Съ грустью сошлись на могилѣ твоей,
Чтобы сочувственно, съ словомъ: прости —
Бросить на прахъ твой по горсти земли.
Память твоя среди ихъ не умретъ —
Подвигъ святой не забудетъ народъ.

8 мая 1865 г

ПѢСНЯ ОТВЕРЖЕНЦА.

Посвящается Н—лаю П—новичу По—неву.

„Спой мнѣ пѣсню, молви слово,
Сказку или присловье,
Чтобъ узналъ я счастье снова,
Возвратилъ здоровье.

„Спой голубка, спой родная,
Пѣсню мнѣ такую,
Чтобъ забылъ я на минуту
Участь-долю злую.

„Чтобъ поблеклы ланиты
Краской вновь покрылись,
И во взорѣ мысль и сила
Искрой засвѣтились.

„День и ночь я все тоскую
Грустно безъ тебя мнѣ,
Могъ ли думать я, что чувства
Нѣтъ въ тебѣ какъ въ камнѣ.

„Все съ другими— смѣхъ и рѣчи,
Только не со мною,
Эти шутки, эти встрѣчи
Позднею порою...

„Ужъ пускай бы тѣ, другіе,
Лучше были, что ли,—
Такъ и зналъ бы, и не мучилъ
Я себя ужъ болѣ.

„А то кто же?.. и грущу я,
Горе завелось,
На распашку какъ хозяинъ
Въ сердце разлеглось.

„Давить мысли, давить волю,
Гдѣ дѣвались силы,
Самъ не свой сталъ, жить на свѣтѣ
Мнѣ уже не мило.

„Посмотри, вѣдь весь исчахъ я
Выплакалъ я очи,
Бросилъ дѣло, бросилъ пѣсни,
Пью съ утра до ночи.

„Не могу тебя забыть я,
Зная, что не нравлюсь,
Вотъ и гибну, самъ не знаю
Какъ съ собой и справлюсь.

„Спой же, что ли, Бога ради,
Что нибудь такое,
Чтобъ на часъ хоть ястребъ-горе
Оглетѣло злое...“

5 Апрѣля 1870.

СТРУЙКИ.

(отрывокъ изъ поэмы)

Ночь осенняя. долгая, темная ночь,
 Вѣтеръ свищетъ въ избушкѣ холодной,
 Согрѣваюсь я чаемъ, хозяйская дочь
 Спать, раздѣвшись, ложится свободно.

Нагораеть, сплывая подъ вѣтромъ, свѣча,
 Пламя вьется, дрожить и крутится,
 Струйка копоти черной слегка трепещетъ,
 Въ прихотливыя формы ложится.

Вотъ какъ будто бы въ форму легла дщревца,
 Округлилась въ цвѣточикъ махровый,
 Вотъ мелькнули какъ бы очертающа лица,
 И вѣнецъ надъ главою терновый.

Снова лица... рядъ цѣлый—и кажется мнѣ,
 Есть знакомыхъ межъ ними не мало: •
 Вотъ товарищъ, погибшій въ чужой сторонѣ
 Подъ позорнымъ клеймомъ либерада...

Вотъ страдальцы, которыхъ лихая судьба,
Злые люди да годы ковали,
Къ идиотству безмолвному негра раба
Да къ животнымъ страстямъ приучали.

. . . . .

Май, 1867 г.

Ужъ май, но зѣсуха; и дождиѣь благодатный
Не освѣжилъ ни разу воздухъ сладострастный,
    Не напоилъ зажолкшія поля,
Горитъ трава и хлѣбъ, жара—ходить нѣтъ мочи,
И только подь вечеръ, въ прохладѣ тихой ночи
    Вздохнеть народъ и мать-суха-земля.
И плачуть бѣдняви: опять не будетъ жатвы,
Сбираются во храмъ, владуть обѣты, клятвы,
    И просятъ, ждуть, какъ милости, дождя.
А богачи?... что имъ народныя напасти,
На дачахъ, на водахъ свои лишь пѣмать страсти,
    Бездушіемъ да роскошью блестя.

20 мая 1865 г.

Не для сладкихъ молитвъ, не для гимна любви,
Не для пѣсенъ хвалы и куренія,
Я берусь за перо съ пыломъ страстнымъ въ крови,
Въ этотъ краткій моментъ вдохновенія.

Не возьметъ ноть высокихъ разбитая грудь.
Не подь силу ей оды съ сонетами,
Я хотѣлъ-бы за пѣсней своей отдохнуть,
Надъ присущими жизни предметами.

И пусть пѣсня моя, пѣснь разбитой души,
Будетъ пѣсней простою, суровою,
Словно пѣсня свирѣли въ глубокой тиши,
На лугу, передъ рощей сосновою.

Говорять намъ, что книжная мудрость должна
Быть для избранныхъ лишь монополіей,
Что въ народѣ развратъ развиваетъ она,
Преступленья, и чуть-чуть не болѣе...

Говорятъ намъ, что массы на свѣтъ рождены
 Для работы тяжелой, физической,
 Что способностей умственныхъ мы лишены, —
 Ужъ законъ вишь такой историческій.

Говорятъ, что развитіе вредно для насъ,
 Лучше быть вишь полудиотами,
 И все это подъ лосьомъ обточенныхъ фразъ,
 Пересыпанныхъ сплошь анекдотами...

Грустно слышать порой, какъ считаютъ бойцовъ,
 Что къ намъ послали массы на проповѣдь:
 Ломоносовъ, Кулибинъ, Шевченко, Кольновъ,
 Полевой да Никитинъ... не много вѣдь...

Да! немного бойцовъ... но мы гнетъ, господа,
 Крѣпостнаго несли состоянія,
 Намъ на долю лишь падала горечь труда,
 Униженье, да сладость молчанія.

О развитіи умственномъ думать не смѣлъ
 Нашъ народъ — всенародно униженный,
 До того-ль ему было? онъ только терпѣлъ
 Голодь, холодъ, да плакалъ обиженный.

Но мы учимся нынче — и въ этомъ завѣтъ
 Нашихъ будущихъ дѣлъ и величія:
 Поживемъ, такъ увидимъ, что пользу или вредъ
 Дастъ ученье намъ всемъ безъ различія...

Я увѣренъ, однако, что много бойцовъ
Вышлютъ массы на битву съ неправдою,
Заблестятъ имена опочившихъ борцовъ, —
Окруженныя новой плеядою...

И хотѣлъ бы познать я, услышать о томъ,
Что Русь въ массѣ людей возрождается,
И въ могилу сойти, осѣняя престомъ,
Спѣвъ послѣднюю пѣснь: „Отпущается“...

Июль 1865 г.

СОСѢДКИ.

Двѣ сосѣдки въ сосѣдствѣ со мною:
 Справа — падшая жертва нужды,
 Слева — знатная дама съ семейю,
 Единица примѣрной четы.

Та открыто любви предается.
 Изъ-за хлѣба торгуетъ стыдомъ.
 Но чужаго добра не коснется.
 И обманъ почитаетъ грѣхомъ.

Эта-жь важная, свѣтская дама,
 Домъ картежный отерывъ на паяхъ,
 Грабитъ деньги открыто и прямо
 Съ шулерами въ преступныхъ связяхъ.

Ту — надежда есть — можно исправить,
 Съ честной жизнью, съ семейю примирить,
 Убѣжденьемъ горячимъ заставить
 Добродѣтель и трудъ полюбить.

Но другую—исправить могила:
Послѣ долгихъ мучительныхъ думъ,
Въ сталь цинизма она заваляла
Убѣденья и чувства и умъ.

Іюль, 1869 г.

УБИЙСТВО.

Современная баллада.

Пожаръ. Горить громадный домъ,
 Домина трехъ этажный,
 Борьба жестокая съ огнемъ,
 И крикъ и шумъ ужасный.
 Часть дома въ пламени, сгорѣть
 И все строенье можетъ,
 Народъ глядитъ. — „Чего глядѣть —
 Полиція тревожить: —
 „Спасай что можно! —“ и спасать
 Всѣ ринулись толпою...
 И вотъ здѣсь вытащили мать
 Изъ пламени съ дитею,
 Здѣсь вещи цѣнные спасли
 Извѣстной фаворитки,
 Тамъ съ чердака старухъ снесли
 И весь ихъ скарбъ до нитки.
 Тамъ изъ квартиры, гдѣ живетъ
 Одинъ нашъ тузь чиновный, —
 Всю вынесъ движимость народъ

Въ любви своей сыновней.
 И дѣло сдѣлавши, со лба
     Рукою потъ стираетъ...
 Межъ тѣмъ съ огнемъ идетъ борьба,
     Домина весь пылаетъ...
 Вдругъ тузъ (онъ гдѣ-то былъ въ гостяхъ
     Когда пожаръ случился),
 Летитъ домой, взглянулъ и—ахъ!
     Ударъ съ нимъ приключился....
 Прошло три года, тузъ больной
     Твердитъ одно и то же:
 „Народъ безмозглый и тупой
     Убилъ меня, о Боже!
 „Пришла-же мысль въ пожаръ спастись
     Старье, дрянную мебель...
 „Я все съумѣлъ застраховать...
     О Боже, гдѣ ты?.. въ небѣ ль?..

Юль 1865 г.

ЛОВКІЙ ГОСПОДИНЪ.

Рыжій, съ розовымъ лицомъ,
Вѣчно бодръ и юнъ,
Франтъ наудренный, *bel homme*,
Бойкій говорунъ,
И въ гостиныхъ высшихъ сферъ,
И въ гостиныхъ Фринъ.—
Всюду видѣнъ герръ фонъ-деръ...
Ловкій господинъ.

Съ либераломъ — либералъ.
Съ краснымъ — коммунистъ,
Съ консерваторомъ — вассалъ,
Съ рыцаремъ — дантистъ,—
Какъ любезный кавалеръ,
Истый вѣмцевъ сынъ,
Политиченъ герръ фонъ-деръ...
Ловкій господинъ.

Отъ души, какъ вѣрный другъ,
 Всѣмъ готовъ помочь:
 Признанъ изъ добрыхъ ругъ,
 Попросить: отстрочъ,
 Сдѣлать сдѣлку, une affaire
 А la дворянинъ, —
 Предобрѣйшій герръ фонъ-деръ...
 Ловкій господинъ.

Именитыхъ зная львицъ,
 Весь нашъ demimonde,
 И красавицъ продавицъ
 Кружевъ, лентъ и блондъ, —
 Общій завтракъ, иль раг раіге
 Promenade ius grun
 Вамъ устроить герръ фонъ-деръ...
 Ловкій господинъ.

А сыграть кто любитъ, тѣхъ
 Просить онъ къ себѣ
 У него пріютъ для всѣхъ —
 Кто силещъ въ борьбѣ:
 Ромъ, паштеты, редереръ,
 Портеръ, карты, джинъ —
 Приготовить герръ фонъ-деръ...
 Ловкій господинъ.

И живетъ, не зная нуждъ,
 Эготъ человекъ,
 Беззаботно, дѣлу чуждъ,

Третя цѣлый вѣкъ
Межъ тузовъ, актрисъ, гетэръ,
Львиць и балеринъ—
Златокудрый герръ фонъ-деръ...
Ловкій господинъ.

22 Января 1868 г.

НА КЛАДБИЩЪ.

Если нечего дѣлать, иль лѣнь,
Иль тоска безотвязная гложетъ
Мое бѣдное сердце весь день,
Уиь молчить, заниматься не можетъ. —
Я изъ дому бѣгу и брожу
Вдоль по улицамъ города шумнымъ.
И порою продуесть нахожу
Я для смѣха друзьямъ остроумнымъ.

Посмѣяться люблю я, не врочь
И вы тоже, мои государи,
Но смѣюсь я беззвучно, точь-въ-точь
Какъ смѣется порой антикварій.
Такъ вчера въ настроеннн угрюмомъ.
Я изъ города въ лѣсъ уходилъ,
И отдавшись властительнымъ думамъ.
На кладбищѣ попасть угодилъ.

Утро дивное было; съ утра
 Вышелъ я—мнѣ всю ночь не спалось,
 Вышелъ за городъ— вижу гора
 И кладбище надъ ней вознеслося.
 Нѣва пышная гордыхъ могилъ,
 И средь нивы, блестя бѣлизною,
 Межъ деревьевъ, крестовъ и периль,
 Храмъ изящный съ главой золотою...

И пошолъ я не въ лѣсъ, на кладбищѣ,
 Захотѣлося мнѣ посмотрѣть
 На послѣднее наше жилищѣ,
 Жатвой смерти на мигъ овладѣть,
 Убѣдиться—какъ люди высоко
 Память славныхъ покойниковъ чтутъ,
 Справедливо-ль, безстрастно и строго
 Всѣмъ и каждому честь воздаютъ?...

Вижу баринъ почіеть, рабами
 Онъ людей всѣхъ до гроба считалъ,
 Дралъ и грабилъ — и вотъ пьедесталъ
 Чудо-портикъ надъ нимъ подъ гербами.
 Откушникъ погребенъ, надъ могилой
 Этой мрачности—дубъ вѣковой;
 Надъ чиновникомъ—мраморъ, перила
 Надъ камеліей—насыпь съ плитой.

Прахъ развратника скрыла часовня,
 А ханжу игрока—саркофагъ,
 Надъ виновственнымъ фатомъ—имъ ровня —

Изваяніе: плачущій врагъ.

Полисадникъ и столъ со скамьею
 Надъ буяномъ банкротомъ — купцомъ,
 Мавзоль — надъ продажнымъ судьей,
 И порфиръ надъ тартюфомъ-попомъ.

Надъ останками той, что царицей
 Слыла въ обществѣ взбивкою кось,
 Надъ бездушной безнравственной львицей --
 Монументъ и гирлянда изъ розъ.
 Рядомъ съ ней ростовщикъ-кровопійца,
 Надъ нимъ конусъ изъ бронзы литой,
 И достойный вполне олимпійца —
 Геній плачущій съ урной златой.

Между тѣмъ — нашъ извѣстный поэтъ,
 Публицистъ и мыслитель великій,
 Безупречный науки адептъ
 Не почтенъ этой роскошью дикой,
 Брошенъ въ землю средь низменныхъ мѣстъ
 И почиетъ забытый... могилу,
 Гдѣ талантъ схоронили и „силу“,
 Знаменуетъ лишь каменный крестъ.

Также просто одинъ изъ немногихъ,
 Даровитый профессоръ зарытъ,
 Надъ нимъ нѣтъ ни рѣшотокъ, ни плить;
 Спитъ художникъ въ разрядѣ убогихъ, —
 И надъ прахомъ артистки — мой Богъ! —
 Грудой взваленъ песокъ раскаленный,

Да трещеть и рощеть листь, —
Буйнымъ вѣтромъ на прахъ занесенный.

Не смѣшно-ль!.. философія вѣка,
Современная нравственность вся,
Вся исторія, умъ человѣка, —
Все сказалося здѣсь... Не шутя
Мнѣ становится больно и страшно
За могильную эту скрижаль...
Отнесется ли такъ безучастно
Къ ней грядущая, синяя даль?..

26 Апрѣли 1863 г.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ.

Всюду нынче собранья, балы, вечера,
Новый годъ за бокаломъ встрѣчаютъ,
Веселятся, танцуютъ, кутятъ до утра,
Лучшей доли другъ другу желаютъ.

Вновь грядущій годъ встрѣтить не прочь бы и я.
Въ дамскомъ обществѣ или съ друзьями,
Да не много знакомыхъ, друзей у меня—
И я встрѣчу его за стихами.

Отношенья, что дружбой зовемъ мы, -- подь часъ
Непонятны самимъ намъ и ложны;
Дружба—власть, самовластье, насилье у насъ,
И понятья о дружбѣ безбожны.

Дружбѣ истинной нужно безъ слова принести
Все, что есть у насъ въ жизни святаго:
Убѣжденья и взгляды, свободу и честь, —
Иль отнять это все у другаго.

Другъ: иль рабъ, иль кумиръ въ отношеньяхъ людскихъ.
 Незавидная роль для обоихъ:
 Не люблю ни оковъ я влѣчить золотыхъ,
 Ни быть въ пошлыхъ сердечныхъ герояхъ.

Лицемерьемъ фальшивую дружбу зову,
 И какъ подлость въ душѣ презираю,
 И поэтому, въ дружбу ни съ кѣмъ, какъ живу,
 Въ дружбу ложную я не вступаю.

Уважаю всѣхъ умныхъ и честныхъ людей,
 Безъ различія пола и званья,
 И сближаясь съ ними, въ нихъ вижу друзей,
 Лично взявшихъ мое почитанье.

Дружба легкая, правда, но выгода въ томъ,
 Что, какъ вѣтеръ, та дружба свободна:
 Не стѣснятъ вашихъ дѣйствій ни свѣтлымъ умомъ,
 Ни безумьемъ—живи какъ угодно.

Вздумалъ дома быть нынче—и я остаюсь,
 И не жду себѣ завтра упрека,
 Облекаюсь въ халатъ, и за столикъ сажусь,
 Пью дымящійся въ чашечкѣ Мокко.

Обстановка—безрадостна, бѣдность во всемъ,
 Какъ у многихъ изъ братіи нашей,
 Кромѣ, впрочемъ, ума, мы не бѣдны умомъ,—
 Это—наша застольная чаша...

Но все это лишь къ слову... затѣмъ перейдемъ
 Мы къ другому предмету мышленья,
 Въ чемъ быть можетъ съ холоднымъ вниманьемъ найдемъ
 Мысли злобно-сухой воплощенье.

И приходитъ мнѣ въ умъ между сотни идей,—
 О правахъ, напримѣръ, о прогрессѣ,
 О реформахъ, какъ нужны они для людей,—
 Мысль о черной, о дьявольской мессѣ.

Какъ въ полуночный часъ, при сіяньи луны
 Предаюсь я порой заклинаньямъ,
 Предъ подобіемъ демона съ ликомъ жены
 Подвергаю себя истязаньямъ.

Много лампъ и свѣчей передъ демономъ злымъ
 Нещада ничего возжигаю,
 И съ хвалебными гимнами павши предъ нимъ,
 Мессу черную я совершаю.

Мучить душу мою чудный демона ликъ,
 Страстью адской своей пресыщенный,
 И сугубую жертву несу я въ сей мигъ,
 Въ духа злаго безумно влюбленный.

И молюсь я о счастіи, невѣдомомъ мнѣ,
 Я молюся о счастіи грѣховномъ,
 Что бы демонъ прекрасный вѣкъ душу въ огнѣ
 Мнѣ не мучилъ кокетствомъ безмолвнымъ...

Мѣсяцъ ясный, межъ тѣмъ, землю всю озарилъ,
 Потянулись звѣздъ караваны:
 Видно—на небѣ смотръ, мириады свѣтилъ
 Золотые надѣли кафтаны.

Стройно вышли свѣтили одно за другимъ,
 И проходятъ полками повзводно,
 Ясный мѣсяцъ—фельдмаршалъ—стоитъ недвижимъ,
 Въ формѣ полной парадной походной.

На лазурномъ плацу, словно здѣсь на земли,
 Маршируютъ свѣтилъ батальоны,
 Вотъ взвились и пропали въ алмазной пыли
 Кирасирскіе звѣздъ эскадроны.

Джигитуютъ свѣтили, кружатся, летятъ,
 Масса быстро за массой несется,
 Стукъ и грохотъ, пальба, барабаны гремятъ,—
 Ясный мѣсяцъ фельдмаршалъ смѣтается.

Но вотъ армія звѣздъ вся распущена вдругъ,
 Пьеть и пляшетъ какъ бы на вулканѣ,
 Кавалеры стремятся въ объятія подругъ,
 И участвуютъ въ общемъ канканѣ.

Изъ-за тучекъ попарно, какъ бы въ забытѣ,
 Группы звѣздъ на паркетъ вылетаютъ,
 Въ изумрудныхъ уборахъ, взоръ полонъ любви,
 Сладострастные па выбиваютъ...

На землѣ же—не то: всюду, гдѣ ни взгляни—
 Благородно, прилично и чинно,
 Обь интрижкѣ и думать забудь—а ни-ни!
 Какъ барашки здѣсь люди невинны.

Дѣти здѣсь, какъ отцы, очень скромно живутъ,
 Занимаются только дѣлами,
 Благовѣрныхъ супругъ здѣсь мужья берегутъ—
 И счастливы сказать между нами...

Здѣсь пренравственны дамы—поклонницы модъ,
 Не поднимутъ ни нѣ волосъ юшки,
 Не покажутъ вамъ ножки изящныхъ красотъ,—
 И такія съ мужьями голубки...

Здѣсь и матери-чудо, примѣръ матерямъ!
 Съ дочекъ ока не спустятъ зеницы,
 Что ни шагъ, руководство—хвала небесамъ!—
 Ну зато признаюсь и дѣвицы...

Знаю дѣву одну, и скромна и умна,
 И на видъ что твоя Бобелина,
 И игрушечки разныя любитъ она,
 Кукла лучше для ней чѣмъ мужчина...

Что-жъ?.. мыслители „Русскаго Слова“ любовь
 Вѣдь нашли же излишнимъ комфортомъ...
 Имъ сигара нужна лишь... а ежели кровь
 Вспыхнетъ—можно сходить къ Давенпортамъ.

Давенпорты введутъ васъ въ невѣдомый міръ,
Гдѣ витають безплотныя силы,
Въ этомъ мірѣ и ласка, и нѣга—эфиръ,
Въ этомъ мірѣ любовь—до могилы...

Можно въ немъ полюбивши, любить безъ конца,
Въ колебаньяхъ безслѣдныхъ эфира
Нѣжной страсти предавшись, разить всё сердца
Безтѣлеснаго гордаго міра.

Порождать теплоту, порождать магнетизмъ,
Электричество, свѣтъ, притяженье,..
О! для этого можно принять спиритизмъ,
И въ нему лишь питать уваженье.

Вѣдь чрезъ это, быть можетъ, у насъ, на землѣ,
Улучшится людская порода,
Народятся по „Пчолкѣ,“ въ несмѣтномъ числѣ
„Зефироты“ различнаго рода.

Лучше насъ зефироты, быть можетъ, поймутъ —
Что мыслители „Слова“ желаютъ,
И науку, искусство на вѣкъ погребутъ,
А изящество, вкусъ — разстрѣляютъ.

Уничтожатъ солдатчину, жизни дадутъ
Соціальные строй и значенье,
И финансы поправивъ, повсюду введутъ
Право общаго въ благѣ владѣнья...

Чась имъ добрый!.. Но я вижу брезжить заря,
Новый годъ наступилъ. На востокѣ
Блѣднорозовый блескъ съ молокомъ ягтара
Освѣщаетъ сводъ неба далекій.

Бѣлымъ пламенемъ зорька, какъ свѣточъ, горитъ,
Тѣнь и яркихъ цвѣтовъ переливы,
Тучки сѣрыя бродятъ, блестящъ колоритъ,
Очертанія ихъ и извивы.

Хороша ты заря утра перваго дня
Вновь рожденнаго новаго года...
Только — счастья предвѣстница всѣмъ — для меня
Что несешь ты, надежда народа?..

1 Января, 1865 г.

ПОЭТЪ И СВАХА.

СВАХА.

— „Здравствуйте, батюшка, съ годъ собиравася
 Васъ посѣтить — не могла,
 Время все нѣту, да вотъ завязалося,
 Дѣльцо — такъ прямо пошла...
 Сваха я, сударь, позвольте представится...
 Ваша сосѣдка... свой домъ...
 Имя мое здѣсь въ окрестностяхъ славится:
 Если припомните — Бромъ...“

ПОЭТЪ.

— „Чтожь вамъ угодно?“

СВАХА.

— „Что?!. ваши, хваленые,
 Судьи-то, Богъ ихъ суди!
 Кривыя, въ потѣ лица заслужонныя,
 Деньги отняли мои.
 Пусть-бы украла я ихъ, иль безстыдною

Ложью обманной взяла,
 Или-жь любовью какою постыдною.
 Тяжкимъ грѣхомъ добыла, —
 Такъ бы и знала... а то вѣдь трудилася,
 Честный пріала я трудъ.
 Въ умъ не возьму я, какъ это случилось,
 Гдѣ-жь это праведный судъ...“

П О Э Т Ъ.

— Дѣло то въ чомъ же?...“

С В А Х А.

— „Да вотъ разудалая,
 Мой-то, башка, буманецъ,
 Дай, говорить, ты мнѣ, сваха бывалая,
 Денегъ тыщюнокъ пятокъ,
 Платышка, рухляди, дѣвку приличную,
 Брошу я пить — оженюсь;
 Ты же получишь награду отличную —
 Сотней съ тобой подѣлюсь.
 Сваха я честная, все предоставила
 Какъ у насъ былъ уговоръ,
 Только вотъ горе — себя обезславила,
 Дѣло-то вышло позоръ.
 Много я, батюшка, свадебъ сосватала,
 Парочекъ нѣжныхъ свела,
 Дѣвокъ бѣжавшихъ вѣнчала и прятала,
 Бѣдь же такихъ не несла.
 Выдалъ росписку онъ мнѣ — изъ приданаго
 Деньги по сватбѣ отдать,

Я прихожу, а онъ --хуже поганого
 Пса начинаетъ ругать.
 Взялъ, повернулъ меня эдакъ, да взяши,
 Вонъ! говорить и махнулъ,
 Такъ что не смѣю я милости вашей и
 Высказать... крѣпко ругнулъ.
 Долго не думая, баць я прошеніе,
 Въ руки судьѣ подала,
 Взыщеть, мерекую, безъ послабленія,
 Дня черезъ два и зашла.
 Вызваль онъ кума въ судъ, взялъ челобитную
 Да и читаетъ ему,
 Какъ онъ ограбилъ вдову беззащитную,
 Какъ избидѣлъ куму.
 Я судьѣ: „батюшка, гдѣжь это видано
 Ворогамъ просьбы читать?“
 „Формы такія, сударыня, выданы,
 Началь онъ мнѣ отвѣчать.
 Дама я нервная, что-то отвѣтила,
 Что ужъ --не помню теперь,
 Только взглянувъ на него запримѣтила:
 Злобно онъ смотритъ какъ звѣрь.
 „Штрафъ, говорить, заплатить не угодно-ли?“
 „Что?..“ я въ отвѣтъ сгоряча --
 Сами подумайте, право, охотно-ли
 Бросить вдругъ два цѣлкача.
 Только смѣкаю: неладно, -- смирилася,
 Деньги достала, плачу;
 Онъ же при всѣхъ мнѣ --чтобъ я помирилася,
 „Нѣтъ! --говорю; --не хочу...“

„А! не хотите...“ — и тотчасъ рецензію

Мнѣ начинаетъ читать:

„Искъ вашъ безденежный, вашу претензію —

Я не могу разбирать,

Долженъ оставить ее безъ послѣдствія“...

Ахнула только тутъ я...

Дама я, сударь, случилось бѣдствіе —

Съ мѣсяць больна не шутя“...

ПОЭТЪ.

— „Да, не пріятно... но чтожь вы желаете?

Чѣмъ я могу вамъ служить?..“

СВАХА.

— „Слышала, батюшка, вы сочиняете,

Ну такъ нельзя-ль сочинить

Жалобу... какъ бишь ее... аппеляцію

Въ съѣздъ мировой отъ вдовы?..

Что же коснется труда — ассигнацію

Выну, коль примете вы?..

Если-жь жениться хотите — соватаю

Первую кралю — что есть...

Умную, знатную, ну и богатую,

Денегъ вамъ, сударь, не счесть“..

ПОЭТЪ.

— „Благодарю... но пишу я не жалобы,

Если слышали — стихи.“

С В А Х А .

Если бы знала, пошла до квартала бы,
Экие, право, грѣхи“...

22 Января 1869 г.

НАША ГОСТЬЯ.

Гдѣ бы гостья не шаталася,
А къ намъ все таки зайдетъ:
Ей по праву — признавалася —
Добрый русскій нашъ народъ.
Чтожъ?.. житье у насъ привольное —
Холять, кормять и поять,
И работа не невольная:
Хочешь — дѣлай, говорятъ.
И вотъ въ селахъ гостья строится,
Поле пахать кое какъ,
Заработки же, какъ водится,
Тащить изъ дому въ кабакъ,
Въ лавкѣ гостья больше сѣтуеть
На торговлю — что нейдетъ,
Примѣнять къ ней проповѣдуетъ
Надувательства методъ.
На „авось“ лишь полагается,
Остальное не почомъ,
Надувая, раззоряется,

И кончаетъ въ долговомъ...
 Если-жъ выльзетъ въ чиновники —
 Носъ подниметъ и твердитъ:
 Мы — начальство, мы — саповники,
 И на мелочь не глядитъ.
 Передъ старшимъ изгибается,
 Гнется чуть-ли не до ногъ.
 А надъ младшимъ издѣвается,
 Гнетъ его въ бараній рогъ.
 Руководится рутиною,
 Пробирается ползкомъ,
 И „за дѣйствія съ причиною“
 Погибаетъ подъ судомъ...
 Гостя съ барами богатыми
 По старинному чудить,
 То ихъ дѣлаетъ солдатами,
 То въ деревнѣ ихъ селить.
 Научаетъ состояніе
 За границу мотать,
 И въ надеждѣ на стяжаніе
 Мѣста хлѣбнаго искать...
 Въ кафтанишкѣ гостя шляется,
 Носитъ фраки и мундиръ,
 Въ блондахъ, въ бархатѣ катается,
 Пѣрая блескомъ міръ.
 Пресыщается похлебкою,
 Чернымъ хлѣбомъ, требухой,
 Въ потолокъ пускаетъ пробкою,
 Кормитъ сотенной ухой.
 По два мѣсяца не чешется,

Юбку носить цѣлый годъ,
 А франтить начнетъ — натѣшится,
 Выйдетъ вѣшалкой для модъ.
 Въ домъ чужой войдетъ — сконфузится,
 Сядетъ бокомъ, чай пролететь,
 Предъ начальствомъ перетрусится
 И отвѣта не найдетъ.
 Иль принявши роль оратора
 И политики вождя,
 Отъ пѣсца и до сенатора
 Воздастъ всѣмъ не шутя.
 Бойко фразы мотивируетъ,
 Спичи всякіе клеветъ,
 Всѣмъ безъ толку аплодируетъ —
 На подмосткахъ кто стоитъ.
 Убиваетъ ночь за картами,
 Днемъ — визиты, вечеръ — спать,
 Щеголяетъ бакенбардами,
 Да притиркою ланить.
 Развиваетъ преступленія,
 Скандалистовъ, волокитъ,
 Возбуждаетъ омерзѣніе,
 Смѣхъ и добрый аппетитъ.
 Міръ науки, область знанія,
 Сферу мысли и труда
 Осмѣваетъ безъ сознанія,
 Презираетъ безъ стыда.
 Въ благѣ личномъ, въ нѣгѣ чувственной,
 Въ удобреніи земель,
 Да въ игрѣ страстей искусственной

Полагаетъ жизни цѣль.
Крѣпкимъ словомъ отличается,
Всего больше любить—мать...
А какъ гостя прозывается—
Это каждый долженъ знать.

Февраль, 1866 г.

Поэзіи подь свѣтлымъ горизонтомъ
Сегодня майскій былъ парадъ:
Седьмая грація пріѣхала съ виконтомъ,
И въ честь ея, съ своимъ сѣдымъ архонтомъ,
Полки пѣвцовъ развернутымъ шли фронтомъ,
Самъ Аполлонъ салютоваль подь зонтомъ,
И я кричалъ: вивать!

ПОЖАРЪ.

Есть на Руси село Честное —
Что городъ добрый... Сколько въ немъ
Домовъ, добра!... все непочемъ:
И лѣсъ, и хлѣбъ, и все свѣтное.
Внизу широкая, сплавная
Бѣжитъ рѣка, а вдоль села
Идетъ дорога столбовая, —
И жизнь привольна, весела.
Народъ все русскій, тороватый,
Не барскій — вольный и богатый,
Живетъ торговлей, ремесломъ,
Гоняетъ барки вдаль съ овсомъ.
Дома красивы: новый срубъ,
И тесомъ крыты. Дымъ изъ трубъ
Валитъ вездѣ — голанки печи
Во всѣхъ домахъ. Зимю свѣчи,
А не лучина въ нихъ горять,
И мясо всѣ что день ѣдятъ.
Скотину гонять утромъ въ поле —

Такъ счету нѣтъ... а хлѣбъ въ скирдахъ
 И конны сѣна на дугахъ
 Стоять всю зиму. Жизнь на волѣ
 Не таеъ худа, какъ намъ твердятъ
 Порой сторонники неволи,
 На ухо тихо говорятъ,
 Что хуже нѣтъ свободной доли.
 Конечно ужъ, не всѣ богаты —
 Есть бѣдность горькая и тутъ —
 Бобылки-бабы иль солдаты,
 Но ихъ другіе берегутъ...

Однажды только разсвѣло —
 Принарядилось все село.
 Всѣ бабы въ новыхъ сарафанахъ,
 Китайка, штофъ на нихъ, парча;
 Мужчины въ праздничныхъ кафтанахъ,
 Надѣты чуйки на плеча;
 Сапогъ козловый иль коневій,
 Штаны изъ плису иль сукна, —
 Нарядъ повсюду недешовый —
 И у воротъ и у окна.
 Въ селѣ въ тотъ день свой мѣстный праздникъ —
 Престоль во храмѣ; такъ народъ
 Съ утра гуляетъ. Цаловальникъ
 Поить радушно весь приходъ.
 Съ окрестныхъ селъ друзья, родные
 Гурьбою ѣдутъ за гурьбой;
 Спѣшать торговцы продувные,
 Бредутъ и нищіе толпой.

Буда ни взглянешь — все народъ,
 Бутылки, чайники, ставаны;
 У кабака-же главный сходъ —
 Кафтаны, чуйки, сарафаны.
 Пестро и шумно. Смѣхъ и споръ,
 Игра и говоръ, прибаутки,
 Кулачный бой, борьба, задоръ,
 И хороводы, пѣсни, шутки.
 Все полно жизни, все раздольно,
 И широко — какъ Русь, и едольно.

Такъ день прошолъ, прошолъ и вечеръ,
 И ночь ниспавши надъ землей,
 Лежить, чернѣеть; сильный вѣтеръ
 Пронесся съ пылью какъ шальной.
 Народъ въ домахъ; игра и пѣсни,
 Вино и пляска — дымъ столбомъ,
 И чай, и сбитень — пей хоть тресни,
 Пока не выйдешь съ мокрымъ лбомъ.
 Повсюду праздникъ — какъ народъ
 Привыкъ справлять изъ рода въ родъ.

Вдругъ надъ рѣкой, позадь села,
 Из кровлѣ хлѣбнаго сарая
 Сверкнула блескка и, играя,
 Рости все больше начала.
 Во мракѣ ночи струйкой длинной
 Взвилося пламя; и вотъ имъ
 Объялъ строенье вѣтеръ сильный
 И мчалъ и рвалъ на части дымъ.

„Пожаръ! горимъ!“ раздался крикъ,
 Народъ въ селѣ засуетился,
 Но, растерявшись, сталъ въ тушикъ,
 И только бѣгалъ, да крестился.
 — „Туши, ребята, разбирай,
 Дружнѣй прймайся за сарай!“
 Кричить съ бородею мѣщанинъ,
 Купца богатаго приказчикъ, —
 Не тутъ-то было! какъ одинъ
 Толпа въ отвѣтъ: „Какой указчикъ!
 Не трошь, горить — то Божья воля...
 Потухнетъ самъ, какъ рухнетъ кровля.“
 Но пламя пышетъ, вѣтръ бушуетъ.
 И мечетъ головни кругомъ,
 Качаетъ пламя и волнуетъ,
 И потѣшается огнемъ.
 Еще мгновение — запылало
 Уже и самое село;
 Дома, запасы, хлѣбъ и сало,
 Овесъ, пенька, дрова, стекло —
 Все гибнетъ въ яростныхъ волнахъ,
 Въ бурунахъ огненного моря:
 Народу тысячи въ слезахъ
 Все отдають огню не споря.
 Картина страшная! Весь рядъ
 Домовъ, сараевъ, службъ, строеній —
 Постройка цѣлыхъ поколѣній
 Громадой пламени объять.
 Жаръ нестерпимый; небо красно,

Лежитъ ткань зарева на немъ;
 А на луну взглянуть ужасно —
 Кровавымъ кажется пятномъ.
 Высоко искры вѣтръ взвиваетъ
 И сыплетъ на-земь ихъ каскадъ,
 Паленный воздухъ — тяжкій смрадъ
 Въ груди дышанье занимаетъ.
 Блеянье стадъ и конскій топотъ,
 Глухой немолчный ревъ скота,
 Стоустный говоръ, брань и ропотъ,
 Проявляти страшныхъ хрипота;
 Паденье зданій, трескъ и грохотъ,
 Безумья дивнй, хриплый хохотъ,
 Мольбы и стонъ, и вопль и слезы,
 И зовъ на помощь и угрозы,
 И погибающаго крикъ —
 И все въ хаосъ слилось.... о мигъ!
 Куда ни взглянешь — разрушенье,
 Горитъ и гибнетъ все въ огнѣ....
 И нѣтъ селу ни въ чемъ спасенья —
 Остались головни однѣ.

На утро вѣтеръ слегъ, и снова
 На сводѣ неба голубова
 Явилось солнце, день прекрасный
 Прохладой утренней свѣжѣль
 И слѣдъ пожарища чернѣль
 Во всей своей красѣ ужасной.
 Народъ, какъ тѣни, скорбный бродить,

Таскаеть камни, хворость, лѣсъ.
Себѣ палашики городить
И лишь твердить: „попуталъ бѣсъ!“

6 Марта, 1863 г.

РЕКРУТСКИЙ НАБОРЪ.

Объявили наборъ — и какъ молнія
Облѣтѣло извѣстье о томъ
Всѣ деревни и села окольные,
Всѣ избушки и хатки кругомъ.
И все смокло предъ словомъ: рекрутчина,
Непонятный проносится страхъ,
И какъ будто вся жизнь взбаломучена
Въ подлежащихъ набору семьяхъ.
Дѣло брошено, мысли туманятся,
Бабы горькими плачуть слезьми,
И вопросъ: кто пойдетъ, кто останется —
Словно туча виситъ надъ людьми...
Срокъ насталь — и семьями, селеньями,
Въ городъ ѣдетъ и ѣдетъ народъ,
Ѣдетъ съ плачемъ, съ тоской, съ сокрушеньями,
Отбывать свой рекрутскій чередъ.
Ѣдутъ парни съ отцами и дѣдами,
Ѣдетъ мать съ одинокимъ сынкомъ,
Ѣдетъ сдатчикъ съ двумя мироѣдами

И подпившій охотникъ съ дружкоймъ.
 Молодой со своей молодухой,
 Тесть и теща, сноха съ паренькомъ,
 И сироты съ чужою старухой,
 И невѣста съ своимъ женихомъ.
 Сына въ службу срядить долготнью —
 Дѣлать нечего, долженъ мужикъ,
 Продавъ, бѣдный, скотину послѣднюю
 И плетется пѣсечкомъ старикъ...

У присутственныхъ мѣсть собираются
 Чередные и ихъ старшины,
 Чередные съ семьями прощаются
 По завѣту сѣдой старины.
 Пѣсня слышится парня тоселивая,
 Грустный смѣхъ подъ хмѣлькомъ молодца,
 Вой жены, причатанья пугливья,
 И плачь матери, плачь безъ конца.
 Спорять братья, войдя въ обсужденіе —
 Кто поидеть, кто вернется назадъ;
 Старшій машеть рукой въ озлобленіи —
 „Какъ ты хочешь, а я не солдатъ“...
 Мужъ съ женою никакъ не разстанется,
 Отойдетъ и вернется назадъ,
 Вновь и вновь горячо обнимается,
 Вновь и вновь поцалуи звучать.
 Съ крикомъ, свойственнымъ лишь погибающимъ,
 Окружаютъ малютки отца,
 И повисли на шею къ рыдающимъ
 Старикамъ несчастливца-вдовца.

Обнялась вотъ и мачиха съ пасынкомъ,
 Душить тещу въ объятіяхъ зять,
 На брылечкѣ присутствія красненькомъ
 Пала въ обморокъ бѣдная мать.
 Чувствомъ скорби, страданья, боязнію,
 Непрительной глубокой тоской
 Дышать лица всѣхъ — словно предъ казнію,
 Предъ позорною смертію какой..
 Ждутъ. Томленье тяжелое; попотомъ
 Изливаются муки скорбей,
 Или вдругъ раздражаются ропотомъ:
 „Ну, ужъ брали бы, что-ли, скорѣй!“..
 Но вотъ зовъ раздается, — съ движеніемъ
 Въ стонъ и вопль все слилося кругомъ,
 И, на церковь крестясь съ умиленіемъ,
 Потянулись семьи въ пріемъ.

Въ боковомъ корридорѣ присутствія,
 Вся раздѣта стоитъ молодежь,
 Въ сердцѣ страхъ безотчетный предчувствія,
 Подъ колѣнками нервная дрожь.
 Доля злая мерещится каждому,
 И лишь сдатчикъ да писарь одни
 Утѣшаютъ: „не бойтесь, гораздому
 Не пропасть — хоть бы гдѣ, помяни!“
 Вдругъ присутствія дверь отворилася,
 Сторожъ крикнулъ: „веди рекрутовъ“!
 Въ лицахъ блѣдность ихъ краской смѣнилася,
 И пошли вотъ два парня на зовъ.
 Тамъ смотрѣли ихъ, щупали, мѣряли

И не приняли— „хворы нутромъ“;
 Парни плохо звать этому вѣрили,—
 Убѣжали почти нагишомъ.
 На мгновенье настало молчаніе
 И сильнѣе пошла суета,
 Живо дѣлались все испытанія,
 Принимались подъ рядъ рекрута,
 Принимались хмѣльные охотники,
 Чередные семей нумера,
 И сироты за мѣръ грѣховодника,
 Бобыли—ни кола, ни двора.
 Чась—и конченъ приемъ. Оцѣмѣлые,
 Словно камни стоятъ рекрута,
 Иль клянутъ цѣлый мѣръ, ошалѣлые,
 Не щадя ничего живота.

А толпа, между тѣмъ, дожидается
 Вкругъ приема „дѣтинець своихъ“,
 Разузнать у конвойныхъ старается:
 У кого кто „забрить“ изъ родныхъ?
 Вдругъ: „идуть!“ раздалось, и нестройные
 По всей площади крики прошли;
 Шапки сдвинувъ на брови, безмолвные,
 Взявшись подъ-руки, рекруты шли.
 Словомъ мира, любви, утѣшенія
 Встрѣтить массы спѣшать рекрутовъ,
 И покорность персту провидѣнія
 Служить темой рѣчамъ земляковъ.
 — „Что же дѣлать!—отецъ несчастливому
 Новобраццу сыну говоритъ:—

Не родиться-бъ вотъ праву строптивому,
 Ну и не былъ бы дѣдомъ забытъ...
 Старый наваль бы... Чтожь? по купечеству
 Похожу, не кручинься найдемъ...“
 А другому братъ шепчетъ: „Отечеству
 Слуги нужны, подумай о томъ,
 Не ты первый, тебѣ и послѣдному
 Не быть, знамо... въ побывку прійдешь,
 А не то, такъ къ Николѣ-то лѣтнему
 Мы наѣдемъ, поставивши, рожь...“
 Дальше шурина зять наставленіе
 Начинаетъ читать, говоря:
 — „Чтожь? послужишь, братъ, вникнешь въ ученіе
 И не будешь забытъ отъ Царя...“
 — „Да, не хощь-ли, подитко, охотою,
 послужи за меня, уступлю“...
 — „Я — семейный и связанъ заботою,
 Да и всюду бродить не люблю...“
 Съ этимъ сродники злобно разсталися
 Съ пожеланіемъ всяческихъ благъ;
 Рѣчи многіе тѣмъ же кончались—
 Изъ роднаго вдругъ дѣлался врагъ.

Въ ближней церкви священникъ торжественно
 Новобранцевъ къ присягѣ привелъ,
 И молился народъ тутъ — естественно:
 Православный народъ богомоль!
 Тутъ въ сознаньи безсильномъ ничтожества
 И съ покорностью волѣ судьбы,
 Распростершись, молилось убожество

За отправку насушныхъ потребь.
Тутъ молились и тѣ несчастливые,
На комъ рушилось бремя утратъ,
И смирялися души строптивыя
Въ полумракѣ Господнихъ палатъ.
Новобранцы молились о счастья
На невѣдомомъ дальнемъ пути,
А ихъ родичи большею частію—
Что Богъ спасъ, не пришлось идти...
Свѣчи скорби, и свѣчи спасенія
Люди щедро несли образамъ,
И прощались—безъ слезъ изступленія,
И безъ слезъ разошлись по домамъ...

...Не находимъ въ рекрутской повинности
Мы ни злыхъ, ни враждебныхъ идей;
Но желаемъ въ гражданской невинности
Каждый лично спастися отъ ней.

Январь 1866 г.

Любила купчиха ревниво и пылко дѣтину,
Любила почтенная дама ровесника сыну,
Жила и дышала одною любовью мятежной,
И счастье другу сулила, воркуя съ нимъ нѣжно...
Но грянулъ наборъ — и молодчика сдали въ солдаты,
Купчиха-жъ забыла, что счастье сулила когда-то,
При новомъ свиданьи, въ солдатѣ дружка не признала,
И рубль на дорогу несчастному дать отказала...

8 Декабря 1865 г.

НОЧЛЕГЪ НА ЭТАПЪ.

Гаснетъ день лѣтній, іюльскій, томительный,
 Тяжко удушливый, знойно-мучительный,
 Вѣтеръ пахнулъ въ лицо свѣжей прохладою,
 Жадно грудь дышитъ съ вѣною отрадою,
 Листья трепещутъ, трава колыхается,
 Нива, шурша и качаясь, склоняется,
 Солнце садится—надъ пыльной дорогою,
 Встала луна, молодая, двурога.

Лентою длинной, какъ змѣй, извиваяся,
 Тихо этапъ ползеть, съ горки спускаяся,
 Въ центрѣ преступники, крѣпко закованы,
 Стражей отъ прочихъ людей отмежованы,
 Лица въ поту ихъ, суровыя, блѣдныя,
 Изжелта—смуглыя, изкрасна мѣдныя,
 Руки постерты въ желѣзныхъ наручникахъ,
 Глухо оковы бряцаютъ на узникахъ.
 Сзади—подводы, на нихъ заболѣвшіе,
 Люди подъ ношей въ жару ослабѣвшіе,

Дѣти и бабы, бабѣнки бездольныя, —
 Ссыльные бабы, за ними конвойныя.
 Женщина — силой, здоровьемъ цвѣтущая,
 Съ мужемъ на каторгу волей идущая,
 Тутъ же въ хвостѣ кортежа помѣщаются.
 Сзади, стороной идя, пробирается
 Группа солдатъ: выписные, безерочные,
 Рекруты, люди штрафныя, порочныя.
 Грузъ на плечахъ у нихъ, тяжести разныя —
 Ранцы, котомки, мѣшки безобразныя...
 Медленно масса людей подвигается,
 Какъ бы къ ночлегу добраться старается,
 И, утомленная дальнею дорогою,
 Шумно привѣтствуетъ гостью двурогую.

„Вонъ онъ!„ послышалось вдругъ восклицаніе,
 И показалосьэтажное зданіе,
 Въ полѣ, надъ рѣчкой, луной освѣщеное,
 И полисадомъ вокругъ обнесенное,
 Зданіе темное, низкое, мрачное,
 Словно улитка какая невзрачная,
 Двери, ворота, калитка съ запорами,
 Окна съ желѣзными крѣпкими шторами.
 Внутренность зданья вдлину загородкою —
 Съ дверью высокою дубовой рѣшоткою, —
 На двое дѣлится. Дверь запирается,
 Въ должномъ порядкѣ весь людъ размѣщается...
 Тамъ — арестанты, а здѣсь — проходящіе,
 Ночь въ немъ одну лишь всего проводящіе.
 Пусто — шаромъ покати! ни скамеечки,

Нѣтъ въ немъ ни столика... гдѣ то копеечки—
 Что на устройство всего отпущаются?...
 Только въ углахъ и у стѣнокъ валяются
 Кучки соломы—подстилка запасная,
 Словно труха перетертая, грязная...
 Глухо. Нѣтъ жизни, затишье глубокое,
 Зданіе въ полѣ стоитъ одинокое,
 Нѣтъ ни избытки вблизи, ни селенія,
 Только корчомеа стоитъ, попеченія
 Всѣ о этапѣ въ корчмѣ принимаются:
 Водки довольно — пускай угощаются,
 Есть и приварокъ, достаточно хлѣбушка,—
 Добрый содержитъ жидокъ, ее Лейбушка.

Вотъ и этапъ подошолъ; отворяются
 Нѣстежъ всѣ входы, этапъ развѣщается,
 Каждый тащится на мѣсто съ пожитками,
 Грязной соломы съ пучечками жидкими.
 Каждому хочется лечь поудобнѣе—
 Мѣста побольше занять, посвободнѣе;
 Рванцы, котомки, мѣшочки снимаются,
 Или взятые мѣста отмѣчаются,
 Это—знакъ права. На мѣстѣ не многіе,
 Всѣ ужъ въ корчомкѣ; остались безногіе—
 Страшно уставшіе да подневольные,
 Бабы, колодничи, съ ними конвойные,
 Гадину даютъ по стѣнкамъ ползучую.
 Да растилаютъ солому вонючую...

Массой солдаты въ корчомкѣ столпились,

*

Голодь не тетка — у стойки стѣснилися,
 Требуютъ водки — не только любители,
 Но и припасовъ съѣстныхъ потребители, —
 Пьютъ и краснѣютъ съ походу, какъ зарево,
 Требуютъ хлѣба, говядины, варева...
 Споръ за количество, но не за качество, —
 Требовать лучшаго, было-бъ ребячество —
 Лучшаго нѣтъ... и солдатъ насыщается
 Тѣмъ, что евреемъ ему предлагается...

Вотъ и затихло все... Ночь испустилася,
 Блѣднымъ сияньемъ луны осребрилося,
 Зданье этапное. Въ немъ заключонная
 Спитъ вся команда, путемъ утомленная.
 Тяжко и душно.... какъ нива побитая —
 Женщины, дѣти, солдаты раскрытые
 По полу врьдъ полегли, разметалися,
 Словно коренья деревьевъ свивалися
 Шеи и руки ихъ, ноги и головы...
 Облакомъ виснетъ, тяжелый какъ олово,
 Воздухъ зловонный, густой, заразительный,
 Страшно для силъ и здоровья губительный,
 Бьется пульсъ шибче, неровно дыханіе,
 Слышится въ массѣ и ревъ, и рычаніе,
 Цѣпи бряцають, — по всюду бывалая
 Спитъ безпробудно команда усталая...
 Только не спитъ часовой, да бабеночка,
 Что идетъ въ каторгу, кормить ребеночка,
 Къ спящему мужу слегка наклоняется,
 Тихо слезами она обливается.

Мѣсяцъ въ окно осыпаетъ волнистыми,
Эту картину лучами сребристыми,
Подпусту, впрочемъ... усилъя бесплодная—
Эти лучи вѣдь, какъ люди, холодные...

31 Мая 1865 г.

ПѢСНЯ СИРОТЫ.

„Вешній вечеръ. Въ избѣ, подъ открытымъ окномъ,
Я сижу съ безотвязной тоскою,
И черчу бессознательно что-то перомъ,
Опершись о косякъ головою.

Солнце скрылось; послѣдній серебряный лучъ,
Фантастично цвѣтными тѣнями,
Разтворился въ эмалевой студени тучъ,
И затеплилась ночка звѣздами.

Ниспускается на землю синій туманъ,
Даль прозрачнымъ одѣлася газомъ,
Потянулъ вѣтерокъ изъ полуденныхъ странъ,
И пахнуло въ грудь свѣжестью разомъ.

Томно дышетъ подъ пашней въ истомѣ земля,
Страстно мѣя подь слоешъ навоза,
Скромно стелется травка съ цвѣткомъ, — и, дремя,
Пчелку ждетъ въ полисадникѣ роза.

„Гдѣ то въ полѣ, я слышу, стреноженный конь,
 Въ ажитациі ржотъ безъ умолю,
 И звучить, съ пылко-ласковымъ словомъ: не тронь,
 За плетнемъ подалуй втихомолку.

Вотъ рокочетъ за лѣсомъ пастушья свирѣль,
 Замирая въ тоскующей нотѣ,
 Засвисталъ соловей сладострастную трель,
 Застонали лягушки въ болотѣ.

И я чувствую нѣгу въ мозгу и въ крови,
 Жажду страсти въ суровой природѣ,
 Грудь бы, душу открыть и отдаться любви,
 Беззавѣтной любви на свободѣ.

Но нѣтъ сладкихъ мечтаній, восторженныхъ думъ,
 Опьяняющихъ разумъ желаній, —
 Все безжалостно смято, подавлено; умъ
 Погрузился во мракъ воспоминаній.

Съ дрожью въ тѣлѣ нервичной, съ слезой на глазахъ.
 Вспоминаю о дальней отчизнѣ,
 О тѣхъ тяжелыхъ утратахъ, что правый Аллахъ,
 Мнѣ ничѣмъ не восполнить въ сей жизни.

Вижу—мать я больную, на смертномъ одрѣ,
 Преходящую въ вѣчность съ мольбою, —
 Хоръ цыганокъ и пляску, кутежъ на дворѣ,
 У отца въ это время съ другою,

„Въ домѣ только лампада, рыданья и стонъ,
И послѣднія смертныя муки, —
А въ саду, между тѣмъ, весь въ огнѣ павильонъ,
Плескъ и хохота дикіе звуки.

Вижу—домъ я родительскій, блескъ серебра,
Злато, роскоши полную чашу,
И веселье, и танцы, гостей до утра,
А царицею—мачиху нашу.

Вижу я—самодурство, игру и пиры,
Неразлучное съ тѣмъ раззоренье,
И погибель отца, и погибель сестры,
Нищету и въ семьѣ преступленье...

Предомной другъ отца, онъ слыветъ женихомъ,
Онъ съ сестрою бесѣдуетъ въ залѣ,
Вдругъ пропалъ, говорятъ, онъ уѣхалъ съ полкомъ,
И сестра умираетъ съ печали...

Вотъ онъ снова у насъ, ночи дѣлится съ отцомъ,
За виномъ, за картежной игрою,
И съ красавицей—мачихой ѣздитъ верхомъ,
И играетъ съ малюткой—дитею.

И дружна, и нѣжна наша мачиха съ нимъ,
Породнились—врестятъ кумовьями;
И даритъ онъ аграфомъ ее дорогимъ,
И даритъ онъ ее соболями.

„Вспоминаю я вечерь—и свѣтелъ, и тихъ,
 Погулять захотѣлось — иду я,
 Вижу—мачиха съ другомъ... раздался и стихъ,
 Страстный шопотъ и звукъ поцалуя...

И пропомнилась ночь мнѣ... лишились всего,
 Мы съ отцомъ въ эту ночь роковую:
 Проигрался старикъ, а за тѣмъ у него,
 Другъ увезъ и жену молодую.

Предомною картина: отецъ въ долговомъ,
 А супруга съ дружкой за границей,
 Умираетъ старикъ, пораженный стыдомъ,
 Словно нищій бездомный, въ больницѣ.

И печалень, и мраченъ баллады конецъ:
 Другъ на вдовушкѣ милой женился,
 Но въ день свадьбы съ женою сгорѣлъ молодець,
 Въ брачной спальнѣ пожаръ приключился.

Мечь—священное чувство, оно лишь одно,
 Наслаждение богамъ доставляетъ:
 Смерть отца и позоръ все судьбой отмщено,
 Это много меня утѣшаетъ.

Что же дальше?.. опека... я голодень, голь,
 Хлѣбъ и кровь добываю я потомъ,
 Съ дѣтства въ страхѣ, въ трудѣ, да въ работѣ какъ волъ —
 Чуть не сталъ я совсѣмъ идиотомъ.

„Юность, юность моя! какъ ты грустно прошла,
Какъ безрадостно ты прокатилась: —
На тебѣ деспотизмъ, тиранія легла,
И невѣжества грязь отразилась.

Мракъ и темень! Одинъ свѣтлый образъ блеститъ
Въ этой мглѣ, словно ликъ херувима:
То кормилицы-няни на вѣки хранитъ
Образъ сердце мое нерушимо.

Предъ тобою склоняюсь, голубка моя,
И стою съ сокрушонной душою,
Ты бывало отъ мачихи гнѣвной меня
Защищала своей головою.

Ты любила меня, словно мать, безъ ума,
Ты мнѣ первую книжку купила,
И читать по складамъ, какъ умѣла сама,
И молиться меня научила.

И за то навсегда уголокъ для тебя
Въ сердцѣ будетъ моею, дорогая,
Хоть теперь и царить, все другое сгубя,
Страсть безумная въ немъ огневая...

Въ морѣ жизни катится волна за волной,
Зарумяняясь лучами заката,
На поверхности моря, въ зыби голубой
Отражается пурпуръ и золото.

„Колыхается море, вольнѣй и дружиѣй
 Волны къ ночи играютъ, рѣзвятся,
 И одна на другую, не зная цѣпей,
 Въ поцалуѣ сливаясь, ложатся.

Полетѣлъ-бы купаться я въ этихъ волнахъ,
 Но при мысли объ этомъ робѣю:
 Если плавать кто хочетъ въ безбрежныхъ моряхъ,
 Долженъ нѣсколько быть посмѣлѣе...

Во мнѣ смѣлости нѣтъ, воли нѣтъ у меня,
 И энергіи мало для дѣла,
 Но во мракѣ живя цѣлый вѣкъ безъ огня,
 Диво—какъ еще мысль уцѣлѣла!

Ничего-то отраднѣе нѣтъ назади,
 Только слезы, да вздохи страданья;
 Грезы юности сгнили, и смокли въ груди
 Всѣ стремленья души и желанья.

Бѣдность та-же, что прежде: двѣ пары сапогъ,
 Самоварчикъ, постель... Молчаливо
 Я смотрю на жилище свое—и мой Богъ!—
 Сердце сжалось, заняло тоскливо.

Но не бѣдность страшна: уже къ ней я привыкъ,
 Къ ней питаю въ душѣ уваженье,—
 Я надорвалъ, надломанъ, главою пониже—
 Задавилъ меня гнетъ отверженья.

„Въ сутки двадцать часовъ я работалъ шута,
 Спалъ на голой землѣ и вставая,
 Я надъ жизнью смѣялся, безпечный дитя,
 Голодъ, холодъ, нужду презирая.

Не физическій трудъ во мнѣ силы убилъ,
 Я труда никогда не боялся;
 Но моральная пытка — тотъ ядъ что изъ жилъ
 Въ мозгъ и сердце, все руша стекался.

Ошибаюсь быть можетъ, быть можетъ неправъ
 Я считая за пытку — полвѣка
 Жить на свѣтѣ безъ слова, лилипутнымъ всѣхъ правъ —
 Правъ общественныхъ, правъ человѣка.

Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ люди живутъ,
 Мнѣ хотѣлось послушать ихъ рѣчи —
 Тѣ разумныя рѣчи — что жизни даютъ
 Направленье и путь человѣчій.

Но желанье напрасно! Была заперта
 Мнѣ такъ долго рѣшетка — проклятье!
 Вамъ, виновники, шепчуть беззвучно уста,
 Палачи вы мои, а не братья...

Мудрено-ль, что забвенья искалъ я въ винѣ,
 Въ шумной оргіи, въ гнусномъ развратѣ...
 Ядовитыя вещи! Какъ много онѣ
 Причинили мнѣ зла въ результатѣ.

„Кашель душить, колотить, мнѣ больно вздохнуть,
А до смерти борьба не подъ силу....
Говорять — бугорчатка забралася въ грудь,
Таеъ скорѣе-бы, что-ли въ могилу“...

Май 1864 г.

ПЕРЕДЪ ПОХОДОМЪ.

— „Нѣтъ, племяншъ, нейдетъ Татьяна,
Что живетъ у капитана,
Знать, нельзя урваться ей
Отъ сѣдой брюзги своей.
Въ понедѣльникъ быть хотѣла,
Жду недѣлю — не пришла;
Знать, работа одолѣла,
Видно стирка подошла.
Не случилось-ли несчастья?
Можетъ, баринъ разбранилъ,
Что намедни отъ непастья
Я къ ней поздно заходилъ....
Не больна-ли безнадежно?
Не отъ мѣста ль отошла?..
Сердце ноетъ неутѣшно
И болить по ней душа...
Эхъ, племяншъ, денекъ воскресный,
Такъ не сходишь-ли узнать,
Что тамъ сталося съ сердечной?

Нѣту мочи больше ждать...
 Коль здорова—пусть Татьяна
 Вечеркомъ ко мнѣ придетъ;
 Намъ походъ наутро ране,
 Такъ скажи: проститься ждетъ...
 Да скажи, что на прощанье
 Я ей ситчику кушилъ,
 Премудренное название—
 Два съ полтиной заплатилъ.“

И пошолъ племяшъ; а унтеръ
 Время какъ убить не зналъ:
 То осмотрить мѣткій штуцеръ,
 То стрѣльбы возьметъ журналъ,
 То закуритъ носогрѣйку
 И глядитъ на дворъ въ окно;
 Но въ душѣ его одно—
 Онъ ласкаетъ станъ и шейку.

— „Что, племяшъ? слугея намного
 Унтеръ рекрута пыталъ.
 — „Таня будетъ, сударь...“ бойко
 Рекрутъ дядькѣ отвѣчалъ.
 — „Ты ужо, братъ, самоварчикъ
 У хозяйки попроси,
 И наставъ, да съ чаемъ ларчикъ,
 Чайникъ, чашки припаси...
 Таня пьетъ, племяшъ, вишневеу,
 Такъ получше дать... того,
 Попроси въ корчмѣ жидовку—

Для меня, для самого.
 Не забудь взять, кстати, нива,
 Пару буловъ, колбасы;
 Да спроворь все это живо,
 Не жалѣй, смотри гамзы...
 Я-жъ, межъ тѣмъ, схожу въ капральство
 Приказанье получу,
 Какъ мы завтра, какъ начальство,
 И назадъ поворочу".
 — „Какъ же, дядьва, денегъ надо...“
 — „Сколько нужно?“ — „Гривенъ шесть...“
 — „Нѣтъ у дядьки, мое чадо,
 Заложи свои коль есть.“

Ночь. Ужъ поздно. Тихо въ домѣ,
 Все примолкло, все ужъ спить,
 Самъ хозяинъ на соломѣ,
 Разметавшись, храпитъ.
 Куры грезять на нашестѣ,
 Пѣтушокъ одинъ поеть,
 Скотъ домашній въ своемъ мѣстѣ
 Дремлетъ, сѣна не жуеть;
 Кобылица вороная
 И ушми не шевелить,
 А хозяйка молодая
 На печи съ дитей лежитъ.
 Рекрутъ, съ вечера уставшій,
 Захрапѣлъ давнымъ давно,
 Мѣсяцъ, рано задремавшій,
 Чуть бросаетъ свѣтъ въ окно.

Только унтеръ во свѣтлицѣ
 Призадумавшись сидитъ,
 Въ очи ясныя дѣвицѣ
 Глазъ не сводитъ — все глядитъ.
 А дѣвица, разгорѣвшись,
 Розой пышною цвѣтетъ,
 Въ полночь робко осмотрѣвшись,
 Рѣчи къ милому ведетъ.
 — „Поздно, милый! Брезжетъ свѣтъ —
 Не пора-ли попрощаться...“
 — „Что ты!.. унтеръ ей въ отвѣтъ: —
 Еще рано расставаться!..
 Посиди часокъ со мной,
 Можетъ быть, намъ увидаться
 Не придется ужъ съ тобой. —
 И обвивъ ее руками,
 Крѣпко къ сердцу прижималъ
 Сладострастными устами
 Ненасытно лобызалъ.
 — „Полно, милый! дѣва снова
 Ужъ съ усмѣшкой говорить
 И солдата молодова
 Потихоньку сторонить.
 — „Лучше молви: на прощанье
 Чѣмъ меня ты подарить?
 Ничего въ часъ раставанья
 Ты о томъ не говоришь...“
 — «Ситчикъ миленькій на платье
 Буленъ мною для тебя;

Удивлялась даже сватья,

Выходила изъ себя.“

— „Что жъ еще?.. иль только милый?..“

— „Только, Таня, словно хилый,

Унтеръ тихо говоритъ

И, какъ будто стыдно стало,

Покраснѣлъ и вземъ глядитъ.

— „Ситчикъ только... это мало! ..

Ты мнѣ серьги обѣщаль,

Фартухъ, мало ли гостинцевъ...

Вотъ и толкъ отъ цѣхотинцевъ—

Лишь на платьишко набралъ!..

Нѣтъ, любить васъ плохо дѣло,—

Лучше знать свои горшки...

Обувъ бѣгавши сопрѣла—

Дай-же хоть на башмаки?..“

— „Нѣту, Таня... самъ безъ гроша,

Вѣришь Богу, только кожа

На плечахъ одна и есть!..

Не сердись, прошу присѣсть!..“

— „Самъ сиди, я насидѣлась!..“

И собравши ситчикъ въ комъ,

Таня наскоро одѣлась,

И ушла, вильнувъ хвостомъ.

Долго унтеръ нашъ безмолвно,

Весь растерянный, стоялъ,

Горевалъ онъ непритворно

И Танюшу вспоминалъ.

„Не протилась! Что съ ней стало!
Унтеръ думаль и грустиль:—
„Неужли ей ситца мало—
Два съ полтиной заплатиль...“

17 Февраля 1863 г.

ПОБЫВКА.

Вотъ еще одинъ изъ отпуска
Въ полкъ солдатикъ возвращается,
Обносившись, оборвавшись,
Трое сутокъ починается.

— „Что принесъ, братъ, ну-ка хвастайся? —
Пристаютъ къ нему товарищи: —
Ободрался-жь ты однако-же,
Словно былъ гдѣ на пожарищѣ.“

— „Что принесъ я?... Вѣдь не всякому
Счастье хвастаться подарками...
Можетъ дома раскутившись,
Я ухлопалъ все съ сударками...“

— „Не скрывай, братъ, не отнимемъ вѣдь —
Дома дали награжденіе!...
Будь спокоенъ, не потребуемъ
Отъ скупаго угощенія.“

— „Отъ скупаго?... взявъ хотите вы
 За сторонку, за щекотную —
 Дѣлать нечего, открою вамъ
 Про себя всю подноготную.

Сланъ въ солдаты я безъ жеребья...
 Такъ рѣшили вотчимъ съ матерью —
 Сыну дома быть, а пасынку
 Путь-дорога въ службу скатертью.

Плакалъ горько, скидаваючи
 Я мужичьи лапти, вретиче,
 Грызло сердце — не посовѣсти
 Вотчимъ сбылъ чужое дѣтище.

Ухмылялся старый въ бороду,
 Въ службу сдавши сиротинушку, —
 Распрегорько, горько плакалъ я
 И понесъ съ собой кручинушку.

Навидался въ службѣ всячины,
 Нужды были, грусть великая,
 Но ни грамотки, ни вѣсточки
 Не далъ въ домъ я, горе мыкая.

Десять лѣтъ спустя, нечаянно,
 Встрѣтясь съ дядей въ поселеніи,
 Свѣдалъ: вотчимъ ужъ представился,
 И во мнѣ мать въ сокрушеніи.

Вспоминаетъ чтò день, ваетъ,
Всю вину кладетъ на стараго,
За меня, какъ за умершаго,
Ставитъ свѣчи воску яраго.

По субботамъ, по родительскимъ,
Въ дождь и въ слякоть, въ пору спѣвную —
Чтò годъ правитъ панихидушки
За мою, за душу грѣшную.

Встрепенулось вдругъ сердечушко
У солдата беззаботнаго,
И въ побывку на два мѣсяца
Сталь проситься я у ротнаго.

Совѣсть мучить, надо-жь, думаю,
Успокоить мать на старости,
Десять лѣтъ какъ невидалися —
То-то плачу будетъ съ радости.

Побывать въ деревнѣ съ этихъ поръ
Спаль и видѣль — захотѣлося;
Не шла въ голову работуша,
Да и каша плохо ѣлася.

Отпустили — сборы малые,
Хлѣба ломть — и въ путь дороженьку
Полетѣль какъ вихрь, полсотни веретъ
Въ день шоль — лежокъ сталъ на ноженку.

И все мало! Птицей дѣ до дому
 Перенесся бѣ я скорехонько...
 День идешь, да только сѣтуешь,
 Что плетешься такъ тихохонько.

Или-жъ въ мысляхъ представляется:
 Свой лѣсокъ, погостъ съ деревнею,
 Мать въ избѣ, сидитъ за прялкою,
 Подъ иконой Спаса древнею.

Вотъ узнала, плачетъ съ радости,
 Лобызаетъ, обнимается,
 Скорби, бѣдность, горе лютое —
 Все на свѣтъ забывается...

Въ городъ свой пришолъ я за полночь —
 Снѣгъ и вѣтеръ, ночь ненастная!
 Ночевать бы... нѣтъ, не терпится —
 Дай пойду, охота страшная...

Вышелъ въ поле, свѣту Божьяго,
 Зги не видно, крутитъ, стелется,
 Заметая путь сугробами,
 Непогода вихрь-мятелица.

Знай иду себѣ — близенько домъ,
 Мы — крестьяне подгородные,
 Шолъ да шолъ — изъ силы выбился,
 Стали ноженьки походные...

Осмотрѣлся — снѣгу пò поясъ,
Вкругъ — ни хаты, ни селенія,
Вѣтеръ встрѣчный рѣжетъ до кости,
Залѣпляеть вьюга зрѣнїе.

Что ни шагъ, то вязну болѣе, —
Нѣтъ дороги, поле чистое!
Хоть ложись, совсѣмъ измучился,
Тѣло дрожь взяла иглистая.

Опустился, сѣлъ, — и сидючи,
Костенѣть сталъ нечувствительно,
Ногъ не слышу, сводить рученьки,
Сердце бьется такъ мучительно.

Вспомнилъ мать я, службу, вотчина,
Похожденья съ молодницами,
Всѣ грѣхи — и слезы ринулись,
И смерзались съ рѣсницами.

Горько было — близко отъ дому,
На родномъ почти-что полюшкѣ,
Умереть безъ покаянїя...
Но что дѣлать съ Божьей волюшкой!

И склонясь предъ горькой участью,
Ждалъ себѣ я представленїя —
Надъ безбрежною могилою,
Въ сладкомъ снѣ оцѣпенѣнїя.

Вдругъ, слышу, брякнулъ колоколь,
Звуки съ вѣтромъ прокатилися,
И за лѣсомъ, по-надъ горкою
Огонечки засвѣтились.

Словно варомъ, братцы, обдало,
Словно силы кто тѣлесныя
Вдругъ вдохнулъ мнѣ — пробудился я
И пошелъ.... дѣла чудесныя!

Шаговъ тридцать — и я выбрался
На дорогу на широкую,
Повстрѣчалъ въ селѣ съ ведерками
Молодицу черноокою.

„ — Здравствуй, милая, не знаешь-ли
Какъ далеко будетъ Чудово?
„ — Ты къ кому идешь служивенькій?
Я сама взята оттудова....

„ — А не вѣдаешь, здорова ли
Тамъ старуха Череванина?
„ — Померла, голубчикъ, осенью,
А все, слышь ты, пьянство Ванино.

„ И при жизни еще стараго
Все въ кабакъ несъ сынъ возлюбленный,
А по смерти фукнулъ на-вѣтеръ
Даже домикъ, только срубленный....

„Изъ избенки мать старуху вонъ
Выгналъ въ шею съ поруганіемъ,
Будь не къ ночи тѣмъ помянута,
Годъ кормилась подаяніемъ.

„Померла, того не вѣдаю, —
Не то съ горя, не то съ голоду;
Сынъ въ острогъ попалъ за шалости,
Проку не было въ немъ съ молоду“.

„Дай Богъ царство ей небесное!“
Прошпталъ я тутъ, нахмурившись,
Повернулся безъ сознанія,
И пошелъ назадъ понурившись....

Мимо церкви шель — за бѣдную,
Мать-горюшу безталанную,
Подаль нищему послѣднюю
Грошъ-копѣйку притоманную“ ...

5 Декабря 1864 г.

ВЪ КАЗАРМЪ.

„Громкій смѣхъ, живыя рѣчи
Незнакомы мнѣ давно,
Прелесть-очи, ножку, плечи
Вижу только чрезъ окно.

Въ четырехъ стѣнахъ, какъ узникъ,
Я сижу не радъ и дня,
Весь въ лохмотьяхъ бѣдный крочникъ
Веселѣй живетъ меня.

Хоть онъ бѣденъ, но на волѣ,
Самъ и малый, и большой,
И счастливъ свободной долей,
И не вникнетъ головой.

Бури жизни, вихри, грозы,
Выносить ему легко:
На свободѣ смѣхъ и слезы
Гонять горе далеко.

Скуки, грусти онъ не знаетъ,
Грусть ему не по плечу,
Гордо съ пѣсней день встрѣчаетъ,
А я — злюся и молчу.

Бѣдный можетъ быть богатымъ —
Былъ бы умный человѣкъ;
А что станется съ солдатомъ?
Чѣмъ-то кончу я свой вѣкъ?..“

19 Февраля 1863 г.

БОЛЬНОЙ.

Вот и солнце взошло, и весна на дворѣ,
Все живое постъ — улыбается,
Воздухъ свѣжій, душистый въ вечерней порѣ,
Чуть замѣтно течотъ, колыхается.

Все ласкаетъ, все цѣжить младая весна,
Всѣхъ улыбкой чаруетъ, желанная;
Одного лишь утѣшить не можетъ она —
И страдаетъ душа безталанная.

Въ лазаретѣ лежитъ старый, дряхлый солдатъ,
Дышетъ тяжело, хрипитъ — задыхается,
Жить не долго ему, доктора говорятъ,
А онъ дѣ дому все собирается.

Двадцать лѣтъ отслужилъ, и домой не ходилъ,
Все на службѣ тянулся да маялся,
Но вотъ слалъ онъ ружье и билетъ получилъ,
И со службой простился — раскданялся.

И въ родное село уже думой летѣль —
 Тамъ семья его ждетъ — дожидается,
 Да знать силъ не достало, старикъ заболѣль,
 Разнемогся совсѣмъ и валяется.

Быль господскимъ онъ прежде, дворецкимъ служилъ,
 Жутко было у барина смолоду,
 И въ солдаты, за твердость сестры угодилъ,
 Натерпѣвшися голоду — холоду.

„Ахъ, какъ, хочется, братъ, мнѣ домой побывать, —
 Вдругъ къ сосѣду старикъ обращается,
 И служителя просить себя приподнять,
 Самъ горючей слезой заливаётся: —

„Двадцать лѣтъ не бывалъ на своей сторонѣ,
 А тамъ все, говорятъ, измѣнилось,
 Нѣтъ неволи уже, нѣтъ побоевъ спинѣ —
 Диво дивное тамъ совершилося....

„Мать — старуха жива, — и на волѣ она!
 Право-слово, не видя не вѣрится....
 Чай вспоманеть меня вечеркомъ у окна,
 Какъ солдатикъ вдали запримѣтится.

„Братъ недавно писалъ: старшиной въ селѣ сталъ,
 Первымъ членомъ сидитъ онъ въ правленіи;
 Сына въ школу отвезъ и зятяка приискалъ —
 Дочку замужъ отдать въ помышленіи.

„Пишетъ — наше село хотъ горѣло два разъ,
Да все лучше вишь зѣново строится,
То-ли будетъ ещо, какъ народъ весь у насъ
Съ новой жизнью-то, съ вольной освоятся.

„Вотъ и хочется, братъ, мнѣ теперь посмотрѣть
На крестьянскую жизнь, на свободную,
Мать-старуху обнять и потомъ умереть,
Наглядѣвшись на вольную-волюшку.

„Да не скоро знать я полетуся домой —
Посмотрѣть на порядки-то новыя...“
И старикъ отвернулся, костлявой рукой,
Онъ закрылъ свои очи суровыя...

Воздухъ тепель, душистъ, зеленѣеть трава,
Тишь живая, такая раздольная, —
Но мнѣ слышатся все стариковы слова...
Все мерещится участь бездольная...

7 Мая 1863 г.

РАЗСКАЗЪ РЕКРУТА.

Горько плачетъ рекрутъ ночью,
Разливается рѣкой.

— „Что съ тобой? Иль нѣту моченьки?“
Дядька въ бокъ толкнулъ рукой.

— „Грустно, дядька, жалко Грунюшку...
Мы любились крѣпко съ ней.“

— „Ну, такъ чтожъ?.. другую любушку
Заведемъ мы познатнѣй.“

— „Нѣтъ ужъ, дядька, я то вѣдаю,
Не любить мнѣ, какъ любилъ!...
Слушай, такъ и быть повѣдаю,
Какъ я дѣвку загубилъ.“

„Нась семья была большущая:
Дѣдъ со внуками самъ — пять,
Да у внуковъ — пропасть сушца, —
По полдюжинѣ ребятъ.“

„Братья были все женатые,
Я одинъ лишь холостой, —
Люди чивые, богатые,
Старовѣрь былъ дѣдъ душой.

„А Груняша, дочка старосты,
Православная была;
Не хотѣлъ мой дѣдъ на старости,
Чтобъ она въ семью вошла.

„Сваталъ дѣвку онъ раскольницу,
„Своего соглася“ мнѣ,
А я плюнулъ — да на вольницу,
Ночь гулялъ на сторонѣ.

„Воротился — побранилися,
Не взлюбилъ меня мой дѣдъ,
За то съ Груней мы слюбилися,
И любилась много лѣтъ.

„Горе, радость, всяку всячину
Я привыкъ съ ней коротать...
Вдругъ прошолъ слухъ про солдатчину,
Я до дѣда — чтобъ нанять...

„Нѣтъ куда тебѣ тутъ дѣдушка,
А за нимъ и вся семья:
Деньги тратить!... у насъ дѣтушки,
Можно послѣ погляды...

„Вишь ты, что за разсужденіе,
Старшій братъ изъ лѣтъ ушоль,
Средній малъ и слабъ на зрѣніе,
Значить я бы и пошоль.

„Благо молодъ, вышель мѣрою
И здоровъ — болѣзни нѣтъ,
Молодецъ собой — подъ сѣрую,
Становись, хоть и не слѣдь...

„Этимъ вечеромъ на лѣсенкѣ,
Съ Груней долго я сидѣлъ;
И про горе въ грустной пѣсенкѣ
Разказалъ ей и пропѣлъ.

„Не былъ пьянъ я, но навеселѣ,
Плакалъ горько, какъ шальной,
Оба головы повѣсили
На грудь мы передъ бѣдой.

„Груня словно опѣмѣлая,
Съ часъ сидѣла на крыльцѣ,
Тяжко грудь вздымалась бѣлая,
Измѣнилася въ лицѣ.

„Но ни слова, ни слезиночки
Не дала она въ отвѣтъ...
— „Что ты, Груша ни кровиночки
На лицѣ, глядитко-сь, нѣтъ?

— „Ничего!“ Сама тихохонько
 Поднялася и пошла,
 И изъ горницы скорехонько
 Узелочекъ привесла.

— „На, Сережа... да скорѣича
 Уходи, желанный мой!“
 — „Что такое!“ — „Не теперича,
 Поглядишь, прійдешь домой.

„Деньги тутъ: наймешь охотника,
 Опосля заплатишь намъ...
 Я взяла ихъ изъ кіотника,
 Позабылъ ихъ батька тамъ.“

„Я гляжу мѣшокъ порядочный,
 А ужъ Груши слѣдъ простыль,
 Приподнялъ, тяжолъ достаточно, —
 Серебра онъ полонъ былъ.

„Находился я въ сомнѣніи —
 Брать, аль нѣтъ... а ночь, темно,
 Дай возьму, въ мѣшке спасеніе
 Отъ солдатчины одно.

„Коль судьба, такъ дѣлать нечего!...
 Взялъ пошолъ себѣ съ мѣшкомъ;
 Былъ въ харчевнѣ Ваньки Гречева
 И съ буфетчикомъ знакомъ.

„Славный малый! Всѣ торговые
 За совѣтомъ шли къ нему;
 Пребѣдовья, бѣдовья
 Непочемъ дѣла ему.

„Захожу—мое почтеніе!
 Принялъ онъ какъ другъ меня,
 Я ему на сохраненіе
 Положилъ мѣшокъ до дня.

„Говорю по утру дѣдушкѣ,—
 А онъ драться, я кричать...
 Понахлынули сосѣдушки
 Стали дѣло разбирать.

„Старовѣры деньги цопнули!“
 Подъ окномъ народъ реветъ,
 Погляжу,— глаза чтобъ лопнули—
 Груню староста ведетъ.

„Груня воевъ, дѣдъ съ допросами—
 Провалиться-бъ сквозь земли!—
 Становой пришлоъ, съ угрозами
 Насъ въ харчевню повели.

„Обращаюсь я къ буфетчику,
 А онъ, ворогъ, отперся:
 Что-де вѣрите извѣтчику—
 Звать-не-знаю, заклеялся!...

Судь да дѣло, насъ съ Груняшею
Засадилъ какъ воровъ,
И за очередь нашу
Сданъ въ солдаты я безъ словъ.

„И за дѣло! Неразумная
Голова моя была...
Жалко Груни! дѣвка умная —
А въ острогѣ померла...“

30 Мая 1864.

БОГАТЫРИ.

(Забытая легенда)

— Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
 Устроить мысль пришла боярамъ,
     Учебные полки;
 Изъ нихъ къ намъ, въ армію, солдаты
 Шли ундерами вѣдь, и хваты
 Теперь гляди — все кандидаты,
     Хотя и не стрѣлки. —
 „Да, были люди въ наше время,
 Не то что нынѣшнее племя,
     Богатыри-не вы!
 Терпѣли нужды — и молчали,
 А спишу — чѣмъ только не драли?..
 Да двадцать лѣтъ въ строю стучали,
     Не вѣшавъ головы.
 „Что ваше нынче просвѣщенье,
 Книжонки, грамотность, ученье,
     Что цѣльная стрѣльба?...
 Приемъ — разсыплете горохомъ,
 Въ строю стоите — грибъ подъ мохомъ,

И служба, молвить съ тяжкимъ вздохомъ,

Не служба, а гульба...

„Не тѣ, братъ, были мы солдаты,
Какъ на подборъ—все лѣсъ ребята,

Столбы фронтовики!..

Въ морозъ и вѣтеръ—безъ шинели,

Сухарь да кашу только ѣли,

Да веселѣе васъ смѣтрѣли

Во фронтѣ старики.

„Незанимались мы ремонтомъ,

Да ариѳметикой—лишь фронтомъ

Съ зори и до зори.

За то пройдемъ по эспланадѣ,

На караулъ возьмемъ въ парадѣ,

Иль встрѣчу гаркнемъ кавалькадѣ—

Какъ есть богатыри...

„Весь строй учебные держали..

Въ учебный полкъ вѣдь поступали,

Солдатскіе сынки,

Да малолѣтніе дворяне,

Евреи, горцы, мусульмане,

Съ Кавказа плѣнные султаны,

И шляхта и панки.

Ихъ тамъ учили непреклонно,

Разъ на всегда опредѣленно

Столбами быть дружинъ.

Могу сказать, вполне учили,

Ни лѣтъ, ни званья не щадили,

Таеъ что на службу выходили

Изъ двухъ и трехъ—одинъ...

„Я самъ въ учебномъ былъ воспитанъ,
 И по учебному испытанъ,

И вынесъ какъ нието.

Я изъ евреевъ—власть Господня,
 И помню словно какъ сегодня,
 Намъ привели въ полкъ двѣ три сотни,

А вышло съ чѣмъ-то сто.

„Въ полкахъ тогда жидовъ крестили,
 И намъ креститься предложили,

Не согласились мы.

Хоть были приняты все мѣры, —
 По убѣжденно изувѣры,
 Мы не мѣняли нашей вѣры,

Бояся вѣчной тьмы.

„Въ мозги себѣ забивши тугу,
 Что это просто только штука,

Не нужная царю,—

Хитрить мы начали лисою,
 Шли прямо каменной стѣною,
 И отвѣчали головою,

За вѣру за свою.

И былъ же годъ!... Борьба за вѣру,
 А тутъ Господь послалъ холеру,

Погибель злую намъ.

Валились люди, словно мухи,
 Солдаты, дѣти, молодухи,
 Да что, по правдѣ, безъ сивухи,

Большимъ бы быть бѣдамъ.

„Вамъ невидать такихъ болѣзней!...
 Мы проводили дни за пѣсней,

Когда языкъ нѣмѣлъ.
 Cholera всюду пропикала,
 Богатыхъ, бѣдныхъ похищала,
 И хоронить тѣла мѣшала, —
     Такъ много было тѣлъ.
 „И намъ досталось не мало,
 Болѣзнь евреевъ поражала,
     Почти что каждый день.
 И жертвы бѣдныя въ больницѣ,
 За пѣсней въ нашей злой темницѣ,
 И средь молитвъ въ святой божницѣ,
     Разилъ ея кистень.
 „И были къ смерти мы готовы...
 Да вдругъ приказъ прислали новый —
     Ждать царскаго смотра.
 И вотъ креститься мы рѣшились,
 Передъ смотромъ толпой крестились,
 Съ полкомъ учебнымъ распростились, —
     И вышли въ ундера..
 „Да, были люди въ наше время,
 Могучее, лихое племя,
     Богатыри — не вы!
 Терпѣли нужды — и молчали,
 А спину — чѣмъ только не драли?...
 Да двадцать лѣтъ въ строю стучали,
     Не вѣшавъ головы!...“

9 Декабря 1869 г.

СОЛДАТСКІЯ РАДОСТИ.

I.

Б А Н Я.

„Эй, вы! въ баню собирайтесь!

Вышло ротѣ приказаніе;

„Живо, живо, не копайтесь!“

Повторялось восклицаніе.

Всѣ и все засустилося,

И бѣлье и стирка черная

Вынимались, выносились,

Рота шла на мѣсто сборное.

Кто въ распашку — застегается

На всѣ пуговицы дорогою;

Кто въ послѣдній затыгнется

Передъ выходомъ махоркою.

Шапку тотъ тащитъ подъ мышкою,

Самъ деньгу считаетъ мѣдную;

Тотъ изъ кухни съ кочерыжкой,

Вышелъ съ рожей грязноблѣдною.

Тоть летить за мыломъ въ лавочку,
 Тотъ „по вѣникъ“ дядькѣ старому,
 А тотъ шуточку-булавочку
 Вправиль рекруту чубарому.

И идутъ всѣ въ баню съ радостью,
 То и дѣло слышны шуточки,
 На ряду съ веселой младостью
 Старики гнутъ прибауточки.

Вотъ и въ банѣ; раздѣваются,
 Тѣсновато—съ раздѣленіемъ,
 Не всѣ разомъ отправляются,
 Но идутъ по отдѣленіямъ.

Закурили фэйки, трубочки,
 Дымомъ душеньку потѣшили,
 И шивельки, полушубочки
 Жарить въ банѣ поразвѣсили.

Постирали и попариться
 Полежать въ духу „съ вольготюю,“
 Попотѣть и побояриться
 Лѣзутъ рекруты съ охотою.

На полкѣ народу множество:
 Не солдаты—бездомовники,
 Не одно лишь тамъ убожество,—
 Есть мѣщане и чиновники.

Баня общая народная
Для солдата удовольствие:
Рѣчь въ ней слышится свободная
И спитъ въ сердце безпокойствіе.

Кровь вольнѣй, живѣй вращается,
Нечувствительны страданія,
Грудь какъ будто расширяется,
И свободно такъ дыханіе.

Перепарившись солдатикки
И покончивши со стиркою,
Вонъ выходятъ бойко хватикки,
Шутятъ съ синею сибиркою.

Снова трубкой наслаждаются,
А тѣ съ личностью посадекою
Въ разговоры вдругъ пуцаются
И ведутъ рѣчь нанибратскую.

Честь и слава банѣ-матушкѣ
И любовь, и уваженіе!...
Въ ней и парятся солдаткушки,
И съ людьми идутъ въ общеніе...

II.

НА ПОХОДЪ.

Рота въ походѣ; деревню невзрачную
 На ночь пришлось занять;
 Лѣтнюю, свѣтлую, ночь прозрачную
 Можно хоть гдѣ переспать.

Люди устали, но спать не торопятся,
 Ходятъ туда и сюда;
 Ужинъ окончивши, кучками сходятся —
 Сами себѣ господа.

Пѣдвое, пѣтрое, „цѣлою лавою,“
 Больше при сборной избѣ,
 Тѣшатся рѣчью простой, не лукавою,
 Судятъ да рядятъ себѣ.

Вольно толкуютъ про разные разности,
 Каждый закинетъ словцо,
 Да и то, что не предано гласности,
 Все уже тутъ на лицо.

Тотъ изъ Варшавы, событія грустныя
 Видѣлъ на собственный глазъ;
 Эготъ вотъ слышалъ — и новости устныя
 Съ цѣлаго свѣта какъ разъ.

Толки, бесѣда — и все забывается:
 Время, усталость и сонъ,
 Взглянешь — ужь зорька съ зарей обнимается, —
 Ихъ разговоръ не рѣшонъ.

Пусть они тѣшатся: радость солдатская —
 Грустно о ней говорить —
 Трубка да рѣчи, да вѣсточка братская, —
 Нужно-ль за то ихъ бранить?

9 Января 1865 г.

III.

НА ПРОВОДАХЪ.

Захожу я къ гусарамъ — пирушку даютъ,
 Двери настежь, кутяты — забавляются,
 Бойко пляшутъ и пьютъ, въ бубны громкіе бьютъ,
 Пѣсни лихо поютъ — заливаются.

Сколько смѣху и шутокъ, веселыхъ рѣчей,
 Щоки рекрутъ румянцомъ зардѣлися,
 Полны радости очи сѣдыхъ усачей,
 Пыломъ юности вновь загорѣлися.

Пѣсни громче, живѣе — все русскій народъ,
 Кровь волнуеть родная „мятелица...“

Вотъ удалый плясунъ казачка такъ и рветъ,
И въ присядку валяетъ, и стелется.

— „Что за праздникъ — спросилъ я: — у васъ земляки,
Вы сегодня особенно веселы? —

„Отставные идутъ по домамъ старики,
Вонъ смотри, и котомки навѣсили.

„И за этимъ мы нынче, любя стариковъ,
Сочинили гулянку привольную, —
Пей и пой и пляши — не жалѣй сапоговъ,
Поздравляя ихъ волюшку-вольную.

„Вѣдь не всѣ мы изъ службы домой повернемъ,
Топись, начисто выйдемъ въ обратную;
Ну такъ ради счастливыхъ, что годъ задаемъ,
Мы пирושку и выпляску знатную...“

Рѣчь умолкла. „Ура!“ покатилося, гудеть,
Въ честь свободы солдатъ потѣшается,
Бойко пляшетъ и пьетъ, въ бубны громкіе бьетъ,
Пѣсни лихо поетъ — заливается.

Вотъ съ крикомъ: Ура!... стариковъ подняла
И качаетъ семья своевычная...
Я ушолъ, но во мнѣ много мыслей зажгла
Та картина вполнѣ — поэтичная...

7 Января 1864 г.

IV.

ВЪ ЦЕРКВИ.

„Вымели, выскребли, печки нажарили—
 Просто въ казармѣ гуляй...
 Къ поздней обѣднѣ въ соборѣ ударили,
 Я не одѣтъ еще, вай!

„Ужъ собираетъ фельдфебель желающихъ—
 Живо мундиръ на плеча!
 Чтобы на свѣчку за всѣхъ погибающихъ
 Взять, не забыть сгоряча...

„Боже! зовутъ ужъ, а тутъ съ рукавицами
 Горе—ни какъ не найду...
 Утромъ таскалъ еще свѣгъ въ нихъ кошицами...
 Нѣтъ вотъ—ну, какъ я пойду!

„Развѣ у дядьки взять...“ взялъ и пристроился
 Съ флангу стоитъ молодцомъ,
 Скоро съ порядками службы освоился
 Рекрутъ нашъ—кровь съ молокомъ...

Вотъ осмотрѣли всѣхъ, весело тронулась
 Въ церковь команда солдатъ,
 Лицъ выраженіе чѣмъ-то подернулось,
 Щоки какъ будто горять.

Праздникъ — извѣстное дѣло — всѣмъ радостно,
 Благовѣсть звучно гудить,
 Сердце такъ полно, и бьется такъ сладостно,
 Будто съ испугу дрожить.

Вотъ и домъ Божій... Со страхомъ и трепетомъ
 Входятъ солдаты во храмъ,
 Свѣчи съ поклономъ, съ молитвеннымъ лепетомъ,
 Ставятъ ко всѣмъ образамъ.

Звуки хвалебные, въ храмѣ гремѣвшіе,
 Души на небо влекутъ,
 Люди такъ много всего претерпѣвшіе,
 Въ землю поклоны владуть.

Пѣвческимъ, стройнымъ увлекшиися пѣніемъ,
 Богу и Господу силъ
 Рѣдкій—за жизнь и здоровье, съ смиреніемъ
 Въ сердцѣ слезы не пролилъ...

Кончилась служба, и вотъ возвращается
 Наша команда домой;
 Праздникъ во взорахъ у всѣхъ отражается,
 Радость—о Боже ты мой!

5 Января 1864 г.

НА РОДИНЬ.

Въ часъ печали, въ часъ несчастья,
Думой грустною объять,
Думой полной самовластья
И суроваго безстрастья,
Объ одномъ мечталъ солдатъ.

„Еще годъ — и срокъ настанетъ,
Выйду въ отпускъ я, домой...
Ахъ! когда годъ этотъ канетъ!...,
Ну, какъ онъ меня обманетъ...
Доживу-ли, Боже мой?...

Дома — жизнь, отецъ торгуетъ,
Внесъ повинности — купецъ...
И мечта ему рисуетъ
Деньги, волю, онъ тоскуетъ —
Далеко еще конецъ!...

Ждетъ и ждеть... Часы, минуты,
 Пробѣгають, минуль годъ —
 И на родину, согнутый,
 Чуть поправясь отъ скорбуга,
 По этапу онъ идетъ.

Въ сердцѣ тихо, въ сердцѣ сладость,
 Осѣняется крестомъ,
 На лицѣ сіяетъ радость
 Словно вдругъ вернулась младость:
 Онъ обнимется съ отцомъ.

И съ мечтою золотою,
 Нашъ солдатъ идти сибѣшить,
 И вотъ позднею порою,
 Онъ дрожащею рукою,
 Въ домъ родительскій стучитъ.

Сладокъ первый мигъ на волѣ,
 Робко онъ стучитъ въ кольцо,
 Сердце сжалося отъ боли... .
 Ну, стучи смѣлѣе, что-ли!
 Отопрутъ скорѣй крыльцо.

Отпирають... и вотъ что же,
 Узнаетъ служивый вдругъ?...
 Умеръ братъ, родитель тоже;
 А имѣннышко все — Боже! —
 Во владѣнны третьихъ рукъ.

И на небо вскинувъ очи,
Онъ стоитъ какъ пень... увь!
Съ мѣста сдвинуться нѣтъ мочи; —
Негдѣ бѣдному средь ночи
Преклонить теперь главы.

10 Марта 1865 г.

ПОЗДНО-НЕ-ПОЗДНО...

Вотъ въ угрюмой казармѣ полною порой,
Рота вся уже спитъ — потягается,
Только бравый капральный старикъ боевой,
За книжонкой корнить — убивается.

Отслужилъ, малограмотный унтеръ, года
Книгъ за службу не звалъ многолѣтнюю,
А пришла на экзамень идти череда,
Сталъ учиться въ минуту послѣднюю.

Выйти все собирался въ безсрочные онъ,
Да шеврона *) вотъ вдругъ захотѣлося,
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ мысли о томъ погружонъ, —
Ни пилося ему и ни ѣлося...

Принялся онъ за книги, всю ночь напролетъ,
Просидитъ надъ словами различными,

---

*) Золотой шевронъ — отличие кандидата.

Да вотъ горе-то въ чомъ: то падежь не пойметъ,
То не сладить ни какъ съ десятичными.

То забудеть на утро, что учить въ ночи,
И мѣшаетъ союзы съ предложениями,
Умноженіе частью считаетъ въ рѣчи.
Перемножить причастья съ залогоми...

И заплачетъ старикъ, и вспылитъ сгоряча,
Какъ не хватить порою терпѣнія,
И достанется тутъ всему дому съ плеча,
Что пустили на свѣтъ безъ ученія.

И припомнитъ онъ тутъ и клянетъ горячѣй,
Зря убитую молодость шумную,
И погибшую въ тинѣ нечистыхъ страстей,
Жизнь разгульную, праздно-безумную.

Иногда-жь утомленный полночнымъ трудомъ,
Безъисходною съ книгами битвою,
Упадетъ на колѣни предъ Божьимъ крестомъ,
Изольется горячей молитвою.

А позднѣе, помотришь, упрямый старикъ,
Вновь за книгой сидитъ-убивается,
Все чигаеть--долбитъ удалой фронтовикъ,
Сдать экзаменъ къ веснѣ похваляется.

19 Сентября 1863 г.

ДУМКА СОЛДАТСКАЯ.

Посвящается Н. А. Некрасову.

Праздникъ. Свободно; солдатъ наслаждается
Послѣобѣденнымъ сномъ,
Или на нарахъ лежить, затыгается
Жгучимъ тютюнъ-табакомъ.

Тихо въ казармѣ — ни рѣчи, ни пѣсенки,
Тѣмно — чуть брезжится свѣтъ,
Ни въ корридорахъ, ни въ сѣнцахъ, на лѣсенкѣ,
Говора шумнаго нѣтъ.

Только приборы чиня фехтовальные,
Стукнетъ сапожникъ, порой,
Да перекинутся словомъ дневальные,
Въ смѣну идя чередой.

Скука, тоска, и тоска безпредметная,
Чтобы мнѣ дѣлать начать?...
„Чтенья солдатскаго“ книжка завѣтная,
Развѣ тебя почитать?...

Спать — уже выснался, книжечка — старая,
 Сотый разъ въ руки беру;
 Жаль, что ни гдѣ не найду самовара я, —
 Сдѣлалъ бы чай ввечеру...

Выйти — куда же?... Знакомства хорошаго
 Днемъ съ фонаремъ не найдешь...
 Дружба съ кухаркою стоитъ не дешево,
 Съ гривною къ ней не пойдешь...

А ужъ съ сосѣдкой, съ прекрасной дѣвицею,
 Слово промолвить нельзя:
 Фыркнетъ, да въ сторону вольною птицею
 Бросится — вспыхнувши вся...

Съ дѣломъ къ купчинѣ зайдешь — озирается,
 Что ты? распросить — и вонъ.
 Родственникъ даже солдатомъ чуждается,
 Сводитъ родство на поклонъ...

Всюду, подумаешь, люди свободные
 Ходятъ спустя рукава,
 Всюду имѣють входъ массы народныя,
 Дали народу права.

Выставки, лекціи, чтенья публичныя
 Нынѣ открыты для всѣхъ;
 Въ клубы, въ театры, въ музеи различныя
 Всякій идетъ безъ помѣхъ.

Только солдатъ нигуда не впускается
Будь онъ уменъ и развитъ;
Онъ человѣкомъ у насъ не считается,
Брошенъ людьми и забытъ...

Вся его внѣшняя жизнь, не служебная --
Пѣсня, да сказка, кабакъ;
Прочее все ему — сфера враждебная,
Вѣчно-таинственный мракъ!.

Какъ же тутъ можетъ развиваться сознание
Нравственной доблести въ немъ,
Жажда священная чести и знанія? —
Онъ вѣдь ни съ чѣмъ незнакомъ...

Вотъ оно горе, и горе реальное,
Черное горе — какъ ночь!...
Ваше, апостолы, дѣло всехвальное —
Этому горю помочь...

3 Юля 1863 г.

ПОКИНУТАЯ.

„Чѣмъ и какъ теперь горю помочь —
Въ умъ никакъ не возьму, не смѣкаю!
Не могу я себя превозмочь,
Горько плачу, шальная, всю ночь,
Какъ рѣка разливаюсь, рыдаю.

Разлюбилъ меня мой золотой,
Вырвалъ сердце изъ груди и кинулъ,
Знать другую завелъ, что со мной
Только рѣчи ведетъ, какъ чужой,
Рѣдко видится, гдѣ-то онъ сгинулъ!...

Не забыть — первый разъ у воротъ,
Чуть дыша, я его поджидала:
Скоро-ль, скоро-ль мой милый придетъ...
А на утро онъ вышелъ въ походъ, —
И я съ мѣсяцъ больна пролежала.

Стосковалась я, бросила домъ,
Гдѣ жила и гдѣ счастье узнала,
И за милымъ въ догонку пѣшкомъ,
Съ гривной денегъ, съ однимъ узелкомъ,
Я пошла.... и не шла я—бѣжала....

Милый встрѣтилъ побранкой меня,
А я въ ноги ему: „хоть убей—
Не пойду, говорю, отъ тебя,
Я пришла на побои любя:
Хочешь—бей, а не то пожалѣй!....

Онъ тутъ поднялъ меня, я привстала,
Въ очи, въ руки его и въ уста
При народѣ при всемъ цаловала;
Два годочка жила, пиновала,
Ни о чомъ не заботясь спроста.

Отдала ему жизнь и красу;
Онъ въ походъ, и я съ нимъ пога въ-ногу,
Коль устанетъ—ружье понесу,
Пить захочетъ—воды принесу,
Или водки полкрышки.... ей Богу!

А деньжонки водились—стирала
На квартирахъ, и все на господъ;
А какъ лагерь—пекла, торговала,
По грошамъ для него собирала,
Берегла про нужду на походъ.

Зашумитъ-ли когда, иль побѣтъ,
Поколотитъ подь пьяную руку —
Я смолчу; а какъ сердце пройдетъ —
Забѣгу, приласкаюсь впередъ
И забуду побой и муку.

Да и онъ-то былъ добръ и хорошъ,
Звалъ меня онъ: „моя удалая“,
Отъ другихъ боронилъ — хоть на ножъ,
Да вотъ вдругъ не взлюбилъ.... и за чтожь?....
А все злоба, да злыдня людская!...

Чѣмъ и какъ теперь горю помочь —
Въ умъ никакъ не возьму, не смѣкаю....
Заболѣла; больна моя дочь,
Денегъ нѣту, я плачу всю ночь,
Обливаюсь слезами — рыдаю.“

17 Июли 1863 г.

ДВѢ ЖИЗНИ.

Мы шли въ походъ чрезъ городъ П.,
Квартироваль тамъ ...евскій полкъ,
„Зайти, подумаль, на часокъ —
Въ полку знакомыхъ много мнѣ.“

Иду въ казарму къ писарямъ,
И головою вдругъ поникъ, —
Чужіе все по сторонамъ,
Знакомый лишь одинъ старикъ.

— „А! старина.., здорово, братъ,
Я обращаюсь къ старику —
Ну какъ живешь?“ — „Кой-какъ могу,
Живу на свѣтѣ радъ не радъ...“

— „А какъ дѣла?“ — „Все гну хребетъ, —
Въ отвѣтъ мнѣ не-хотя старикъ —
Да толку нѣтъ, народъ не тотъ...“
И прикусилъ опять языкъ.

Въ полку онъ старшій писарь былъ,
 Дѣльцомъ и умницею слылъ,
 И говорить съ людьми умѣлъ,
 Когда былъ въ духѣ или хотѣлъ.

Я такъ и эдакъ въ разговоръ,
 Но старый мало говорить:
 Вина бутылка — не раззоръ,
 Послалъ принести, онъ все молчить.

Но вотъ вино живой струей
 Согрѣло кровь у старика,
 И чокнувъ свой стаканъ со мной,
 Онъ рѣчь повелъ издалека.

„Ты извини, что не послалъ
 Я самъ за водкой: обѣднялъ...
 Плохое время стало, братъ,
 Не то, что десять лѣтъ назадъ.

„Хоть было строго прежде; насъ
 Въ день распевали по сту разъ,
 Да и того.., но былъ, братъ, толкъ,
 Работалъ я за цѣлый полкъ.

„Что ни возьми — все я писалъ,
 Лопатой деньги загребалъ;
 Самъ помнишь, жилъ ни какъ-нибудь —
 Есть чѣмъ подъ старость вспомянуть.

„Друзей, дѣвчонокъ подъ шумокъ
 Сберешь на братскій вечерокъ

Вино, гитара, дымъ столбомъ,
Лишь знай валяй по всѣмъ, по тремъ...

„А нынѣ что? Мы — безъ головъ!
Мальчишки учатъ стариковъ!
Что нынче писарь? Ничего!
Все сами пишутъ безъ него...

„А если сдѣлалъ что-нибудь,
Таеъ наровятъ тебя надуть;
На чай не дать, къ себѣ позвать,
И ужъ не „ты“, а — „вы“ назвать.

„Да что намъ толку въ этомъ „вы“,
Намъ денегъ вужно, не любви...“
И дичь понесъ мой старый другъ,
Да перебилъ его я вдругъ.

— „А какъ товарищи живутъ?
Тебя балуютъ, берегутъ?“
— „Всѣ извелись, давно ихъ нѣтъ,
Старикъ мнѣ съ горемъ въ отвѣтъ.

„Кто — въ инвалидѣ, кто — въ чинахъ,
Кто — въ чистой ужъ, а кто — въ бѣгахъ;
Кто — на погостѣ подъ крестомъ,
А кто — не дружить съ бѣднякомъ.

„Одинъ остался! Про кутежъ
И вспомнить не съ кѣмъ старику...“

— „Какъ такъ одинъ, а молодежь,
Я поперечилъ чудаку.

„Вонъ посмотри на молодыхъ!
Старикъ вивнулъ мнѣ головой;
„Сидятъ вонъ трое—чортъ ли въ нихъ!
Повыместъ нужно всёхъ метлой.

„Изъ школы всё, ну и не пьютъ,
Картишекъ въ руки не берутъ,
И не дружатся здѣсь ни съ кѣмъ —
Все старь, дескать, ну такъ зачѣмъ?

„Извольте видѣть, свой кружокъ!
На танцы ходятъ, пьютъ чаекъ,
Газеты, книги — разный хламъ
Читаютъ все по вечерамъ.

„И тоже любятъ разсуждать:
Что тамъ, и какъ Наполеонъ,
Да, этотъ какъ бишь... Пальмерстонъ, —
Похоже-ль это все на стать!

„А тотъ вонъ, крайній, посмотри,
Писатель тоже!... до зари
Все пишетъ что-то... изъ рукъ вонъ —
Что за народецъ-пустозвонъ!...“

Тутъ я оставилъ старика
И ерѣзко обнялъ молодыхъ,
Въ нихъ я солдатскаго кружка
Нашелъ людей передовыхъ.

И можетъ много есть такихъ
Въ средѣ народа и солдатъ;
Но къ сожалѣнью давить ихъ
Суровый дѣдовскій развратъ.

23 Декабря, 1863 г.

РОТНАЯ ШКОЛА.

Ротная школа, солдатики учатся
Книжки читать по складамъ,
Пишутъ — усердствуютъ, съ цифрами мучатся
Въ потѣ лица по утрамъ.

Съ солнышкомъ встали, и все отдѣленіе
Въ школѣ въ положенный часъ,
Люди съ напивками сѣли за чтеніе,
Бывшіе въ битвахъ не разъ.

Сѣли служивые, словно приказные,
Чинно за длиннымъ столомъ,
Вынули азбуки, книжечки разныя,
Грифель и доски съ мѣлкомъ.

Въ голосъ и звучно читаютъ солдатики
Старый букварь иль псаломъ,
Сказку о рыбкѣ — ефрейторы хватили,
Рекрутъ — про городъ Содомъ.

Чтеніе начальное, чтеніе шумное,
 Чтò твоя тамъ молотба;
 Унтеръ съ медалью, головушка умная,
 Учится буки-азъ-ба.

Съ просѣдью въ бакахъ, служивый — ни волоса
 Нѣту на черепѣ — тожъ
 Рваную книжку читаетъ въ полголоса...
 Хочетъ догнать молодежь.

Пишетъ артельщикъ кружочки, да палочки,
 Цифры мѣлкомъ на доскѣ,
 Конюхъ старается буковки-галочки
 Пальцемъ чертитъ на пескѣ.

Юнкеръ — учитель съ людьми занимается,
 Съ каждымъ проходитъ урокъ;
 Самъ капитанъ наконецъ появляется:
 — „Здравствуйте, на помощь Богъ!“

„Здравья желаемъ!“ — „Ну что какъ занятія?..“
 — „Учимся, юнкеръ въ отвѣтъ:
 Люди все старые — туны понятія...
 Каждый къ ученію нѣтъ.“

— „Дѣти, учитесь! учитесь со рвеніемъ
 Грамотнымъ всюду почетъ.
 Дома встрѣчаютъ ихъ всѣ съ уваженіемъ,
 Къ мѣсту ихъ каждый беретъ...“

Грамотный въ службѣ за трудъ награждается,
 Хоть-бы вотъ я, капитанъ,
 На-те, смотрите, — во всѣмъ обращается —
 Вышелъ изъ барскихъ крестьянъ...

Въ бѣдной деревнѣ рожденъ побирухою,
 Выросъ сироткой въ нуждѣ,
 Господу слава, коль хлѣба краюхою
 Могъ пообѣдать въ бѣдѣ.

Помню — каеъ мать я, слѣпую, болящую,
 Въ дѣтствѣ по сѣламъ водилъ,
 Какъ протягалъ я ручонку дрожащую,
 Хлѣба для бѣдной просилъ.

Сжалясь, проѣзжій мальчишку въ ученіе
 Въ Питеръ, къ портному отвезъ,
 Сколько тамъ — Боже! — я вынесъ мученія,
 Сколько побоевъ понесъ...

Долго ученіе мнѣ не давалось,
 Какъ ни старался понять,
 Сразу обнять голова затруднялася, —
 Нужно-бы ей втолковать.

Нѣтъ вишь познанья вбить легче побоями, —
 Драли что день на-поваль,
 Спать не давали, кормили помоями,
 Силъ не хватило — бѣжалъ.

Снова въ деревнѣ я бьюся и маюся,
 Снова живу голякомъ,
 Лѣтомъ скотину пасти нанимаюся,
 Зимѣ служу батракомъ.

Выросъ съ годами я—барскою справою
 Взяли женили меня,
 Дѣвку изъ горничныхъ, статную, бравую,
 Дали мнѣ—просто возня!..

Плачеть—и только, ни дня нѣтъ, ни поченьки,
 Ревмя-реветь безъ стыда,
 Бѣдность да барщина—нѣтъ у ней моченьки,
 Горе!.. а все господа...

Звать согрубила имъ, или провинилася—
 Отдали мнѣ пастуху;
 Думалъ: привыкнетъ, анъ нѣтъ—утопилася,
 Нужно-жъ случиться грѣху...

Началъ я пьянствовать съ этого времени,
 Горькую чашу сталъ пить;
 Странно, какъ нищій безъ роду и племени
 Бабу могъ такъ полюбить...

Спавшись, ходилъ я съ бродягами разными,
 Дому не видѣлъ я съ годъ,—
 Взяли въ солдаты съ людьми безобразными
 Сдали меня не взачотъ.

Жутко сначала мнѣ въ службѣ казалось,
Ну хоть бѣги— и конецъ...
Время, однакожъ, то быстро промчалось,—
Дядьба попалъ молодецъ.

Шуткой сперва заохотилъ до чтенія,
Ласково все объяснялъ,
Выучилъ, вытрезвилъ,— и попеченія
Всѣ обо мнѣ прилагалъ.

Понялъ я пользу ученья, пристрастіе
Къ дѣлу явилось вдругъ;
Ночи работалъ— и выпало счастье—
Сталъ капитаномъ пастухъ....

Дѣти, учитесь! любите занятія!
Въ знаньяхъ лишь счастья залогъ....
Богъ ниспешлетъ, разовьются понятія—
Дѣти, къ намъ милостивъ Богъ!

10 Ноября 1865 г.

ЖИЗНЬ СОЛДАТСКАЯ.

Плацъ-парады, да ученья,
Служба, карауль,
Маршировка, захожденья,
Строгий артивуль,
Каша, пластырь, перевязка,
Вытяжка да фронтъ,
Чтенье азбукъ, пѣсни, пляска,
Обуви ремонтъ,
Отъ носка и до походки—
Выправка съ утра;
Сухари, да чарка водки—
И ура, ура!...

22 Марта 1865 г.

ВЕЧЕРНЯЯ БЕСѢДА.

— „Такъ то, рекрутъ, тебѣ мѣшанинъ
Видно очень не бойкой попался!..
Не пошелъ вишь ты ночью одинъ!..
Ахъ, проказникъ, родительскій сынъ...
Эку штуку вѣдь брякнулъ— боялся!..“

— „Да что тутъ толковать о людяхъ,
Подивись-ко что было со мною...
Я ребенкомъ слыхалъ о чертяхъ,
На картинкахъ ихъ видѣлъ въ домахъ,
Черныхъ, страшныхъ такихъ, съ бородою.

Слышалъ сказку о бабѣ ягѣ,
О злой вѣдьмѣ колдунѣ проелятой,
Что летаетъ въ ночи на клюкѣ,
И о лѣшемъ сѣдомъ старикѣ,
О русалкѣ, какъ лисъ вороватой.

Мать твердила: встають изъ могилъ,
 Въ часъ полночный—проклятыя души,
 Бродять, пляшутъ—отець говорилъ—
 Души въ сонмищѣ дьявольскихъ силъ
 Таеъ, что вянуть крещеныя уши.

Разумѣется, вѣрилъ тогда
 Сглуна этой я всей чертовщинѣ,
 Не ходилъ по ночамъ нивкуда,
 Хоть какая была бы нужда,
 Даже въ гости къ пригожей дѣвчинѣ.

„Каждый вечеръ былъ дома, и спать—
 Безъ людей я не могъ хоть-бы гдѣ.
 Разъ рѣшился одинъ ночевать.
 Да пришлось къ сосѣду бѣжать
 Въ сильный дождь босикомъ, по водѣ.

„Что мнѣ дѣлать! со всѣмъ истомился,
 Срамъ и совѣстно людямъ сказать,
 Я и къ фельдшеру, я и молился,
 И къ колдунѣ ходилъ—ворожился,
 Да ничто не могло помогать.

„Вижу—дурно! въ солдаты рѣшилъ!
 И пошоль-то своею охотой,
 Да, братъ, плохо сначала служилъ,—
 А чего я съ собой не творилъ,
 Чтобъ покопчить съ незванной заботой...

Если поздно поплотъ — признаюся —
 Я, бывало, бѣгу безъ ума,
 И назадъ оглянуться боюся,
 И молитву читаю, крещуся,
 Самъ смотрю не стоитъ ли корчма.

Началъ пить я, не то, чтобъ съ охоты —
 Мнѣ хотѣлося быть посмѣлѣй,
 Выпью, братецъ, и больше вольготы,
 И бѣгу я живѣе до роты,
 Да и на сердцѣ легче... ей, ей!

А вернуся — скорѣе въ постель,
 Чтобы люди не знали причины,
 Завернусь съ головою въ шипель,
 И дрожу, и горю, пока хмѣль
 Не осилитъ совсѣмъ чертовщины.

И терпѣль-же отъ ней я межъ тѣмъ,
 Сильно въ службѣ она мнѣ солила,
 Подъ арестомъ сидѣль я разъ семь,
 Да ужъ къ слову — однажды совсѣмъ
 Такъ вотъ чуточку, чуть не сгубила.

Разъ утопленникъ выплылъ у насъ,
 И къ нему, пока судъ паряжался,
 Нуженъ былъ караулъ — и какъ разъ.
 Мнѣ пришлось на полуночный часъ...
 Вышелъ — нечего дѣлать, остался.

Вижу мертвый и синий, и страшный,
 Ноги голыя врылись въ песокъ,
 Мѣсяць хмурится изжелта-красный;
 Въ полѣ вѣтеръ бушуетъ ужасный
 И шумить побурѣвшій лѣсокъ.

„Рѣчка злится, далеко волну
 Выгоняетъ на берегъ отлогій,
 Я на волны смотрю не смигну —
 Скоро-ль выплеснутъ мнѣ сатану,
 Скоро-ль вынырнетъ бѣсъ козлоногій....

„Нѣтъ, не видно! Назадъ оглянулся,
 Вижу — муха ко мнѣ за рукавъ,
 Я трехнулъ рукавомъ, принагнулся,
 А тутъ мертвый ежикъ шевельнулся, —
 И и сѣлъ было, весь задрожавъ.

„Быль со мной полущтофчикъ хмѣльнаго —
 Приложился, взглянулъ веселѣй..
 Никого-то вблизи нѣтъ живаго,
 Только съ неба глядитъ голубаго
 Мѣсяць жолтый — чуднѣй и чуднѣй...

Сталь ходить я большими шагами,
 Вѣтеръ будто сильнѣй загудѣлъ,
 Осмотрѣлся я — бѣсъ за кустами,
 Словно столбикъ стоитъ съ волосами,
 И вотъ слышу какъ будто зашѣлъ....

Выпилъ, видно, вина я, не въ мѣру,
 Бѣсь какъ будто предъ мной молодцомъ,
 То залезеть какъ будто въ пещеру,
 То на русскую нашу манеру
 Пляшетъ, ходитъ вокругъ колесомъ.

Я вглядѣлся— онъ манитъ меня,
 И грозитъ мнѣ и дѣлаетъ ручкой,
 Да что я-то ему за родня,
 Отмахнулъ головой—хохотня,
 И предстали провлятые вучкой.

Я— бѣжать, а за мной— по пятамъ
 Попеслася нечистая сила,
 И, грозя разорвать по частямъ,
 И куски разметать по полямъ—
 Мнѣ казалось— схватить наровила.

Какъ ужъ я въ караулъ прибѣжалъ,
 И тамъ грохнулся на-земь— не помню,
 Только мѣсяца три я въ отвалъ
 Въ лазаретѣ горячкой лежалъ,
 И едва не снесли, братъ, въ часовню.

Старшій докторъ, спасибо, помогъ,
 Объяснилъ и болѣзни причину—
 Вишь за чорта я принялъ пенекъ,
 А тутъ дума еще подъ хмѣлекъ—
 Ну, и видѣлъ во всемъ чертовщину...

Съ этихъ поръ я не вѣрю въ чертей,
По ночамъ мертвецовъ не боюся,
И рекрутика сдѣлать смѣлѣй
Я надѣюся въ нѣсколько дней,
А не вѣришь — ну такъ побожуся!“

19 Сентября 1863 г.

СОЛДАТКА.

Слезы неложныя, слезы горючія,
 Слезы кровавыя, їдкія, жгучія,
 Лыются предъ образомъ Божиимъ потоками,
 Съ горькимъ жизни и небу упреками,
 Лыются за пѣснею грустно — томительной
 Лыются за ласкою пѣжно-живительной,
 Лыются за тяжелой работой, кандальною,
 Лыются за пляской безумно — скандальною,
 Лыются при людяхъ и лыются украдкою —
 Нашей походной армейской солдаткою....

Баба бездольная! Нѣтъ у ней радости
 Мается, мычется по свѣту съ младости,
 Съ мужемъ полжизни исходить походами;
 Грязь, непогода — пѣшкомъ за подводами;
 Тонаеть — шлепаеть, къ горю привычная,
 Съ крошками дѣтками мать горемычная.
 Вѣдность... пѣтъ силъ завестись лошаденкою;
 Мальчишь, да дѣвочка рядомъ съ бабенкою

Ташутся, плачутъ, ревуть отъ усталости—
 Вчужь сердечушко рвется отъ жалости!..
 Добрый солдатикъ съ улыбкой холодною
 Взялъ къ себѣ дѣвочку на лошадь рогатую,
 Дѣвочка ластится, мать улыбается,
 Мальчику хлѣба ломоть вынимается,—
 Ну и замолкли все, матери весело...
 Дальше вереть пять и вновь голову свѣсила—
 Горе съ дѣтьми ей, сынишко чуть тянется—
 Ближе-ль ночлеги-то? въ дорогѣ растянется...
 Вотъ дотащились—деревня не малая
 Идетъ квартиргера бабенка усталая—
 Скоро-ль окончить онъ дѣло съ квартирами,
 Роту разставить съ ея командирами,
 Но наконецъ-то и женщина бѣдная
 Въ хатѣ, на печкѣ, усталая, блѣдная,
 Спитъ безиробудно—то все ея радости,
 Что суждены ей отъ ранней младости...
 Горе другое на утро дорогою
 Роту поставятъ въ корчму одинокую,
 Тутъ ужъ одна всеѣмъ квартира совѣстная,
 Тѣсно солдатикамъ—дѣло извѣстное,
 Каждый себѣ лишь о мѣстѣ старается—
 У двери, женщина, смотришь, валяется...

Платьишко рваное—латка надъ латкою,
 Носится за-все и въ праздникъ солдаткою,
 Заячья шубка на ней полинялая,
 Красная юбка—до тла изветшала,

Руки съ мозолями, ноженьки голыя,—
Участь ея знать такая тяжелая....

Отдыху—нѣтъ ей—весь день за работою,
Если не съ мужемъ въ походѣ—за ротою:
Полетъ, да косить, да жать занимается,
Стиркою всю зиму бѣлья занимается...
Утромъ проснется чуть брезжить, раяхонько,
Завтракъ для мужа схлопочеть скорехонько:
Хлѣба достанетъ, кваску, полсеledочгч,
Если морозъ—то и рюмочку водочки,
Грошъ на табакъ ему сунеть... а дѣточки?
Спать еще... „спите! проснетесь—вѣточки,
Камешки, стеклышки есть, забавляйтеся,
Вы еще глушы! скорѣй операйтеся,
Будете матеѣ подъ старость опорю...“
И покрестивци ихъ, изъ дому скорою,
Твердой походкой уходить до кумушки:
„Взглянь-ко, Авдотьюшка, дѣтокъ—миѣ думушки
Будетъ поменѣе, меньше сумленія,
Мой-то на службу ушоль въ укрѣпленіе,
Взглянь-ко, родная!...“ Сама отправляется
Съ утра до вечера въ полѣ копається,
Иль за корытомъ, за грузной корчагою
Гнется безъ устали съ дикой отвагою.

Вечеромъ поздно съ горящей лучинкою
Въ курной избенкѣ, сидитъ за починою,
Чинить шубенку десятою латкою,
Синюю шубку—цвѣтною заплаткою.

Осепь ненастная, вѣтеръ пронзительный,
 Воздухъ въ хатенкѣ гнилой, заразительный,
 Холодно, сыро, и въ хатѣ животныя:
 Свиньи, телята — житье безъисходное...
 Кашель сухой и прерывистый слышится —
 Тяжко живется ей, тяжко и дышится...

Праздникъ. Сидитъ она — думушки черныя
 Въ голову лѣзутъ безъ спроса, упрорныя,
 Прѣжняя бѣдность, жилище убогое,
 Въ будущемъ бѣдность и дѣти, и многое
 Сразу припомнилось, въ памяти вспыхнуло,
 Въ сердцѣ столпилось, въ голову хлынуло,
 Стало ей грустно вдругъ... „Жизнь безотрадная,
 Вся то была ты такая неладная! —

Думаетъ баба: — малюткой нуждалася,
 Въ дѣвкахъ съ грѣхомъ кое-какъ пробивалася,
 Барамъ служила, была и на фабрикѣ,
 Только и знала бирюльки, да шарики,
 Дѣвичья жизнь прокатилася нѣ мило.
 Да и въ замужествѣ радости нѣ было...“

И, удрученная болью тѣлесною,
 Скорбью, нуждой, предъ царицей небесною —
 Ницъ распростерлась, рассыпались косыньки,
 И, безустанныя, ринулись слезыньки...

Дѣти прозябли, легли, — не согрѣются,
 Разныя лохмы надъ ними пестрѣются,
 Мать суетится, прикрыва ихъ шубкою,
 Мало — одѣла послѣднею юбкою...

Жалобы стихли, въ избушѣ молчаніе,
 Баба при дѣтяхъ стоитъ безъ сознанія,
 Руки у сердца, лицо содрогается,
 На грудь головушка вдругъ опускается,
 Губы недвижны, дыханье неровное,
 Слезы изсохли,—страданье безмолвное...

Мужъ ея поздно домой возвращается,
 — „Дай-ко поѣсть мнѣ“, къ женѣ обращается.
 — „Я не ходила сегодня за кашею,
 Хлѣбушка можетъ поѣшь съ простоквашею?...“
 — „Нѣтъ ли хоть водки?“ — „Да нѣту... хворалося
 День мнѣ деньской весь, я дома осталася...“
 — „Ахъ, дармеѣдка... лѣнтыйка...“ и грозная
 Ругань посыпалась къ ней всевозможная.
 Баба ни слова, съ душою разбитою,
 Въ уголь уходить, не быть чтобы битою...
 Къ ночи все стихло и только порывистый
 Слышенъ вой вѣтра, да тихій прерывистый
 Башель чахоточный, съ кроткою жалобой:
 „Хоть умереть-бы, страдать перестала-бы...“

Плачетъ всю поченьку жевщина бѣдная,
 Жизнью—вампиромъ испитая, блѣдная,
 Льетъ она слезы ручьями, потоками,
 Съ горькими жизни и небу упреками.

7 Октября 1864 г.

ПОСЫЛЬНЫЙ.

Дождикъ съ вѣтромъ лицо и кропитъ, и свѣжить,
 Пылью мелкой дробясь, разлетается,
 Вотъ сильнѣе пошоль, мочить, крутить, скользитъ,
 Вотъ ужъ плещеть, ручьемъ разливается.

Шинеленка худал, насквозь промочилъ
 Ливень взявши солдата дорогою,
 Дѣться нѣкуда—поле, что только есть силъ
 Вдаль онъ ланью бѣжить быстроногою.

Недалеко строенье, скорѣй до него
 Добѣжать-бы, укрыться подъ крышкою,—
 То съ конвертомъ посыльный, онъ прячетъ его
 За рубаху—все смокло—подъ мышкою.

Добѣгаетъ, а дождь такъ и хлещетъ ведромъ,
 Стала твердь ниспровернутой чашею,
 Растегнулся—и чтожь?... подъ промокшимъ плащомъ
 Нѣтъ конверта—онъ сдѣлался кашею...

Растрелялся солдатъ, поблѣднѣлъ словно смерть,
Плохо дѣло, бѣда приключилась!...
Строго спросить съ него... „весьма нужный“ конвертъ...
Что отвѣтить, какъ это случилось...

31 Мая 1865 г.

ПРИКАЗАЛЪ НАМЪ ДОЛГО ЖИТЬ.

У заставы близъ воксала,
И просторна, и тепла,
Будка пестрая стояла
И шлагбаумъ охраняла
Отъ напасти и отъ зла.

Въ ней старикъ, солдатъ безсрочный,
Лѣтъ пятнадцать отслужа
Въ гренадерахъ безпорочно,
Терминъ жизненный урочный
Доживалъ свой не тужа.

Съ утра до ночи въ корчагѣ
Теръ табакъ, да приправлялъ,
Люду бѣдному въ сермягѣ,

Да приказному сутягѣ
По грошамъ распродалъ.

Говорять, табакъ былъ славный,
Крѣпкій—сразу ошибалъ,
И народъ нашъ православный,
Въ дѣлѣ ввуса самонравный,
Его много потреблялъ.

И водилися деньжонки,
Говорять, у старика,
Много—вдовъ онъ—послѣ жонки
Сберегалось одежонки
И для дочки и сына.

И доволенъ былъ судьбою
Старикашка; въ скюртугѣ
Въ новомъ, въ праздникѣ, онъ, порою,
Выходилъ гулять съ семьею,
Съ табакеркою въ рукѣ.

Встрѣтить друга и понюшеу
Раздѣлить съ нимъ табаку,
Для дѣтей кунить игрушеу
Или дать имъ сбитню кружеу—
Такъ пріятно старику.

Ждалъ онъ только лишь отставки,
Чтобъ зажить своимъ домкомъ,
И все думалъ о прилавкѣ,

О своей мечталъ онъ лавкѣ,
О торговлѣ табакомъ.

Годъ проходить. Словно тѣсто,
Не по днямъ, а по часамъ,
Дочь растетъ, уже невѣста,
Приискать ей надо мѣсто,
Женишка найти—и въ храмъ.

И старикъ мечталъ о зятѣ,
О приказномъ изъ суда,
Даже больше—о дитяти...
И смѣкалъ ужъ о тратѣ—
Сколько нужно и куда.

Вдругъ—призывъ, солдатъ безрочныхъ
Всѣхъ приказано собрать,
И старикъ, по смыслу точныхъ
Повелѣній полномочныхъ,
Черезъ день отправленъ въ рать.

Сынъ былъ въ школѣ, дочь осталась
Подъ опекой у дьячка,—
И вотъ что же оказалось?...
Дочь съ дьячкомъ его спозналась,
И кутить исподтишка.

Сынъ, задумавъ быть монахомъ,
Бросилъ школу, началъ пить,

Все пошло имѣнье прахомъ,
И старикъ—сраженный страхомъ,
„Приказалъ намъ долго жить...“

21 Мая 1865 г.

РЕГИСТРАТОРЪ.

Послуживши отчизнѣ, въ отставку
Регистраторомъ вышелъ капраль,
Сдѣлалъ должную въ формѣ поправку
И кокарду къ фуражкѣ пригналъ.
Показался на рынокѣ — торговецъ
Зубоскалить, острить на весь рядъ:
„Тише, братцы, идетъ полководецъ,
Не простой — изъ учоныхъ солдатъ“...

Къ имяниннику дядѣ родному,
Фабриканту, зашолъ посидѣть,
Былъ представленъ тузу отставному,
Тотъ и окомъ не хочетъ воззрѣть.
— „Сынъ сестры моей, шамкаетъ дядя,
Ваше-ство, удостойте...“ — „Я радъ,
Отзывается, въ сторону глядя,
Звѣздоносецъ, да онъ изъ солдатъ“...

По дѣламъ собирался въ столицу,
Есть у всякаго нынче дѣла,

Прибѣгаетъ пріятель, вещицу
 Просить кстати купить для стола.
 — „Да въ умѣ-ли ты? франтикъ вмѣшался:—
 Ты козлу поручаешь салатъ“...
 — „Что такое? пріятель смѣшался.
 — „Что! Не знаешь? вѣдь онъ изъ солдатъ“...

Жилъ съ сосѣдомъ священникомъ дружно,
 Приглянулася старшая дочь,
 Церемоній, подумаль, не нужно
 И посваталъ; священникъ не прочь,
 Мать готовить приданое стала,
 Согласилась и дочка, да братъ
 Посмѣялся надъ ней, отказала:
 „Фи, какъ можно... женихъ изъ солдатъ“...

Хоть въ отставкѣ, но нужно жъ кормиться,
 Нужно мать, да сестренку призрѣть,
 Не приходится бѣднымъ лѣниться —
 Вздумаль службу себѣ приглядѣть.
 Вышло мѣсто — пошолъ, объяснился,
 Принимають —принесъ аттестатъ:
 „Ахъ, pardon, не могу, извинился
 Управляющій: вы — изъ солдатъ“...

На обѣдѣ публичномъ, парадномъ,
 Въ честь какихъ-то заѣзжихъ гостей,
 Въ настроеньѣ ума благодатномъ
 Рѣчь объ этомъ завелъ казначей.

- „Объясните намъ факта значенье,
Гости просятъ: что жъ онъ? глуповатъ?“
— „Нѣтъ, не глушь.“ — „Такъ его поведенье?“ ...
— „Ничего.“ — „Ну такъ что же?“ — „Солдаты...“

Май 1869 г.

НА НОВОМЪ ПОПРИЩѢ.

„Еще отъ жизни жду я радости и блага,
Хотя мое грядущее темно,
Ужъ не тягчить плеча постылая сермяга,
Взглянуть на міръ свободнымъ суждено.

Полвѣка въ кабалѣ, безъ воли, безъ сужденій,
Въ толпѣ невѣждъ, среди кромѣшной тьмы
И низкихъ помысловъ и посплхъ убѣжденій —
Я жадно ждалъ свободы и сумы.

И наконецъ блеснулъ лучъ свѣта, долго жданный,
Изъ рабства выйдя, самъ я господинъ...
Но чуждый обществу, въ толпѣ изячно-чванной,
Съ душой смущенною, стою одинъ.

Смотрю по сторонамъ — какой-то странный шопоть,
И на устахъ усмѣшка безъ стыда,
Надменный взглядъ, сарказмъ, презрѣнья дикій ропоть,
Да подъ улыбкой скрытая вражда.

А вся вина — какъ больно, право, — грязь рожденья,
 Да рабства грязь — судьба была скупа!...
 И дико смотритъ взоръ, въ умѣ кипятъ сомнѣнія:
 Куда идти? сторонится толпа...

Вотъ бѣдняки какъ я, — солюсь-ли съ ними вѣчно,
 И паріемъ — глупцомъ окончу вѣтъ?
 Иль въ свѣтъ стезей труда, стезею безупречной,
 Жизнь изучивъ, войду — какъ человѣкъ?...

Съ издѣтства и поднесъ любимую мечтою
 Былъ знанья мнѣ далекій, свѣтлый лучъ;
 Но утомился я, усталъ въ борьбѣ съ судьбою,
 Умъ изнемогъ, какъ ни былъ онъ кипучъ.

Забили мысль во мнѣ, согнули силу воли,
 И спитъ душа въ невѣдены нѣмомъ;
 Я вспомнить не могу безъ судорожной боли —
 Какъ замиралъ я въ жизни подъ ярмомъ.

Вся внутренность горитъ, горятъ мои ланиты,
 И мысли въ даль, на путь труда бѣгутъ:
 Вѣдь силы есть еще, не всѣ они забыты —
 Я положу на умственный ихъ трудъ.

О пробудись душа! оставь свой сонъ мятежный,
 Свой долгій сонъ — послѣдствіе яра:
 Презрѣнію толпы отвѣтить неизбежно
 Высокимъ намъ развитіемъ ума.

И такъ отъ жизни жду я радости и блага,
Несбыточное, вѣрю, должно быть.,
Благослови-жь меня въ далекій путь, отвага
Трудиться я иду, а послѣ жить...“

24 Сентября 1864 г.

ЕЩЕ НЕ ВСЕ ПОГИБЛО.

Юноша статный, красивый, воспитанный,
 Нравственно-честный, развитый, начитанный,
 Воли желѣзной, характера гордаго,
 Разума вышаго, свѣтлаго, твердаго,
 Вслѣдствіе жеребья лѣтъ и рожденія,
 Въ грустное брошенъ судьбой положеніе.
 Нѣтъ ему имени, нѣтъ и прозванія,
 Общю кличкой: солдатъ прозывается,
 Хоть благородное носить онъ званіе,
 Каждый бѣжитъ его, каждый чуждается.
 Нравственныхъ качествъ, людскаго достоинства,
 Общихъ гражданскихъ правъ cadaго воинства—
 Видѣтъ и быть вездѣ, правилъ приличія—
 Этой основы людскаго величія,
 Правъ человѣческихъ, правъ воспитанія—
 Не признають за нимъ въ силу преданія.
 Всѣми онъ, всѣми почти презирается,
 Гдѣ-бъ ни пошоль—никуда не впускается,
 Гражданъ дома—очаги поэтичныя,

Клубы, театры, концерты публичные,
Книгъ и научныхъ пособій хранилища—
Заперто все для него какъ святилище...
Выходь одинъ... Но съ душою пытливою,
Съ жаждою жизни и знаній ревнивою,
Гордо, какъ демонъ, всѣмъ міромъ отверженный,
Въ прахъ и опалу фатально поверженный,
Времени ждетъ онъ—какъ свѣтски развитые
Наши бояре, купцы именитые,
Графы, бароны, князья благородные,
Люди богатые, люди свободные,—
Службу должны будутъ несть обязательно,—
Съ ними сравнится тогда онъ блистательно...

21 Января 1870 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Молитва Славянна	1
Обаянiя	4
Общее дѣло.	9
Къ друзьямъ	11
На Нѣманѣ.	13
Мечта игривая осеннiй первый балъ.	17
Въ дорогѣ	19
Въ саду	25
Праздникъ пасхи	27
Артисткѣ	30
Е. С. З—вой	32
А. К. Т—нѣ	33
Ей же	34
П. П. Л—ву	35
И. П. В—ву	37
С. Е. С—му	38
Е. П. К—ой	39
А. П. С—ой	41
Е. П. С—ой	42
П. П. Л—ву	43
Иностранкѣ	44
Начинающей артисткѣ	45
Ты хороша какъ грѣхъ невольный увлеченья	46
П. И. К—му	47
Новобрачнымъ.	48

	СТР.
В. И. К—му	50
П. Ф. З—вой	52
Е. И. Д.	54
Е. Ф. М—вой	56
Расцвѣтающей красавицѣ	58
Несчастной женщинѣ	59
Сельская идиллія	62
Отвѣтъ	64
Монастырка	66
Гадаше	68
Современной женщинѣ	73
Шемизетка растегнулась	77
„Перестань же сердиться—цалуй	78
Весною	79
Е. Н. Ш—ской	81
Душа болитъ, душа скорбитъ	83
Портгера за нами упала	84
Е. А. М—вой	86
Въ деревнѣ	88
Встрѣча	93
Маріи Пр—цкой	97
Кавказъ	100
Поэту	103
«Ты не знаешь, мой милый, какъ страстно тебя	104
Ты уѣхалъ, мой милый,—быть можетъ, во вѣкъ	106
На похоронахъ	108
Пѣсня отверженца	111
Струйки	114
Ужь май, но засуха, и дождикъ благодатный	116
Не для сладкихъ молитвъ, не для гимна любви	117
Сосѣдки	120
Убийство	122
Ловкій господинъ	124
На кладбищѣ	127
Новогодняя ночь	131
Поэтъ и сваха	138
Наша гостя	143
Поэзіи подь свѣтлымъ горизонтомъ	147
Пожаръ	148
Рекрутскій наборъ	154
Любила купчиха ревниво и пылко дѣтину	160

	СТР.
Ночлежь на этапѣ	161
Пѣсня сироты	166
Передъ походомъ	174
Побывка	180
Въ казармѣ	187
Больной	189
Разсказъ рекрута	192
Богатыри	198
Солдатскія радости:	
I. Баня	202
II. На походѣ	205
III. На проводахъ	206
IV. Въ церкви	208
На родинѣ	210
Поздно не поздно	213
Дума солдатская	215
Покинутая	218
Двѣ жизни	221
Ротная школа	226
Жизнь солдатская	231
Вечерняя бесѣда	232
Солдатка	238
Посыльный	243
Приказалъ намъ долго жить	245
Регистраторъ	249
На новомъ поприщѣ	252
Еще не все погибло	255

С. П. Б.
НИЖНЯГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРА
В. И. КЛОЧКОВ
ПРОДАЖА И ПОКУПКА

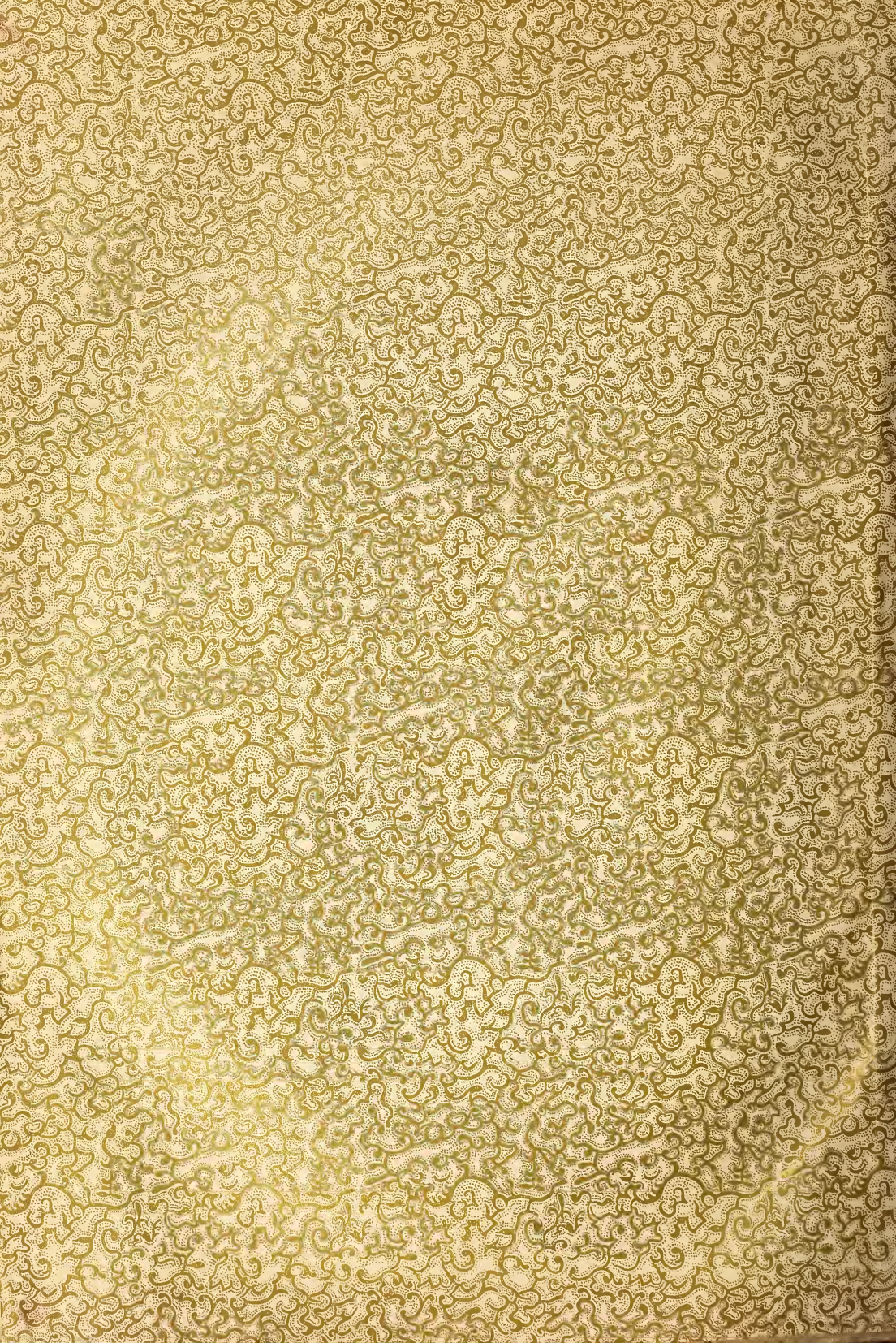

Цѣна 1 р. 50 к.

1-R.

LIBRARY OF CONGRESS

0002413524A